

ПЕРА-БОГАТЫРЬ

1 р. 10 к.

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ozon.ru
выбирайте

1188986459

ПЕРА- БОГАТЫРЬ

СКАЗКИ
ФИННО-УГОРСКИХ
НАРОДОВ

Художник А. В. Мошев

Сыктывкар
Коми книжное издательство
1985

C61
B21

Составители: Августа Степановна Васькина,
Дмитрий Мартемьянович Леканов

B21 Пера-богатырь. Сказки финно-угорских народов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во.
1985. — 128 с.

Этот сборник состоит из двадцати четырех сказок финно-угорских народов — ханты, манси, коми-пермяков, коми, удмуртов, мордвы, марийцев, карелов, финнов, саамов, эстонцев, венгров.

Сказки объединены одной общей идеей: они рассказывают о народной мудрости и смекалке, высмеивают человеческие пороки, показывают, что добро сильнее зла и справедливость всегда берет верх.

К 0762—079 49—85 м
М 128(03)—85

C61

КАК ИМИ-ХИТЫ НА САНКАХ КАТАЛСЯ

Хантыйская сказка

МАЛЕНЬКИЙ Ими-Хиты ни отца, ни матери не помнит, давно они умерли. Ими-Хиты с бабушкой живет. Живут они на далеком берегу большой реки, таком далеком, что если идти туда, это место краем Земли покажется.

Растет мальчик, и дороги его растут, все дальше от дому уходят. По лесу бродит — слушает, по тундре идет — смотрит. Однажды прибежал к бабушке и говорит:

— Бабушка, кого это я видел: сам серый, хвост черный, от дерева к дереву быстро бегают, с ветки на ветку прыгают.

Бабушка отвечает:

— Это белка. Твой отец много белки добывал.

— И я добывать буду, — говорит Ими-Хиты.

— Мал ты еще, внучек, — бабушка сказала. — Ты за ней погонишься, она от тебя на дерево убежит, в густых ветвях скроется. Что ты с ней сделаешь?

В другой раз Ими-Хиты так бабушку спросил:

— Опять я видел кого-то. Весь белый, только кончик хвоста черный. Не знаешь ли, как его зовут?

— Как не знать! — смеется бабушка. — Горноста́й это. Твой отец помногу горностаевых шкурок приносил.

— Ну, так я побегу, догоню его.

— Ох, внучек, разве горноста́й догонишь! Он от тебя под корнями дерева спрячется. Что тогда сделаешь?

Еще раз прибежал Ими-Хиты, издали кричит:

— Бабушка, бабушка, не белку, не горноста́й я видел. Темный, как мокрая кора, этот новый зверь. Ушки круглые, хвостик пушистый.

Бабушка отвечает:

— Самый дорогой зверек тебе повстречался. Соболем называется. Отец твой говорил: шкурку соболя добыть — удача для охотника.

— Побегу я, бабушка, за ним, за своей удачей побегу!

— Ох, внучек, соболь — зверь с длинным следом. По такому следу охотник, бывает, три дня, три ночи идет. Да и чем убьешь его?

— А чем мой отец убивал?

— Луком звенящим, стрелой поющей, — отвечает бабушка.

— А сумеешь ты сделать мне лук и стрелы?

— Попробую, может, выйдет что.

Долго трудилась бабушка, ведь не мужчина она, а старая женщина. Все-таки смастерила лук, стрелы сделала, тупые наконечники насадила — на пушного зверька. Начал Ими-Хиты охотиться. Сперва за три дня одного зверька приносил, потом за один день — трех. Принесет добычу, бабушка внука накормит, напоит. Сядут вдвоем тушки разделывать, бабушка учит-показывает:

— Отец твой вот так свеживал, так шкурки натягивал для просушки.

Ими-Хиты старается, все так делает, как отец делал.

Теперь лучше стали жить бабушка и внук, есть сытнее, одеваться теплее. Ими-Хиты растет, подрастает.

Однажды говорит он бабушке:

— Бабушка, я ближние места все исходил. Смастери мне кузовок, положи в него на три дня съестного припаса. Хочу на дальних путях охотиться, дальнего зверя бить.

— Ну что ж, как просишь, так и сделаю, — отвечает бабушка. — И твой отец не все вокруг дома промышлял.

Села бабушка у очага, из гибкой бересты изладила хороший кузовок. Положила в него побольше еды, отправила внука на дальнюю охоту.

Вышел из дому Ими-Хиты, бросил впереди себя свои подволоченные лыжи. Куда они ногами легли, в ту сторону он и пошел.

Идет, следы примечает. Увидел след мышки — пошел по следу мышки. Перебился тот след следом соболя, он по соболиному следу отправился. Потом ступил на песцовый след. Ни одного зверя не добыл, а от дома на три дня ушел. В кузовке съестного припаса лишь на доньшке осталось. Ими-Хиты съел последнее, подумал:

«Охотничье счастье — что ветер: то в одну сторону дует, то в другую. А все-таки далеко я побывал. Верно, и отец мой отсюда домой бы повернул».

Сделал Ими-Хиты разворот на лыжах, вдруг слышит — свист по лесу идет, крик раздается, хохот, как гром, перекачивается. Ими-Хиты немножко испугался, немножко обрадовался — человек близко, а какой такой человек, не знает... Он на своем веку только бабушку и видел.

Стал Ими-Хиты меж деревьев и кустов пробираться. Вышел на высокий берег реки. Видит — с ледяной горы на санках мальчишка катается. Ростом чуть пониже дерева, брови у него — что длинный мох, волосы — что густой кустарник. Чудной такой: катится вниз — громким криком кричит. Скатится на речной лед — звонким хохотом хохочет, в ладони бьет.

Ими-Хиты глаза раскрыл — смотрит, уши раскрыл — слушает. И мальчишка его увидел.

— Иди сюда, человеческий мальчик, вместе кататься будем! — закричал.

— А ты чей мальчик? — Ими-Хиты спрашивает.

— Я Менгк-поших, из семьи лесных духов, — тот отвечает. — Садись передо мной на санки, я тебя покатаю.

— Лучше я позади тебя сяду, — говорит Ими-Хиты. — Очень уж ты громко кричишь, я на санках не удержусь.

— Разве я громко кричу? — удивился Менгк-поших. — Ну, хорошо, я совсем тихонько кричать буду.

Сели. Ими-Хиты впереди, Менгк-поших сзади. Только раскатились, закричал от радости лесной мальчишка. У Ими-Хиты в ушах зазвенело, свет в глазах померк. Упал он с санок, ничего не помнит. Долго ли, коротко ли лежал на снегу, очнулся, видит — Менгк-поших санки опять в гору тянет.

Ими-Хиты на себя рассердился, на мальчишку обиделся. Не стал дожидаться, пока тот на гору поднимется, подвязал лыжи, в обратный путь пустился, с пустыми руками вернулся к бабушке.

Время своим чередом идет. Зима кончилась, весна прошла, лето миновало, осень с дождями новой зимой сменилась. Ими-Хиты охотится, не далеко и не близко от дому уходит, добычу бабушке несет.

И как настала опять пора подволоченных лыж, Ими-Хиты в дальний путь собрался. К тому лесу, к той горе лыжи направил, где с лесным мальчишкой катался на санках. Не дает ему покоя обида, что он тогда на санках не удержался, хочется ему над мальчишкой верх взять.

Только и в этот раз у него ничего не вышло. Хоть и сел позади, все равно упал с санок, когда Менгк-поших закричал-засмеялся.

Опять в обиде на мальчишку, в досаде на себя ушел Ими-Хиты с того места.

Год прошел. Ими-Хиты совсем вырос, парнем стал. Плечи широкие, руки сильные, на целую голову выше бабушки.

«Уж теперь-то, — думает, — не упаду с санок, хоть впереди, хоть позади сяду. Пусть Менгк-поших кричит, сколько хочет!»

Встретились на горе Ими-Хиты и Менгк-поших. Менгк-поших над Ими-Хиты смеется.

— Ну что, опять кататься пришел, с моих санок падать?

Ими-Хиты отвечает:

— Кататься буду, падать не стану.

Сели, покатались. Тут Менгк-поших так закричал, как раньше не умел. Он ведь тоже за эти годы подрос. С ближних деревьев хвоя осыпалась, на дальних деревьях ветки закачались. Не удержался Ими-Хиты — упал без памяти. Очнулся, сказал:

— Не буду с тобой больше кататься. Сам себе санки сделаю.

Взял Ими-Хиты свой топорик, срубил тонкую березку, расколол ее пополам, стал обтесывать. А Менгк-поших стоит рядом, на его работу смотрит. Ими-Хиты махнет топором, блеснет на солнце лезвие, Менгк-поших засмеется. Так засмеется, что топор у Ими-Хиты в руках дрогнет, скользнет по дереву, даже зарубинки не оставит. А Менгк-поших еще громче смеется. Потом говорит:

— Тупой у тебя топор, наострить надо.

Ими-Хиты отвечает:

— А на чем наострить? Я с собой точила не захватил.

— Как на чем? На моем языке наточи.

И высунул язык. Длинный, шершавый, лучше всякого точила.

Принялся Ими-Хиты водить топором взад-вперед по языку Менгк-пошиха. Щекотно тому стало, засмеялся он. Дрогнул топор в руках Ими-Хиты, соскользнул, ребром повернулся и отрубил кончик языка у лесного парнишки.

Замахал руками Менгк-поших, затопал ногами. Кричать не может, смеяться не хочет. Санки бросил, побежал прочь.

«Эх,— думает Ими-Хиты,— сам виноват. А все-таки жалко его!»

Подобрал отрубленный кончик языка, положил в кузовок и пошел по следу Менгк-пошиха. Долго шел, и привел его след к большому селению. Дома там из толстых бревен сложены. Где лиственничных стволов не хватило, еловые клали, где еловых не хватило, клали лиственницу.

Оборвался путь Менгк-пошиха у двери не лучше, не хуже других. Видно, туда вошел лесной парень. Ими-Хиты быстро на крышу дома взобрался, приложил ухо к дымовому отверстию. Так и есть, там Менгк-поших. Слышно, как стонет и плачет, слышно, как домашние его расспрашивают, никакого толку добиться не могут. Потом говорит кто-то — может, мать, может, бабушка:

— Видишь, со средним братом что-то случилось. Беги к дедушке, спроси, какая беда, чем помочь. Дедушка все видит, все знает, он не поможет, никто не поможет.

Выбежал из дома совсем маленький лесной мальчишка. На правой ноге пляшет, левой рукой машет, поет и хохочет чуть потише Менгк-пошиха, много громче, чем Ими-Хиты смеялся, когда бабушка ему смешное рассказывала. Поплясал, поскакал, в соседнем доме скрылся.

Ими-Хиты, как белка, с крыши спрыгнул, на соседнюю крышу взобрался. Опять слушает. Кто-то в доме мальчишку спрашивает:

— Зачем, внучек, пришел? Верно, за делом тебя прислали?

Внучек ничего не отвечает, только слышно, как ногами притопывает, в ладоши прихлопывает. Поплясал, поскакал, из дому выскочил, в свой дом убежал. А Ими-Хиты все слушает. Тот же голос говорит:

— И с чего это у нас, лесных дедушек, такие лесные внуки растут — озорные да бестолковые? Когда еще ума наберутся! Придется самому пойти.

Услышал такое Ими-Хиты, еле успел с этой крыши спуститься, на ту крышу взобраться. Тут вышел из своего дома старик. Брови, как белый мох, волосы, как ворох пожелтелых листьев. Из своего дома вышел, в дом, где живет Менгк-поших, вошел. Слышит Ими-Хиты, старик говорит:

— Ну что, внучек Менгк-поших, доигрался?

А Менгк-поших ничего не отвечает, только стонет.

Мать его плачет, у деда спрашивает:

— Что же с ним такое? Бедное мое дитя никому зла не сделало. Ему кто-то зло сделал! Помоги скорей, дедушка, твой ведь это внук!

— Я ему помочь не могу,— отвечал дедушка.— Пусть тот поможет, кому наш мальчишка досадила,— человеческий парень, по имени Ими-Хиты.

— А где его возьмешь, этого Ими-Хиты? — плачет мать.

Дедушка отвечает:

— Да ведь недалеко ходить! Ими-Хиты на крыше сидит. Что мы говорим, в дымовое отверстие слушает.

— Побегу позову! — мать крикнула.

— Нет, не годится, — сказал дедушка. — Ты позовешь — Ими-Хиты не пойдет, я позову — не пойдет, Менгк-пошиха и посылать не стоит — он ничего сказать не сможет. А посылать надо старшую его сестру. Кто такой красавице откажет?

Тут вышла из дома девушка. Глянул на нее Ими-Хиты, чуть с крыши не свалился. Брови у девушки, как летящая птица, косы, как поющая птица, поведет головой — слышен звон серебра и золота.

Поглядела красавица вверх, увидела Ими-Хиты, усмехнулась, слова не сказала, в дом назад пошла.

У Ими-Хиты сердце оборвалось, за красавицей покатилося. За своим сердцем и сам Ими-Хиты спрыгнул, в дом побежал. Там схватил из кузовка кончик языка Менгк-пошиха, на место приставил. Мигом сросся язык.

Менгк-поших заплясал, засмеялся, только открыл рот, чтобы закричать погромче, да посмотрел на Ими-Хиты и сказал тихонько:

— Вижу, вижу, этот мой товарищ дорогое принес, с дорогим и уйдет.

Все на Ими-Хиты посмотрели, а он глаз с красавицы не сводит. Тогда все на красавицу посмотрели — она глаз с Ими-Хиты не сводит.

Сказал тут старик:

— Э, давно, видно, надо было Менгк-пошиху язык укоротить, может, давно бы поумнел. Правду мой внучек сказал — само дело сладилось, не нам его разлаживать. Ну, как, Ими-Хиты, верно мы с внуком угадали, ответь.

А Ими-Хиты не отвечает, к девушке подошел, с ней заговорил:

— Пойдешь за меня замуж?

— Пойду, — девушка сказала.

Что ж теперь долго рассказывать — на другой же день свадебный пир устроили. После пира Ими-Хиты с молодой женой в обратный путь собрался, к бабушке своей.

Не много еще отошли, выскочил из дома Менгк-поших, стал им вслед свой язык показывать, стал смеяться, громким криком кричать. Закачались деревья, и Ими-Хиты покачнулся, а все же удержался на ногах. Теперь настоящим мужчиной он стал, женатым охотником! Разве поддается на озорство лесного мальчишки?

Бабушка Ими-Хиты с радостью встретила внука и невестку. Так внуку сказала:

— И с твоим отцом такое было. Пошел однажды на охоту, зверя не притащил, шкурок не принес, зато жену за руку привел, ту, что твоей матерью стала. Ну, входите в дом!

МАЛЬЧИК ИДЭ

Хантыйская сказка

ЖИЛ-БЫЛ мальчик Идэ. Рано остался он круглым сиротой. Отец его, охотник, ушел однажды в тайгу на промысел и не вернулся. А вскоре умерла и мать. Взяла мальчика к себе старая бабушка.

Любила бабушка внука, и Идэ тоже любил бабушку. Целый день бегал за ней по пятам: бабушка к речке — и Идэ за ней, бабушка в лес — и Идэ с нею. А один никуда от избушки не отходил: боялся.

— Стыдно таким трусом быть, — говорила ему бабушка. — Ведь ты уже большой мальчик, а всего боишься.

Молчит Идэ. А бабушка думает:

«Как бы его храбрым вырастить? Другие в его годы и за рыбой, и за птицей в лес одни ходят, а мой Идэ — ни шагу без бабушки».

В тот год в тайге много кедровых орехов уродилось. Вот бабушка как-то и говорит:

— Пойдем, Идэ, орехи собирать.

— Пойдем, бабушка.

А в лес надо было ехать по реке.

Собрала бабушка берестяные корзинки и села в челнок. Идэ рядом с ней пристроился...

Оттолкнулись веслом от берега и поехали.

День выдался ясный, теплый.

Проехали бабушка с Идэ две песчаные косы, проехали и третью. К четвертой косе причалили.

Вытащили челнок на берег, сами на горку поднялись, в тайгу вошли.

Стали бабушка и Идэ орехи собирать.

Высокие кедровые деревья прячут в ветвях зрелые шишки. Бабушка ударит по сучку колотушкой — шишки сами на землю и падают.

Носят бабушка с внуком полные корзинки шишек в челнок. Так много орехов набрали, что на всю зиму хватит. Можно бы и домой ехать. А бабушка села на пень и думает: «Надо, чтобы внучек мой храбрым вырос. Испытаю я сегодня его, оставляю на ночь в лесу. Медведи и волки здесь не водятся, а остальные звери не страшны». Подумав так, говорит бабушка внуку:

— Ой, Идэ, забыла я на горке еще одну полную корзинку. Сбегай, внучек, принеси.

Побежал Идэ на горку. А бабушка села в челнок, оттолкнулась от берега — и поплыла.

Глядит Идэ с горы — уплывает бабушка. Все дальше и дальше уносит ее река.

Закричал Идэ с горы, заплакал:

— Бабушка! Бабушка! Что же ты меня одного оставила?

А бабушка с лодки отвечает:

— Побудь здесь ночку, внучек, а я утром приеду за тобой.

Так и уплыла. Идэ один на берегу остался.

«Что же теперь со мной будет?» — думает он. — Пропаду я тут один, конец мне пришел».

А солнышко тем временем уж низко за тайгу опустилось: вечерет, скоро ночь наступит.

Стал Идэ над рекой от дерева к дереву бродить — ищет, где бы на ночлег устроиться. В большом старом кедре увидел он глубокое дупло. Залез туда, свернулся клубочком и лежит тихонько. Сам ни жив ни мертв от страха.

Потемнела тайга, нахмурилась. Ветер поднялся, дождь пошел. Падают шишки на землю, стучат по стволу. Совсем испугался Идэ. Спрятался он еще глубже в дупло, дрожит, боится, как бы звери не пришли. А его никто и не думает есть. Только кедровые шумят под дождем. Как ни трусил Идэ, все-таки понемножку засыпать начал. Всю ночь и провел в дупле.

Утром просыпается — смотрит: светло, небо ясное, день жаркий, солнечный. Шумят над ним свежие зеленые ветки, а птицы так и заливаются.

«Жив ли я?» — думает Идэ со страхом.

Стал он сам себя ощупывать; правую руку протянул — тут рука, левую протянул — и левая тут. Голова на месте и ноги целы. Никто не съел.

Вылез Идэ из дупла. Смотрит — кругом на земле шишек видимо-невидимо. Ночью насыпались. Вот хорошо-то!

Стал он шишки в кучу собирать.

Большую кучу набрал. Глянул на реку, а у берега на песке знакомый челнок лежит, и бабушка, кряхтя, в гору поднимается. Закричал Идэ бабушке издали:

— Ты что же меня вчера одного оставила?

А бабушка и отвечает:

— Это я нарочно, Идэ. Я хочу, чтобы ты храбрым вырос. Ты — человек, а человек над всем на свете хозяин. А разве ты не хочешь храбрым быть?

— Хочу, — тихонько говорит Идэ.

Помирились Идэ с бабушкой. Пошли вместе орехи собирать. Опять целый челнок шишек набрали. Домой поехали.

С тех пор перестал Идэ всего бояться. И в лес, и на реку — всюду один ходит. Нигде ему не страшно.

СКАЗАНИЕ ПРО БОГАТЫРЯ ВИЦ-ОТЫРА

Мансийская сказка

В ВЕРХОВЬЯХ Онку-ях-реки, что в многоводную, многорыбную Обь впадает, семеро братьев живут, восьмая сестра. Братья, как горные скалы, как утесы речные, крепки. Сестра, как весенний цветок, нежна. Месяц такой красавицы не видал, солнце такой красавицы не видало. Длинные ее косы медными птичками-подвесками украшены. Повернет она голову, подвески звенят, будто птички поют.

Однажды младший брат поиграть вздумал. Взял лук, пустил стрелу, одну птичку-подвеску сбил. Девушка ничего не заметила, да братья смеяться над ней начали. Тогда она рассердилась, вырвала лук у младшего брата да так натянула тетиву, что лук пополам сломался. Старший брат вступился за младшего, тоже пустил стрелу, сразу семь птичек сбил.

Тут сказала девушка:

— За то, что вы моих медных птичек сбили, не будет вам удачи в охоте на птиц. А я с вами больше жить не хочу. Обидели меня — в лес от вас уйду!

Братья тоже обиделись.

— Ну и уходи от нас! — крикнули.

Ушла сестра. Братья за ней не побежали, не стали искать. Думали: походит по лесу, походит и назад вернется. А она не вернулась. Что с ней случилось, потом узнаем.

* * *

В смородиновом городке, на берегу многоводной, многорыбной Оби, Виц-Отыр, молодой богатырь, жил. Однажды утром вышел он из дому, голову поднял, на ясное небо посмотрел. Видит, летит стая чернетьей — уток-нырков, а с ними черный ворон Острый Ключ. Виц-Отыр на землю кусок мяса бросил. Чернети мимо пролетели, черный ворон вниз спустился, мясо склевал. Потом сделал круг над головой Виц-Отыра и сказал:

— Виц-Отыр, славный богатырь, до какой поры ты здесь один гулять будешь? Послушай, что я тебе поведаю. В верховьях Онку-ях-реки семь братьев живут. С ними, восьмою, сестра жила. Такой красавицы солнце не

видало, месяц не видал. Обидели ее братья, посмеялись над ней, медные птички-подвески с кос сбили. Ушла она от них в лес, а там ее лесной дух, трехсаженный Менкв-Ойка, схватил, к себе в городок унес. Вот бы тебе ее у менква отнять, самому на ней жениться!

Сказал так ворон Острый Клюв и дальше полетел.

А Вищ-Отыр загрустил, задумался. Домой не заходя, к старшему брату отправился.

Пришел к старшему брату, тяжелую дверь, из стволов лиственницы слаженную, распахнул, через порог переступил. Давно братья не виделись, поздоровались, сели, разговор завели. Вищ-Отыр рассказывает:

— Есть на свете красавица, семи братьев сестра. Такой красавицы солнце не видало, месяц не видал. Обидели ее братья, она в лес от них ушла, а там ее Менкв-Ойка схватил, к себе в городок унес. Вот на той красавице хочу я жениться. Что, старший брат, скажешь?

Старший брат не отвечает. Сидит, молчит, голову опустил. Пока молчал, три раза рыба в котле свариться могла бы. Наконец голову поднял, на младшего брата взглянул, сказал:

— Да ты знаешь ли, каков Менкв-Ойка, лесной дух? Страшен он. Ростом в три сажени, в обхват — три сажени. Кости его крепче железа, мышцы тверже камня. В городке его менквов столько, сколько муравьев на муравьище в жаркий день. Птица городок его из конца в конец пролететь не может, от усталости падает. Если человек посмотрит — края городка не увидит, взор на середине оборвется. Не ходи туда, головы не унесешь!

— Милый брат, — просит Вищ-Отыр, — а как же девушку без защиты у злого менква оставить?

Старший брат отвечает:

— Была у нее защита — семеро братьев, как горные скалы, как речные утесы. Сама от них ушла, сама виновата!

Вищ-Отыр рассердился, с места вскочил. Половицы под его ногами, как рыбы ребра, прогнулись. Бросился к выходу, на пороге обернулся.

— Не человек ты — брус точильный! Ножи бы об тебя точить — вот как хорошо было бы! Камень ты!

Из дому выбежал, дверью хлопнул. Не будь она ладными руками сделана, в щепки бы разлетелись лиственничные бревна.

Вернулся Вищ-Отыр в свой городок, места себе не находит. Поставил варить оленью голову. Олень заколот в безлистное, осеннее время, когда звери жиреют. А сварилась голова, Вищ-Отыр куска проглотить не может.

— Не захотел брат помочь, один пойду! — сказал себе.

Пошел на берег реки, стал спускать на воду семисаженную длинную лодку. Только успел в нее сесть, прибежала на берег Вищ-Отырева сестра, схватилась за распорку на корме лодки.

— Милый братец, — кричит, — не езд! Куда ты один пойдешь? В дальнем месте убьют тебя, в далекой стороне погубят тебя! Дома останься!

Вищ-Отыр ничего ей не ответил. Ударил громко звенящим железным веслом по воде, вырвалась лодка на середину реки, а распорка в руках сестры осталась.

Молодой богатырь сильно гребет, так сильно, что буря поднялась, гром загремел. В ближних селениях люди от ветра на землю попадали, в дальних селениях вверх глядят, удивляются, откуда гром гремит, когда в небе ясно.

Три дня, три ночи Вищ-Отыр так греб. На четвертый день городок лесного духа показался. Богатырь к берегу пристал, из лодки вышел, подумал: «Если так пойду, увидят меня менквы!»

Обернулся рогатым оленем, немного пробежал, опять думает:

«У менквов зоркие глаза. Если долго так бежать буду, узнают меня!»

Ястребом обернулся. Два круга в небе сделал, вперед полетел.

Уже совсем близко Менкв-Ойки городок. Ястреб-Вищ-Отыр думает:

«И ястребом нехорошо! Если долго так лететь буду, догадаются менквы!»

Короткохвостой ящерицей обернулся, меж травинок, меж листиков скользит. «Так, пожалуй, не разглядят меня!»

Добежал ящерицей до ограды. Высокая ограда у менквов. Палисады в небо уперлись, вершинами за темные тучи задевают, нижними концами, верно, в подземный мир уходят. Нигде щелочки не найти, внутрь ограды не пролезть. Вищ-Отыр-ящерица в трещинку бревна забился, сидит. Потом так сказал себе:

— Долго ли мне сидеть? Чего ждать?

Стал он просить Верхнего духа:

— Верхний дух, пошли жару на семь дней, на семь ночей!

Услышал Вищ-Отыра Верхний дух, наслал жару. Такую жару, что листья на деревьях привяли, трава пожелтела, земля потрескалась.

Менквы старухи, менквы старики в городке ямы повыкопали, забрались в них. Молодые менквы в реке плещутся.

Вищ-Отыр все в трещине сидит — теперь знает, чего ждет. Как задумал, так и стало. На третий день спустились к реке из городка десять женщин. Девять из них женщины-менквы, среди них старшая — Менкв-Ойки сестра. Худая, длинная, и имя у нее длинное. Зовут ее: Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина.

А десятая... Не у менквов такая красота родилась! Глаза у нее как две спелых смородины, щеки румяные, косы до колен, на концах кос птички сидят, песни поют. Вот она — красавица, вот о ком говорил черный ворон Острый Ключ!

Стали женщины купаться. Наплескались вволю, вышли из воды, одеваются. Вдруг красавица вскрикнула:

— Кэй! Какой-то зверек мне в рубашку заполз!

А это Вищ-Отыр-ящерица заполз.

Схватила рубашку красавицы Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина, принялась трясти. А Вищ-Отыр уже иголкой обернулся, в рукав вкололся, крепко держится.

Оделись женщины, в городок уходят. Уже к воротам подошли.

Вищ-Отыр-иголка думает:

— «Чего дальше ждать? Что задумал, то делать надо!»

Выскользнул из рукава, упал на землю, в медведя превратился. Сгреб красавицу мохнатыми лапами и пустился бежать.

Долго ли, коротко ли бежал, добежал до своей лодки. Тут опять сделался Вищ-Отыр — богатырем, самим собой стал. Увидела его красавица, обрадовалась, улыбнулась ему.

Вищ-Отыр спрашивает:

— Куда лодку направлять? Хочешь — к братьям своим вернешься, хочешь — со мной поедешь, моей женой будешь?

Красавица отвечает:

— Куда ты, туда и я. Ты меня от злого Менкв-Ойки спас, я тебе верной женой буду.

Приплыли они в городок Вищ-Отыра. На другой же день Вищ-Отыр укреплять городок стал. В семь рядов палисады поставил, изнутри к ним заставы пристроил, чтобы удобнее было сквозь палисады стрелы пускать. Ведь не у кого-нибудь, а у Менкв-Ойки невесту отнял! Не простит тот обиды.

Ни много ни мало живет Вищ-Отыр с молодой женой, а только счастливо живет. Году не прошло, родился у них сын-красавец, будущий богатырь.

Смастерил Вищ-Отыр для сына берестяную люльку, жена люльку у окошка повесила. Однажды качала она люльку и песню пела:

Качаю я свое дитятко
В берестяной люльке с обручевым ободом.
Качаю я свое дитятко
В берестяной люльке с корневым ободом.

Качаю я свое дитятко
Пятипалой ногой с пятью пальцами.
Руки твои — молодые деревца,
Ноги твои — молодые деревца...

Заплакал ребенок, мать его перекладывает, а сама поет:

Выну я тебя из берестяной люльки
С корневым ободом,
Подниму я тебя вверх

Пятипалой рукой с пятью пальцами,
Буду я похаживать по тесовому полу
С десятью тесинами...

Когда мать сына перекладывала, сухой теплый мох в люльку клала, щепотка мха из колыбельки за окно упала. Летела мимо синичка, схватила мох и унесла.

* * *

А Менкв-Ойка целый год покоя не знает. Все по своей невесте, красавице маленькой женщине тоскует. У всех спрашивает, не видел ли кто, не слышал ли, куда она подевалась. Спрашивал и у сестры своей:

— Ты в тот день с ней купаться ходила, расскажи, что знаешь.

Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина отвечает:

— В тот день мы уже от реки к воротам подходили, вдруг, будто из-под земли вырос, встал между нами медведь. Схватил маленькую женщину и унес. Больше ничего не знаю.

Взревел Менкв-Ойка, к лесу бросился.

Три дня в лесу бушевал, деревья с корнем выворачивал, а к концу третьего дня стали падать на городок клочья медвежьей шерсти, когти медвежьи, зубы медвежьи.

Вернулся Менкв-Ойка страшнее бури, чернее тучи. Сестре так сказал

— Бил я медведей, стариков лесных трепал, в клочья разрывал... Пленницы моей, маленькой женщины, нету у них! Скажи, что знаешь?

Затряслась от страха Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина.

— Милый мой брат, ничего больше не знаю. Ничего больше не видела, ничего больше не слышала.

Стал Менкв-Ойка всех пробегающих зверей, всех пролетающих птиц, всех проплывающих рыб спрашивать. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Загрустил трехсаженный лесной дух, посреди городка скамью поставил, сел на нее и заплакал. Плачет-рыдает, ручьями слезы текут.

Так целый год сидит.

Пролетал как-то над городком черный ворон Острый Ключ. Менкв-Ойка голову поднял, спросил:

— Над землей ты повсюду летаешь, все видишь. Пленницу мою, маленькую женщину, не встречал ли где?

Отвечает ворон:

— Знаю, где она, видел ее. Только тебе, как ни проси, не скажу. Ты с охоты идешь — меня от добычи отгоняешь, кусочка мяса не кинешь, капельки крови не дашь.

Улетел ворон. А Менкв-Ойка от злой досады еще громче заплакал.

Тут пролетала над его головой синичка.

— Чип-чип, что я знаю! Что я знаю!

— Что ты знаешь? — крикнул ей Менкв-Ойка.

— Знаю, знаю, что в гнезде моим птенчикам тепло будет. У маленькой женщины, Вищ-Отыра богатыря жены, сын родился. Мать сыночку мохом люльку устлала. Когда ребенка перекладывала, клочок теплого моха за окно выпал. Я тот мох подобрала, в свое гнездо несу. Чип-чип!

Трехсаженный лесной дух разом плакать перестал. Вскочил, громко крикнул:

— Собирайтесь, менквы мои! Идем войной на Вищ-Отыра богатыря, что унес мою пленницу, маленькую женщину!

Снарядились менквы-воины, отправились. Столько их было, что когда первые к городку Вищ-Отыра подошли, последние только из ворот городка лесных духов выходили.

Впереди войска трехсаженный Менкв-Ойка идет. Рядом с ним брат его, по имени Пирх-Камка-Сорт-Камка, шагает. Подошел Менкв-Ойка к палисаду закричал:

— Эй, Вищ-Отыр, отдай мою пленницу, маленькую женщину! А не хочешь, свою силу, ловкость свою покажи. Посмотрим, кто кого одолеет.

Вищ-Отыр костяной лук схватил, стрелу из колчана вынул. Стрела длиной в четыре четверти, наконечник у нее железный, в три четверти. Наложил Вищ-Отыр стрелу на середину лука, стал тетиву натягивать. Натянул на всю длину стрелы, на всю длину наконечника. Пустил стрелу.

«Тэин-тэин», — она запела, лесного духа в плечо ударила, с ног его

сбила и дальше полетела. Потом в землю воткнулась во весь железный наконечник.

А Менкв-Ойка вскочил, к городку бросился. Рубит тяжелым ножом палисады, кричит:

— Куда годятся твои стрелы, куда тебе со мною тягаться!

Вищ-Отыр вторую стрелу пустил. Стрела в грудь лесного духа ударила, на три сажени его отбросила, а сама поверх голов войска перелетела, по самые перья в землю воткнулась.

Так бьются три дня без еды, три ночи без сна. У Вищ-Отыра тетивой кожу с пальцев содрало. Вдруг он слышит, Менкв-Ойка ему кричит:

— Эй, Вищ-Отыр, поесть хорошо бы, отдохнуть неплохо бы!

Перестали биться. Вищ-Отыр в дом вошел. Молодая жена лук у него из рук взяла, в угол поставила. Пот у мужа со лба рукавом утерла. Потом пить-есть подала. Он есть не начинает, сестре говорит:

— Иди к нашему старшему брату, скажи ему: тетивой у меня на пальцах кожу сорвало, силы мои кончаются. Не придет ли, не поможет ли мне. Беги в земле вырытым ходом, что ведет от моего городка к городку брата.

Побежала сестра. К старшему брату пришла, говорит ему:

— Старший брат, иди помоги младшему. Трое суток бьется он с лесным духом, тетивой ему на пальцах кожу сорвало, силы его кончаются.

Усмехнулся старший брат.

— Разве я человек? Я камень. Так Вищ-Отыр сказал. Если у него оружие затупилось, пусть придет, об меня поточит. А я к нему не пойду.

Заплакала сестра, в земле вырытым ходом назад побежала. Вищ-Отыр ее выслушал, ничего не сказал. Опять за лук взялся, стрелы схватил.

Пустил первую стрелу. Десять менквов рядом стояли — стрела всех десятерых пронзила. Вторая стрела пригвоздила к земле двадцать менквов.

А Менкв-Ойка со своим братом тяжелыми ножами три палисада в щепки искрошили, к четвертому добираются.

Еще так три дня без еды, три ночи без сна бьются. У Вищ-Отыра сил совсем не осталось, на пальцах белые кости показались.

— Эй, остановимся! — закричал он лесному духу. — Отдохнуть пора, поесть пора!

Согласился Менкв-Ойка. Он тоже поесть хочет, отдохнуть хочет.

Вищ-Отыр не домой пошел. В земле вырытым ходом к старшему брату отправился. Тяжелую лиственничную дверь распахнул, через высокий порог переступил. Со старшим братом поздоровался. Брат ничего не сказал. Жирную оленью голову в котел положил, котел на огонь повесил. Скоро и мясо сварилось, поели, попили. Молчат.

У стены большой ящик стоял. Старший брат поднял крышку, вытащил мешок, сшитый из рысьей шкуры. Оттуда кольчугу вынул. Из медных колец, из железных проволок скована кольчуга, блестит, переливается серебром и золотом. Надел ее старший брат. Поясом, дятловыми носами украшенным, опоясая. Меч в руки взял. Тогда только первое слово сказал:

— Теперь пойдем!

Подошли к городку Вищ-Отыра. Возле палисада громадный, как скала, валун лежал. Старший брат ударил по валуну ногой. С грохотом камень раскололся, на много кусков разбился. Посыпался каменный град на войско Менкв-Ойки. Половину его воинов разом перебило.

А старший брат выхватил меч из ножен, принялся крушить вражье войско. Вищ-Отыр от него не отстает. Старший брат налево рубит, младший — направо. Старший — направо, младший — налево. Тем менквам, что от каменного града уцелели, головы снесли.

Опустили мечи братья, огляделись. Все менквы мертвые лежат, только

лесного духа ни мертвого ни живого не видно. И брата его, Пирх-Камки-Сорт-Камки нету.

— Испугались нас, убежали! — сказал старший брат. — Догонять придется. Ты за которым погонишься?

— С кем бился, за тем и погонюсь! — отвечает Вищ-Отыр. — Менкв-Ойку стану преследовать.

— Как сказал, так и будет, — согласился старший брат. — Одно помни: если сил у тебя не хватит, если слабеешь начнешь, молчи, ни слова не промолви. Только обо мне подумай.

Пошли братья, куда следы повели. Старший брат — налево, младший — направо.

Долго ли, коротко ли шел-бежал Вищ-Отыр, наконец нашел трехсаженного лесного духа. Сидит он на стволе упавшего дерева, горько плачет. Вищ-Отыра увидел, вскочил.

— Ну, — говорит, — как биться будем? Лук и стрелы выберем или врукопашную схватимся?

— Луки наши уже опробованы, стрелы испытаны, — отвечает Вищ-Отыр. — Врукопашную мы еще не бились, силы рук друг друга не знаем. Давай поборемся!

Схватились оба. Земля под ними гудит, деревья кругом, как сухой камыш, качаются. То лесной дух верх берет, то Вищ-Отыр побеждает. А все же у трехсаженного Менкв-Ойки силы больше. Начал клониться книзу Вищ-Отыр, трещат его кости, руки, ноги слабеют.

Повалил лесной дух Вищ-Отыра на землю, выхватил нож, хочет богатырю горло перерезать.

«Милый брат, — думает Вищ-Отыр, — был бы ты здесь, не смотрела бы смерть в глаза!»

Только успел подумать, захлопали над ним крылья, закричал чей-то голос: «Ку-гу! Ку-гу!»

Взглянул вверх Менкв-Ойка, ослабил хватку. В тот же миг Вищ-Отыр из-под него выскользнул. Лесного духа на землю повалил, придавил, в черное его сердце нож воткнул.

Теперь сам вверх посмотрел. Видит — сидит на ветке филин, на него глядит. Спрыгнул с ветки, обернулся старшим братом, сказал:

— Менкв-Ойка тут лежит. Пирх-Камка-Сорт-Камка на том краю леса мертвый валяется. Больше у нас врагов не осталось. Возвращайся к своей жене, к своему сыну.

Вернулись они, веселый пир устроили. И семерых братьев, что живут в верховьях Онку-ях-реки, позвали. Жена Вищ-Отыра, сестра семерых братьев, ласково их приняла, обиду забыла. И братья тоже обиду забыли.

Долго после того Вищ-Отыр с женой в радости и счастье жил. Сын его богатырем рос, человеком сказки, человеком песни.

Вот нашему сказанию о богатыре Вищ-Отыре и конец пришел!

УМНАЯ СОВА

Мансийская сказка

СИДЕЛ однажды Верхний дух Топал-Ойка с женой у окна своего дома. Жена сказала:

— Ты кто такой, Топал-Ойка?

— Как кто такой? Верхний дух.

— А если ты Верхний дух, почему же в таком плохом доме живешь?

— Чем же наш дом плох? — удивился Топал-Ойка. — Мне наш дом нравится.

— У людей точь-в-точь такие дома. Это для Верхнего духа стыдно. Построй новый, просторный, высокий, чтобы все удивлялись, все его хвалили.

— А из чего же я такой дом построю? — спросил Верхний дух Топал-Ойка.

— Хорошо бы из костей, — посоветовала жена.

— Да где же столько костей взять?

— Очень просто, — отвечает жена. — Собери всех зверей, птиц, рыб и убей. Из костей новый дом построишь.

— Что ж, это можно, — говорит Топал-Ойка. — Так и сделаем.

Рыб собирать щуку послал. Зверей — юркого горностая. Птиц созывать велел длинноному куличку.

Немного прошло времени, приплыли рыбы, прибежали звери, прилетели птицы. Вышел Топал-Ойка, пересчитал всех и говорит:

— Звери все тут, рыбы все. А птицы не все — совы не хватает. Ты, куличок, сову видел?

— Нет, не видел, — куличок отвечает.

— Ну, беги, найди ее, — говорит Топал-Ойка. — Убивать, так всех сразу.

Побежал длинноногий куличок сову искать. Долго искал, наконец нашел. Она на высоком кедре сидела.

— Ты что, сова, сидишь? Разве не слышала, тебя звали!

— Кто звал?

— Топал-Ойка, Верхний дух. Он всех рыб, птиц, зверей собирает.

— А зачем?

— Всех убьет. Из наших костей новый дом построит. Старый дом жене Топал-Ойки не нравится.

— Ах, вот оно что! — говорит сова. — Ну, тогда ты иди, я потом прилечу.

Куличок обратно побежал.

— Нашел сову? — спрашивает Топал-Ойка.

— Нашел, — отвечает куличок.

— Где же она?

— На кедре сидит. Говорит, потом приду.

Ждут, ждут сову — не летит. Топал-Ойка опять куличка посылает:
— Беги скорей. Что ее так долго нет!

Побежал длинноногий куличок.

Сова все еще на кедре сидит.

— Что ж ты не идешь? — кричит куличок. — Все тебя ждут.

— В таком деле торопиться незачем, — отвечает сова, — еще немного подумаю. И за себя, и за вас мне ведь думать приходится, раз вы сами за себя не умеете. Иди, я следом за тобой полечу.

Прибежал назад куличок, от усталости еле дышит. Отдышался, сказал:

— Сова следом за мной летит.

Опять все ждут сову. А ее нет да нет. Рассердился Топал-Ойка на куличка.

— Беги за совой, да смотри, без нее не возвращайся!

В третий раз пустился куличок. А сова еще лапами по ветке не переступила. Как сидела, так и сидит. Куличок ей говорит:

— Ноги меня уже не держат, не могу больше за тобой бегать. И Топал-Ойка гневается.

Сова взмахнула крыльями, сделав круг над куличком.

— Видишь, лечу. А ты уж в последний раз, ног не жалея, беги вперед да скажи, пусть жена Топал-Ойки окно в доме растворит.

Прибежал куличок.

— Сова за мной летит. А вы окно в доме распахните — так она сказала.

Распахнули окно. Тут как раз и сова явилась. Села на окно, хвостом внутрь дома, клювом — наружу.

— Ты где пропадала? — спрашивает Топал-Ойка.

Сова молчит.

— Что ты молчишь? — сердится Верхний дух.

— Я думаю, — отвечает сова.

— О чем же? — спрашивает Топал-Ойка.

— А вот думаю: чего на земле больше — сухих деревьев или зеленых?

— Глупо ты думаешь, — говорит Топал-Ойка. — Зеленых деревьев на земле больше.

— Хэ! — говорит сова, — так только кажется. А я считаю, если у дерева сердцевина высохла, оно все равно скоро засохнет, хоть еще и зеленое.

— Это ты правильно говоришь, это ты умно думаешь, — сказал Топал-Ойка. — Уж раз начало дерево сохнуть — высохнет, ничего не поделаешь!

— И еще я думаю, — говорит сова. — Если взять всех птиц, рыб, зверей, кого среди них больше: живых или мертвых?

— Ясное дело — живых, — отвечает Топал-Ойка, — зачем и спрашивать?

— Вот и нет, — говорит сова. — Ты собрал нас тут, чтобы убить, себе новый дом построить. Мы уже все равно что мертвые. Скоро совсем живых не будет.

— Так и есть, — закричал Топал-Ойка. — Как же я раньше не догадался.

Сова опять молчит. И все молчат. Наконец Топал-Ойка не вытерпел:

— Неужели ты думать не кончила?

— Не кончила, — отвечает сова. — Как по-твоему: кого на свете больше — мужчин или женщин?

— Тут и думать не надо, — засмеялся Топал-Ойка. — Мужчин больше. Что, неправда, скажешь? — Сова покачала головой:

— Это как считать! Рассуди сам: если мужчина чужим умом живет, можно его назвать женщиной?

— Не мужчина такой человек, — сказал Верхний дух.

— А ведь это ты о себе говоришь, Топал-Ойка, — сказала сова. — Не мужчина ты!

— Как это не мужчина? — закричал Верхний дух.

— А вот так! Когда зверей, птиц, рыб создавал, никого не спрашивал. Тогда был мужчиной. Теперь глупую свою жену послушался. Ей на прихоть хочешь нас всех погубить. Меня-то не убьешь, я нарочно так села — хвост назад, клюв вперед. Взмахну крыльями и улечу. Всем, кого ни встречу, кричать буду: не мужчина Топал-Ойка, умом глупой женщины живет, не своим!

Стыдно стало Топал-Ойке.

— Подожди, не улетай! — сказал он сове. — А вы, рыбы, птицы, звери, идите, откуда пришли. Не стану вас убивать. Мне и в старом доме хорошо. А жена как хочет.

Обрадовались все. Рыбы уплыли, птицы улетели, звери убежали.

А сова сидит, желтыми глазами светит.

— Ну, что скажешь, сова? — спрашивает Топал-Ойка. — Теперь не будешь про меня говорить, что я не мужчина?

— Теперь, пожалуй, не буду, — сказала сова.

Верхний дух Топал-Ойка очень обрадовался.

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК ЯГ-МОРТ

Коми сказка

БЫЛО у одного охотника три сына.

Вот пошел как-то отец с сыновьями на охоту — белок и рябчиков бить. Живут они в лесу месяц, живут другой, живут третий.

Хорошая охота выдалась, много зверя промыслили. Одна беда — не стало у них огня.

А мороз крепкий, сварить мясо не на чем, спать холодно.

— Давайте жребий кидать, — говорит отец сыновьям. — Кому выпадет, тот и пойдет домой за огнем.

Младший сын говорит:

— Погодите жребий кидать. Влезу я на самую большую ель, посмотрю: нет ли поблизости жилья. Если нигде нет, тогда надо домой идти.

Похвалил отец младшего.

— Ты толковый, — говорит, — хорошо придумал.

Полез младший сын на самую высокую елку, смотрит вправо-влево, смотрит вперед-назад и видит: далеко в лесу, словно волчий глаз, светится огонек.

Слез он с дерева и говорит братьям:

— Вон там-то и там-то огонь светится, верно, жилье есть.

Обрадовались братья, тоже на ель полезли. Правда, светится вдалеке огонек.

Спустились они на землю и стали спорить, кому первому за огнем идти. Отец говорит:

— Пусть старший идет, он самый сильный, он скорее всех огонь принесет. Хорошо. Взял старший ружье и пошел.

Вдруг видит: лежит на дороге чугунный горшок.

— Ты куда идешь? — спрашивает горшок.

— За огнем.

— Вернись лучше, не ходи, — говорит горшок. — Обожжет тебя огонь.

— Не обожжет, — говорит старший охотников сын.

И пошел дальше.

Попадается ему на дороге берестяной шердын¹.

— Ты куда идешь? — спрашивает шердын.

— За огнем.

— Вернись, не ходи, — говорит шердын. — Обожжет тебя огонь.

— А может, и не обожжет, — говорит парень.

И дальше пошел.

Лежит на дороге толчая.

— Ты куда идешь? — спрашивает толчая.

— За огнем.

— Не ходи, вернись, — говорит толчая. — Обожжет тебя огонь.

— Не обожжет, уберегусь, — говорит парень.

И опять пошел дальше.

Лежат на дороге грабли.

— Ты куда идешь? — спрашивают грабли.

— За огнем.

— Не ходи лучше, вернись, — говорят грабли. — Обожжет тебя огонь.

— Не обожжет, цел буду, — говорит парень.

И опять пошел дальше.

Шел, шел, видит, стоит избушка. Дверь открыта. В каменке огонь едва-едва теплится. А хозяина нет.

Начал старший охотников сын дрова подбрасывать, огонь раздувать.

И вдруг над самым его ухом проговорил кто-то хриплым голосом:

— Ты что здесь делаешь?

Вскочил парень, смотрит: перед ним старик стоит — борода до полу, зубы словно колья торчат, руки точно крючья висят. Ну, прямо леший! А это он самый и был — лесной человек Яг-морт.

— Тебе что здесь надо? — спрашивает лесной человек Яг-морт. — Ты зачем мой огонь трогаешь?

— Хочу себе взять! — говорит парень.

— А тебе горшок на дороге попался? — спрашивает лесной человек Яг-морт.

— Попался.

— А шердын попался?

— Попался.

— А толчая попалась?

— И толчая попалась.

— А грабли попались?

— И грабли попались.

— А что они тебе говорили?

— Говорили, чтобы я вернулся.

— А ты почему их не послушался? Знаешь, что это за горшок? — спрашивает Яг-морт, а сам зубами скрипит.

Шердын — берестяной лоток.

— Горшок как горшок, чтобы мясо варить, — отвечает парень.

— Вот и врешь, — говорит лесной человек Яг-морт. — А что за шердын, знаешь?

— Простой шердын, — отвечает парень, — чтобы муку просеивать.

— Вот и врешь, — говорит лесной человек Яг-морт. — А что за толчая, знаешь?

— Как не знать! Толчая и есть толчая — зерно толочь, — отвечает парень.

— Вот и врешь, — говорит лесной человек Яг-морт. — А что за грабли, знаешь?

— Чего тут не знать! Эка невидаль — грабли!

— Ничего-то ты не знаешь, — говорит ему лесной человек Яг-морт. — Ну, за это я тебя сейчас проучу хорошенько.

Схватил его за волосы, пригнул к полу, зажал между ногами и вырезал у него из спины ремень шириной в ладонь.

Едва вырвался от лешего старший охотников сын, а уж как вырвался — бросился бежать без оглядки. Про головню и думать забыл.

Пришел к отцу и братьям едва живой.

— Огонь принес? — спрашивает отец.

— Какой там огонь! Сам едва жив остался. Чуть не задушил меня леший. А про спину молчит, только поеживается.

Рассердился отец, послал среднего сына за огнем.

Проходит день, и этот без огня возвращается, и у него из спины леший вырезал ремень.

Да про это молчит средний сын, только охает тихонько.

Смеется младший брат над старшими.

— Ну что вы за охотники? — говорит. — Лесного человека испугались. Вы бы побили его, а потом и огонь бы унесли.

— Вот ты сам и сходи, — говорят братья. — И тебе достанется.

— Что ж, пойду, — говорит младший.

Взял ружье, взял топор и отправился в путь.

Шел, шел, видит, лежит на дороге горшок.

— Ты куда идешь? — спрашивает горшок.

— За огнем.

— Вернись лучше, не ходи, беду наживешь, — говорит горшок.

— Не пугай, не боюсь! — И дальше пошел.

Попадается ему на дороге шердын.

— Ты куда идешь? — спрашивает шердын.

— За огнем.

— Вернись, не ходи, обожжет тебя огонь, — говорит шердын.

— Был бы только огонь, а уж я с ним управлюсь, — отвечает младший охотников сын.

И дальше пошел.

Попадается ему на дороге толчая.

— Ты куда идешь? — спрашивает толчая.

— За огнем.

— Не ходи, вернись, а то худо будет, — говорит толчая.

— Без огня еще хуже, — говорит младший охотников сын.

И дальше пошел.

Попадают ему на дороге грабли.

— Ты куда идешь? — спрашивают грабли.

— За огнем.

— Вернись, не ходи, жалеть будешь, — говорят грабли.

— Вот возьму огонь и вернусь, — отвечает младший охотников сын.

И опять дальше пошел.

Дошел до избушки, входит, а там сам лесной человек Яг-морт лежит. Голова в одном углу, ноги в другом.

— Живешь-поживаешь, добрый человек, — говорит младший охотников сын. — Непустишь ли меня ночевать?

— Что ж, ночуй. Только не взять тебе того, за чем пришел. Ты горшок на дороге видел?

— Видел, — говорит младший охотников сын. — И шердын видел, и толчею видел, и грабли видел — все твое добро.

— А что это за горшок, знаешь? — спрашивает лесной человек Яг-морт. — Что за шердын, что за грабли, что за толчая, знаешь?

— Знаю, — отвечает младший охотников сын. — Горшок — твоя голова, шердын — твое тулово, грабли — твои руки, толчая — твои ноги. Если непустишь меня ночевать, разобью я твою голову, изломаю руки-ноги, разрублю на куски тулово.

— Ну, вижу я, что ты больно умный, — говорит лесной человек. — Полезай на печку да рассказывай мне сказки. Да такие, чтобы было в них все небывалое, а бывалое скажешь — волосы выдеру.

— Ладно, слушай, — говорит младший охотников сын. — Только если перебьешь меня, тогда уж я у тебя волосы выдеру.

— И то ладно, — говорит лесной человек Яг-морт.

Залез младший охотников сын на печку, стал рассказывать:

— Полетел я как-то на небо, три года летел, наконец долетел. А на небе все люди вверх ногами ходят. «Почему же это вы вверх ногами ходите?» — спрашиваю у них. А они мне говорят: «Потому вверх ногами ходим, что нечем сапоги шить, щетины у нас нет». А я им говорю: «Давайте я вам без щетины сапоги сошью. У леших волосы еще лучше щетины.» Вот потому я и пришел к тебе — волосы у тебя повырывать.

Услышал это лесной человек Яг-морт и обеими руками за голову схватился.

— Не дам волосы рвать! — кричит.

— Дашь не дашь, а раз слово сказал, вырву, — говорит младший охотников сын. — Такой уж у нас был уговор.

Запустил руку лешему в волосы, и сколько рука захватила, столько и вырвал.

Леший так и съежился весь. А младший охотников сын опять рассказывает:

— Сшил я всем сапоги и пошел гулять по небу. Вижу — мужик на гумне

овес лопатой веет. А из-под овса мякины летит видимо-невидимо. Наловил я этой мякины, свил веревку и стал той веревкой всех ледяных ловить. Выловил ледяных, а водяные за ними сами идут. Гляди, вот уже к дому подошли!

Вскочил леший — и к дверям.

— Зачем же обманываешь? — говорит. — Никого тут нет!

— А как же мне не обманывать, когда сам ты велел, — говорит младший охотников сын. И опять руку в волосы ему запустил да и выдернул целую копну волос.

Совсем притих лесной человек Яг-морт, сидит, голову потирает.

А младший охотников сын опять рассказывает:

— Пошел я как-то на охоту. Дошел до озера, стою и думаю: как бы мне на другой берег переправиться? Вдруг вижу: сидят на дереве мухи, много мух. Я их всех переловил, ниточкой связал и сам за конец ниточки ухватился. Мухи полетели и меня подняли. До середины озера донесли, а тут как раз нитка и оборвалась. Упал я в озеро, вот-вот утону. А на озере утки сидели. Поймал я одну за ногу, ну она меня к берегу и подтащила. Вот стою я на берегу и не знаю, что делать. Огня нет — ни высохнуть мне, ни согреться. Вдруг смотрю: идет медведь. Поднял я ружье, чтобы выстрелить, а медведь и говорит: «Ты в меня не стреляй, лучше скажи, что тебе нужно?» Опустил я ружье и говорю: «Разводи огонь, замерз я». А медведь отвечает мне: «Как же я огонь разведу? Мне нечем. Коли хочешь, садись ко мне на спину, я тебя отнесу туда, где огонь есть». Сел я на медведя, и понес он меня по лесам, по болотам, через реки, через озера и к тебе принес. А ты огня не даешь.

— Эй, Мишка! — крикнул тут в окно младший охотников сын. — Иди в избу, задуши этого лешего!

Так и задрожал со страху лесной человек Яг-морт.

— Что хочешь, — говорит, — бери, только уведи медведя.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — пусть задушит тебя, чтобы не оставлял ты людей без огня. — И опять в окно кричит: — Мишка, иди сюда!

— Ой, не пускай медведя, — плачет леший, — все тебе дам, только вели медведю уйти. На вот, бери огненный камень, бери железку. Ударишь железкой по камню, и будет у тебя огонь. Возьми сумку с дробью, из нее сколько ни вынимай зарядов, всегда полная будет. Возьми ружье самострельное. Все бери, только оставь живым.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — мне этого мало. Отдавай ремни, что ты у братьев из спины вырезал.

— Бери, — говорит леший, — и это бери.

И повел младшего охотникова сына в свою кладовку. А там все стены увешаны ремнями из человеческой кожи.

— Зачем же ты ремни из человеческой кожи хранишь? — спрашивает младший охотников сын.

— А это, — говорит лесной человек Яг-морт, — я счет веду вашим людям, тем, которых я напугал. А таких, что меня напугали, еще не было, ты первый.

Спрятал младший охотников сын камень с железкой в карман, обменял свое простое ружье на самострельное, надел через плечо сумку с дробью, спрятал за пазуху два кожаных ремня, а лесной человек Яг-морт еще целебной травы ему дает.

— Бери, бери, — говорит, — пригодится!

Распрощались они, и отправился младший охотников сын в обратный путь.

Встречают его братья и спрашивают:

— Где же твой огонь? Что-то не видно его!

— А он вот здесь у меня спрятан, — отвечает младший брат и вытаскивает свой камень.

Ударил по камню железкой, огонь сразу и вырвался.

Глазам своим не верят братья!

— А ну-ка дай и нам попробовать!

— Что ж, пробуйте, — говорит младший брат. — А мне подставляйте-ка ваши спины, я вам кожу залатаю!

И достает из-за пазухи два ремня.

Приложил один ремень к спине старшего брата, другой — к спине среднего брата, обвязал целебной травой, и сразу приросла кожа к их спинам.

— Смотрите ж, в другой раз умнее будьте! — говорит младший брат старшим.

Потом развели они большой огонь, нажарили мяса, наелись, напились, обогрелись, обсушились и с богатой добычей вернулись домой.

А лесной человек Яг-морт с тех пор так и остался безо всего — ни огня у него нет, ни ружья с сумкой. Ничего он сделать людям не может, только зря пугает.

ПЕРА-БОГАТЫРЬ

Коми сказка

ВОЗЛЕ Лупьинского лиственника, в Комму — Пермской стороне, жили-были в старину три брата: Антипа, Мизя и Пера.

Антипа ушел на службу — воином стал, Мизя принялся землю пахать, а младший, Пера, молодой, неженатый, сделался охотником.

Наденет, бывало, лыжи длиной в три сажени, возьмет острое копье, лук да стрелы и уйдет на лов...

Догонит он лося или оленя, поразит копьем и принесет добычу домой.

Просторны были лесные угодья Перы, на сотни верст кругом он расставлял силки, но бегал так быстро, что все ловушки успевал осмотреть до обеда.

Бродит, бродит, бывало, день-деньской по дремучему лесу, а ночью наломает пихтовых веток, костер разведет и спит у огня.

Вот каков он, Пера-богатырь!

Раз в деревне Лупье стал мужик избу ставить. Устроил он помочь и позвал соседей бревна возить. Вместе со всеми поехал в лес и Пера-богатырь.

Мужики повалили деревья, очистили их от сучьев и коры, принялись бревна возить. Пера отобрал себе самые крупные. А лошаденка-то у него была никудышная. Тужится, тужится, никак с места воз не сдвинет. Начали соседи перешептываться:

— Вот так Пера! Сам богатырь, а лошадь — кляча.

Обиделся Пера. Выпряг лошадь, ухватился за оглобли и вытащил на дорогу воз.

Удивились соседи богатырской силе молодого Перы.

А хозяйка, как услышала, что он на себе бревна приволок, испугалась: чем теперь кормить Перу? Пожалуй, такой богатырь сразу съест все припасы!

Угадал Пера хозяйкины думы и говорит:

— Принеси из леса побольше зеленого мха, свари его да посоли, вот мне и ужин готов!

Сели помочане¹ за стол. Всем хозяйка кашу подала, один Пера из большего котла ест вареный мох. Ест да похваливает.

Засмеялся один из соседей, по имени Мелю-Мишка.

— У меня, — говорит, — в хлеву свинья, и та к хлебу приучена. Принесешь ей вареный мох — отворачивается.

А богатырь не любил, когда его вышучивали. Сам никого пальцем не трогал, а заденешь его — вспыхнет, как солома от огня.

¹ Помочане — люди, приглашенные на какую-либо работу.

Наутро вышел хозяин во двор, где вчера помочане бревна свалили, а там нет ни одного бревна. И догадался он, что это Пера отомстил за обиду, полученную на пиру.

Знал хозяин, что у Мелю-Мишки был неподалеку поставлен сруб для новой избы. Пошел туда. Глянул, а сруб полон бревен. Стоят мужики, хозяин и Мелю-Мишка, затылки чешут, не знают, как тут быть. Подумали, подумали и отправились к Пера. А богатырь у себя дома за столом сидит, вареный мох ест да похваливает. Поклонились мужики ему в пояс, попросили прощения.

Расхохотался Пера так, что снег с крыши посыпался. Но не стал ломаться, пошел к срубам, вытащил бревна, приволок их во двор и положил на прежнее место. Вот каков был Пера-богатырь!

Однажды случилась беда. На русскую землю пошла войной орда степного хана. Не правдой — хитростью побеждала орда. У степного хана было большое-пребольшое железное колесо. В колесе сидел человек, вертелся, как белка, и гнал колесо. Оно катилось, давило людей, и никто не мог его остановить. А сверху ордынцы огнем горючим и стрелами осыпали всех, кто осмеливался преградить путь страшному колесу. Народ в ужасе бежал в леса.

Но вот дружинник Антипа пришел к русскому князю и сказал:

— Есть у меня брат, Пера-богатырь, не позвать ли нам его на подмогу?

Обрадовался князь, закричал:

— Скачи на тройке за братом! Если он сломает железное колесо, я ему подарю половину своих владений.

Антипа с княжеским придворным поскакал на самой быстрой тройке к брату. Целую неделю ехал. Наконец добрался и рассказал Пера, какая беда приключилась. Богатырь в ответ:

— Что ж, надо добрым людям помочь!.. Скачи, братец, на тройке обратно в Комму, я тебя пеший догоню, за три дня туда на лыжах добегу!

— А если я на войну уйду, как без меня князь тебя узнает? — спрашивает Антипа.

Пера говорит:

— Где я стану жить, люди по лыжам узнают, лыжи возле дома поставлю, они у меня длинные, в стреху упрутся концами. А самого меня узнают по росту. Да еще по рукавицам: не страшен мне мороз, мои рукавицы всегда за пояс заткнуты.

Уехал Антипа, а Пера еще сутки дома прожил, потом побежал на лыжах в Комму.

В самую пору прибыл богатырь, уже к самому городу подкатывалось железное колесо. Вокруг искры сыплются. На оси колеса богатырского роста ордынец вертится. А колесо катится по полю, людей давит, огонь мечет... Падают убитые, разбегаются живые...

Пера-богатырь навстречу колесу, как стрела, полетел. Лицо звериной шкурой завязал, чтобы не обжечься. Ухватился он за спицы и прыгнул на ось, напротив ордынца. Первым делом Пера недруга наземь скинул, потом колесо остановил, опрокинул его и разорвал на части.

Увидели ордынцы, что богатырь разломал колесо, испугались и ускакали обратно в свою степную сторону...

А в Комму началось ликование. Русский князь устроил в честь Перы-богатыря пир на весь мир. Три дня гуляли гости, а на четвертый князь говорит:

— Проси, удалой молодец Пера, у меня, что хочешь: золото бери, куниц бери! Полцарства бери!

А Пера в ответ:

— А на что мне твои меха, я сам куниц ловлю, красным девушкам дарю. И золото мне ни к чему. В лесу без него живут. И полцарства мне не нужно. В лесу я сам царь, меня медведь и тот боится.

Задумался князь и говорит:

— Ишь ты какой! Я и не знал, что такие бывают. Откуда ты родом? Брата твоего я видел, а вот кто твоя мать, кто отец, кто сестры?

— Отец мой — лесной костер, моя мать — березовое изголовье, пихтовая постель, а вольная воля — моя сестра, и без них я жить не могу, — молвил Пера-богатырь.

Подивился князь таким словам и подарил богатырю шелковую сеть, чтобы куниц ловить. А еще подарил грамоту, зырянскими буквами написанную. И было там сказано, что Пера и его потомки могут навечно Лупьинским лиственником владеть.

Попрощался Пера с князем — и домой. Там сразу пошел в лиственник

новое владение смотреть и расставить шелковую сеть. Да не знал богатырь, что попал он, как нарочно, туда, где сам Вэрса-леший охотился.

Леший тут как тут! Шапка, будто большущая еловая шишка, зеленую бороду ветер треплет.

Нахмурил брови Вэрса и спросил богатыря, как он посмел в его владениях охотиться.

— Это не твои, а мои угодья. Вот читай княжескую грамоту, — сказал Пера.

Не умел читать Вэрса.

— Мне эта грамота не указ, — говорит. — Давай лучше состязаться, на палке тягаться. Кто победит, тот и станет владеть угодьями: то ли наша лесная нечисть, то ли ты, Пера, со своими земляками.

Нашел богатырь палку, привязал ее крепким ремнем к березе. Концы ремня обернул вокруг ствола и завязал.

С одного края уцепился за палку Пера, с другого — Вэрса. Вэрса рванул палку, да так, что береза затрещала.

— Что это трещит? — спрашивает леший.

— Твой хребет! — отвечает богатырь.

Испугался Вэрса, не захотел больше состязаться.

— Ладно, владей лиственником. И давай жить дружно!

Пера поверил лешему. Но Вэрса решил его погубить.

Свалил богатырь высокую сосну, зажег нодью — негаснувший костер, и улеглись они у костра спать, Леший и Пера. Вэрса спрашивает Перу:

— А какой удар для тебя смертелен: удар меча или удар топора?

Зевнул Пера, отвечает, что не боится он ни меча, ни топора, боится только раскаленного копья с серебряным наконечником.

А копьё с серебряным наконечником как раз у лешего было. Он его под голову положил и захрапел.

Пера же потихоньку встал, вырвал из земли березу, притащил к костру, положил на свое место и плащом закрыл. А сам взял лук и стрелу, спрятался под елкой.

Среди ночи встал Вэрса, раскалил на костре свое копьё с серебряным наконечником, да как ударит в накрытый плащом березовый ствол. Копьё насквозь пробило березу.

— Ну и крепок был Пера! — сказал леший и еще раза два стукнул копьем по березе.

— Да еще как крепок! — отвечал Пера и пустил в лешего острую стрелу.

Бросился леший бежать, а богатырь — следом, осыпает его стрелами. До самого жилища преследовал лешего.

С той поры Пера, его земляки и потомки всегда охотились в Лупьинском лиственнике.

Вот каков был Пера-богатырь!

Женился он на сильной, высокой красавице. Жил сто двенадцать лет. Берег грамоту и шелковую сеть. А потомки Перы, Мизи и Антипы до сих пор живут на земле Коми. Все они славятся добрым сердцем и сильными руками.

ПЕРА И ЗАРАНЬ

Коми-пермяцкая сказка

ВЫСОКО-ВЫСОКО над землей, на небе, жили бог Ен и его дочь Зарань. Тихо и спокойно текла их жизнь. Вокруг было одно небо — ровное, голубое, ни гор высоких на нем, ни оврагов глубоких, ни рек текучих, ни лесов дремучих — ничего нет.

Скучно стало Зарани на небе.

Смотрит она вниз на землю. А земля не то что небо: в одном месте зеленеет лесами, в другом — желтеет полями, и реки по ней бегут, и леса стоят, и горы возвышаются.

Смотрела, смотрела Зарань на землю и однажды сказала Ену:

— Отец, мне скучно здесь, пусти меня землю посмотреть.

— Что там смотреть, — недовольно проворчал Ен. — Плохо на земле: горы, да овраги, да дремучий лес — парма, а в нем бродят свирепые звери — медведи.

Не пустил Ен дочку на землю.

Прошел день, другой, третий, а у Зарани из головы не выходят мысли о земле. Все думает она, каковы горы и овраги, что такое дремучий лес — парма. Очень хочется ей увидеть все это своими глазами. Даже медведи не пугают. «Авось, — думает, — не тронут они меня». Но как попасть на землю?

Тут увидела Зарань радугу, которая через все небо перекинулась, до земли достала и пьет воду из лесной реки.

— Радуга, радуга, позволь мне по твоей спине с неба на землю сойти, — попросила Зарань.

— Иди, — ответила радуга, — только спеши: я как напьюсь, так сразу поднимусь в небо.

Побежала Зарань по спине радуги вниз, но не успела добежать до земли: радуга напилась и поднялась в небо.

Досадно стало Зарани.

С тех пор Зарань, что бы ни делала, все время поглядывала: как там радуга, не пьет ли опять воду из земной реки?

И когда однажды радуга снова наклонилась к реке, Зарань со всех ног пустилась бежать по ее полосатой спине.

На этот раз она успела пробежать весь путь и ступила на зеленую землю. Вдруг она слышит, кто-то ее спрашивает:

— Кто ты такая?

Видит Зарань: перед ней стоит молодой парень в красивой одежде из пушистого меха.

— Я Зарань, дочь бога Ена. А ты кто?

— Я охотник, хозяин здешних мест, а зовут меня Пера. Зачем ты спустилась с неба сюда?

— Скучно мне на небе, хочу посмотреть на землю.

— Что ж, будь гостьей, покажу тебе всю земную красоту.

Повел охотник Пера девушку по своим владениям, показал ей леса и поляны, горы и доли, реки шумные и ручьи светлые. Очень понравилась Зарани парма, и Пера ей понравился.

— Хочу я подольше пожить в твоих владениях,— говорит она Пера.

— Оставайся насовсем,— отвечает ей Пера,— пусть моя земля будет и твоей.

И осталась дочь бога Ена жить на земле.

Тем временем хватился бог Ен дочери, а ее нет. По всему небу он искал ее — не нашел. Глянул на землю и увидел свою дочь Зарань в доме земного человека на берегу реки.

Приказал Ен радуге наклониться к земле и говорит:

— Возвращайся, дочь, скорее домой.

А та отвечает:

— Не хочу на небо, я хочу жить на земле.

— На земле ты будешь жить в темном лесу, ходить узкими звериными тропами, есть грубую земную пищу.

— Все равно я останусь на земле.

— Тебе придется терпеть лишения и нужду, тяжелый труд и болезни. Одумайся, пока не поздно.

Поглядела Зарань на Перу и ответила отцу:

— Нет, я больше никогда не вернусь на небо.

Рассердился Ен и напустил на землю великую жару. От этой жары поникла трава на лугах, листья на деревьях пожухли, высохли реки и речки, но на самом дне глубокого оврага остался один маленький родничок, он и поил все живое.

Перетерпели Пера и Зарань великую жару, а Ен шлет новое испытание: обрушил на землю невиданные ливни. Затопила вода все низины, затопила низкие горы, затопила высокие. Но Пера и Зарань построили плот и спаслись.

Спала большая вода, пошла было жизнь по-прежнему. Но Ен придумал новое наказание: он увел от земли солнце, и наступила на земле стужа, повалил снег, замела-завыла метель, земля погрузилась во мрак.

Но скрылись Пера и Зарань в чаще пармы. Парма укрывала их от ветра и холода, в парме охотник Пера добывал дневное пропитание.

Долго не пускал Ен солнце освещать и греть землю, а когда оно вернулось на прежний свой путь и снова осветило и согрело землю, посмотрел Ен вниз и глазам своим не поверил.

На берегу большой реки, радуясь солнцу, пели и плясали люди, целое племя. И была среди них женщина, которую они все называли матерью. Была она такая же ясноглазая, как его дочь Зарань, только волосы у этой женщины были не золотистые, а седые.

— Скажи мне, женщина, кто ты такая? — спросил Ен.

— Я твоя дочь Зарань, — ответила она.

— А кто эти люди, которые веселятся вокруг тебя?

— Это наши с Перой дети, а твои внуки.

Так на земле появилось племя Перы — предки коми-пермяков.

БОГАТЫРЬ КУДЫМ-ОШ

Коми-пермяцкая сказка

ДАВНЫМ-ДАВНО, когда Иньва-река еще текла не тем путем, каким течет теперь, жил на ее берегах могучий народ — чудь.

Самыми сильными в чудском роде — увтыре — были три брата — Купра, Май и Ош, сыновья чудского вождя — пама и мудрой женщины по имени Пэвсин.

А среди трех братьев самым ловким и удачливым был меньшой брат, Ош. Глаза у Оша зоркие, как у ястреба, черной ночью он видел лучше совы, ростом был в три аршина, а сила и разум были ему даны втрое против других людей. Зимой и летом ходил Ош с непокрытой головой, не боялся он ни дождя, ни снега, ни жаркого солнца, ни злых северных ветров. Потому и звали его Ош — что значит медведь.

Матери Оша, Пэвсин, мудрой и проворной женщине, покровительствовал сам Войпель. Весь увтыр ее уважал, и все ее слушались. Трудилась Пэвсин наравне с мужчинами, и когда несла воду с реки в тяжелой корчаге, то не искала пологого подъема, поднималась на берег по круче.

Отец Оша, пам чудского племени, пошел войной на Курэгкар и Крутой; в этом походе он был убит.

Была у чудского рода ведунья Чыкыш, которая зналась с рогатым лесным царем Сюрапеле. Она умела оживлять мертвых, из камня огонь добывать и людям глаза отводить. Но даже Чыкыш не смогла оживить пама: много времени прошло, как он умер.

Похоронили пама возле Кудвы-реки, на Изьюре — каменистой круче, где было чудское мольбище — жилище богов и самого Войпеля.

Похоронили старого пама, надо выбирать нового. Люди называли Оша.

Обрядили Оша в памскую одежду, стали молиться, просить Войпеля уберечь нового пама от болезней, от порчи и колдовского сглаза, от вражеских стрел и ножей. Потом дали молодому паму наказ, чтобы правил он чудским родом — увтыром — так же, как его отец, старый пам: охранял чудинов, и старых и малых, защищал их очаги, всегда наготове держал острые копья и стрелы с наконечниками, смазанными ядом.

Чудское селение находилось на открытом месте за болотом, в стороне от мольбища. Хорошее это было место, веселое, но часто нападали на него соседские племена, и трудно было защищать неукрепленное селение.

И сказал Ош своим братьям Купре и Маю, и своей матери Пэвсин, и ведунье Чыкыш, и всем людям:

— Давайте построим свои жилища на красной круче Изьюра, за пазухой у Войпеля, пусть он сторожит нас, как тетерка своих птенцов, как мать свое дитя.

Молчали люди, как будто онемели их языки, сидели неподвижно, будто отнялись у них руки и ноги. Даже Иньва-река замерла, перестала играть галькой. Разве не знает удалой Ош, что Изьюр — жилище богов? Разве не знает он, что великий бог Ен покарает всякого, кто посмеет осквернить священное место?

Ведунья Чыкыш сказала:

— Пусть отсохнут руки и отнимутся ноги у того, кто потревожит жилище богов!

Старик, согласно склонили седые головы.

Но не согласился с ведуньей молодой пам.

— Люди! — сказал он. — Вы дали мне этот посох — знак вождя, вы обещали слушаться меня как дети свою мать. Пусть же те, кому не дороги их головы, остаются здесь, а кто хочет жить, идемте со мной на Изьюр.

Молчали люди, только Иньва-река заволновалась, забулдила на перекатах.

Старая Чыкыш сказала в раздумье:

— Бог покарает всякого, кто пойдет против его воли, и будет тот ползать на четвереньках всю жизнь и не увидит больше светлого солнца.

Молчали люди, только Иньва-река яростно ревела и билась волнами о берег, унося с собой камни.

Тогда Ош протянул свои могучие руки к солнцу и сказал:

— Ясное солнце, открой людям глаза, дай им разума, покажи, где надо жить!

И тут люди увидели, как засияло солнце и ярко осветило крутой обрыв Изьюра.

— Солнце указало, где нам жить! — воскликнул молодой пам.

Чудины вслед за Ошем пошли на Изьюр. Построили они там селение, сначала поставили шалаши, потом вырыли землянки, огородили их сосновым заплотом и называли селенье Куд дым кар, то есть город на реке Куд, а молодого пама стали называть Кудым-Ошем.

Настало время Кудым-Ошу жениться.

Сказала ему старая Чыкыш:

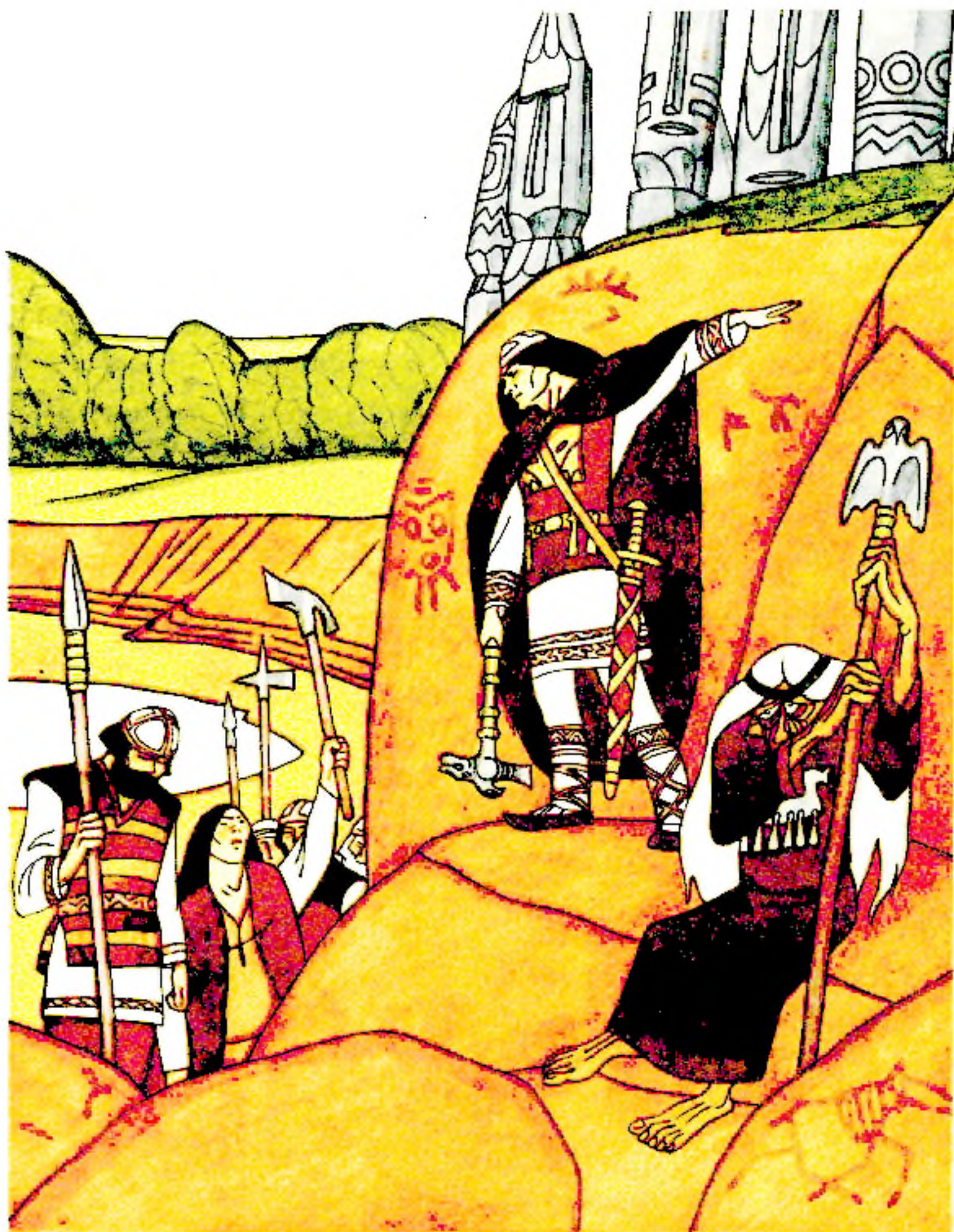
— На далекой быстрой реке живут вогулы. Правит ими большой князь, и есть у князя дочь Костэ, прекрасная, как золотистый цветок горадзулька-купава. Кто возьмет в жены вогульскую княжну, тому родит она сына-богатыря.

Захотел Кудым-Ош жениться на вогульской княжне. Нагрузил он лодку собольими и горностаевыми шкурками в подарок вогульскому князю, выбрал себе помощников и отправился вниз по Иньве-реке.

Плывет лодка легко и быстро, как гусь, а Кудым-Ошу все кажется: медленно; торопит он гребцов, были бы крылья — птицей полетел бы к вогульской княжне.

Доплыли до Анюшкара, где правил пам Анюш. Спросил Кудым-Ош дорогу к вогулам. Ответил Анюш:

— Плыви вверх по Каме целый день, вечером приплывешь к крепости, где правит женщина-пам. Она укажет тебе дорогу дальше.

Приплыл Кудым-Ош к женщине-паму, стал спрашивать у нее дорогу к вогулам. А женщина-пам знала, что грозит Кудым-Ошу у вогулов гибель. Жалко ей стало молодого паму, отговаривает она его:

— Не ходи туда, Кудым-Ош. Ты там чужой, языка не знаешь, кто тебе поможет? Пропадешь!

Но Кудым-Ош ответил:

— Я ничего не боюсь и с полпути возвращаться не привык.

Видит женщина-пам — не отговорить ей богатыря, покачала она головой и говорит:

— Тогда запомни, что я скажу. Согласится князь отдать за тебя дочь, женись на ней, не отступай, что бы ни случилось. Запомни: что бы ни случилось! А откажешься от нее — пропадешь. Даю тебе в проводники моего человека Ваякси. Он дорогу знает и по-вогульски говорит.

Поблагодарил Кудым-Ош женщину-паму и на другое утро отправился туда, где мерцал холодный полумночный свет.

Долго плыли чудины по Каме, Ваякси указывал им путь.

Наконец приплыли к вогульскому городищу.

Послал Кудым-Ош Ваякси к вогульскому князю сказать, что прибыл чудской пам. Но гордый князь не захотел принять чужина, велел запереть ворота. Пришлось Кудым-Ошу со своими людьми ночевать под стеной, как бездомной собаке.

На другой день снова послал Кудым-Ош Ваякси к князю, снова не принял их князь, снова почевали чудины под открытым небом, терпя жестокие муки от гнуса. Но когда в третий раз послал Кудым-Ош Ваякси к князю, понял гордый князь, что чудской пам не отступится, и велел привести его к себе.

— Что тебе нужно? — спросил он богатыря.

— Я хочу взять в жены твою дочь, красавицу Костэ, — ответил Кудым-Ош.

Усмехнулся князь:

— У меня не осталось в изгороди пустого кола для твоей головы. Забудь свои слова и убирайся.

— Не уйду, — сказал Кудым-Ош. — Только тот найдет свое счастье, кто не боится голову потерять.

— Много женихов сватались к Костэ, но ни один не захотел жениться, увидев ее, — сказал князь. — Наша Костэ — страшное чудище, не человек, не телка.

Смутился Кудым-Ош, но вспомнил слова женщины-памы и сказал:

— Я приехал сюда за твоей дочерью и без нее не уеду.

— Ну, как знаешь, — сказал князь. — Проведите гостей в девичий чум.

Был тот чум покрыт не берестой, как другие, а оленьими шкурами, и внутри этого чума стоял другой чум.

Вошел Кудым-Ош и остоленел: лежит на мягких шкурах что-то черное, волосатое, только глаза у этой твари светлые и очень печальные.

Заговорила Костэ по-вогульски, Ваякси перевел Кудым-Ошу:

— Не бойся меня, Кудым-Ош, я не такая, как ты видишь.

— Поедешь со мной в чудские земли, прекрасная Костэ? — спросил Кудым-Ош.

— Я всюду поеду с тобой.

Пошел Кудым-Ош к князю и говорит:

— Я женюсь на твоей дочери.

Велел князь готовиться к свадьбе. Закололи много оленей, наловили в реке рыбы, настреляли в лесу птицы, наготовили угощения целую гору.

Жена князя тем временем дочь к свадьбе готовит, снимает с нее коровью шкуру, умывает и наряжает. Коровью шкуру она сама на дочь надела, чтобы не выдал князь Костэ за кого попало.

Два дня и две ночи готовились к свадьбе, на третий день собрались гости. Вывели няньки из чума невесту, идет она, словно лебедь плывет, а лицо закрыто покрывалом.

Князь приказал:

— Открой, дочка, лицо, покажись жениху.

Жена князя торжественно сказала:

— Пусть рассеется колдовство и Костэ станет красавицей!

Она откинула покрывало с лица дочери.

— Ты ли это, Костэ? — воскликнул князь.

Костэ ответила:

— Чары рассеялись, отец, и я стала красивее сестер моих.

Начался свадебный пир.

Потом дали Кудым-Ошу много подарков, дали лодки и людей и проводили молодых в дальнюю дорогу.

Дома Пэвсин со всем увтыром вышла на берег встречать сына и его красавицу жену.

Когда на небе показался молодой месяц, сыграли свадьбу на Изьюре.

Задумал Кудым-Ош торговать с другими землями. Велел он построить легкие и широкие лодки, нагрузить их звериными шкурами и собрался плыть на юг, чтобы обменять там шкуры на оружие, ткани и украшения.

Но чужеземцы опередили Кудым-Оша, первые приплыли со своими товарами. Кликнули дозорные Кудым-Оша, вышел он на берег, спрашивает гостей, с чем прибыли. А они своего товара не показывают, говорят:

— Там, где восходит солнце, живет наш добрый хан. Он послал нас к тебе, Кудым-Ош. Мы хотим выменять у тебя меха и шкуры, у нас есть на обмен богатое оружие для тебя и твоих воинов, дорогие ткани и украшения для женщин, сласти для детей.

Стали они показывать мечи и копья, кумач и парчу, серьги и кольца. Обрадовался Кудым-Ош гостям, но не хотел впускать их за ограду — в городе было в ту пору мало защитников, все лесовать да рыбачить ушли. Но народ стал просить впустить купцов. Вошли они в город, но не бросили, по обычаю, в воротах ни одной монеты, не раскрыли своих коробов с товарами, а схватились за мечи и луки.

Первая стрела пронзила сердце Кудым-Оша. Брызнула кровь, упал богатырь на землю, прижался к ней могучей грудью, и от соприкосновения

с матерью-землею зажила рана, вернулась сила к Кудым-Ошу. Вскочил он на ноги. Не нашел своего копья, схватил тяжелую жердь, стал ею бить врагов.

Другая стрела ударила Кудым-Оша в грудь. Опять упал он на землю, и опять земля предков дала ему свою силу. А от третьей стрелы упал Кудым-Ош на спину, не может он прижаться сердцем к родной земле, не может залечить рану.

Стали враги требовать с чудин дани. Сказала старая Пэвсин:

— Дадим им, что они требуют, не будем ничего таить. Не отдадим добром, они возьмут силой, да еще самих заберут, а детей в реку побросают. Несите свое добро, не жалейте, наше к нам вернется.

Принесли чудины дорогие меха. Наполнили враги до краев свои легкие лодки и оставили городище. Недалеко они отплыли, стали добычу делить, — глянули — а в лодках один камыш. Разгневались, повернули обратно к городищу.

Тем временем ведунья Чыкыш оживила Кудым-Оша и других воинов.

Увидел Кудым-Ош, что возвращаются вражеские лодки, схватил камень в двенадцать пудов и бросил его в реку. Поднялась страшная буря, опрокинула лодки. Выбрались враги из воды, двинулись к городищу, а буря на их пути деревья валит, дорогу загораживает. Три дня бушевала буря, три дня не могли враги подступиться к городищу. На четвертый день повел Кудым-Ош своих воинов на врагов. Начался бой. В том бою Кудым-Ош многих взял в плен и среди них самого атамана. Упал атаман в ноги Кудым-Ошу:

— Отпусти меня, пам, к моим женам и детям, я тебе заплачу богатый выкуп!

— Ничего мне не надо, кроме оружия.

Отобрал Кудым-Ош у пленных оружие, роздал своим воинам, а ружье атамана взял себе. Потом поставил на бересте свой знак, отдал бересту пленным и отпустил их на все четыре стороны.

Прошло некоторое время, и Кудым-Ош вновь собрался в южные земли, в устье Камы и еще дальше. Перед дорогой собрались чудины на мольбище. Чтобы путь был счастливым, принесла ведунья Чыкыш угощение мудрому Войпелю, лесному царю Сюрапеле и водяному Вакулю.

Потом Кудым-Ош пошел на могилу своего отца, старого пама, натянул тугую тетиву и пустил стрелу в большую сосну, что стояла над могилой. Попала стрела прямо в середину меты: значит, дорога будет удачной.

Проводила старая Пэвсин своего сына, проводила прекрасная Костя своего мужа, проводил отца малый сын, проводил своего пама весь чудской увтыр.

День плывут ладьи Кудым-Оша, другой плывут, вышли на Каму. Когда молодой месяц состарился и на ущерб пошел, приплыли в большой город.

Привязали ладьи у берега, а сами пошли к здешнему князю, понесли ему свой товар.

Понравились чудские меха князю и его людям. Нанесли они в обмен кумач и парчу, золотые и серебряные украшения, узорные чаши и кувшины.

Велел князь угостить гостей. Усадили чудинов на мягкие ковры, налили им вина, положили хлеба. Кудым-Ош во многих краях побывал, а хлеба

никогда не видел. Попробовал он — не мясо, не рыба, а вкусно. Стал спрашивать хозяев, как они добывают хлеб.

Князь показал на поле:

— Вот хлеб растет.

Кудым-Ош попросил немного зерна. Добрые хозяева дали ему зерна и научили, как сеять его, как жать, как молотить и как печь хлеба.

Вернулся Кудым-Ош домой, посеяли чудины рожь и ячмень, собрали первый урожай и весь его оставили на семена, на следующий год опять посеяли и собрали богатый урожай.

Созвал Кудым-Ош гостей из ближних и дальних земель, устроил пир, угостил всех хлебом.

Позавидовал Кудым-Ошу чудской князь Юкся с Косы-реки и решил идти на него войной, отнять хлеб.

Узнал об этом Кудым-Ош, велел наострить ножи и топоры, намазать стрелы густым ядом и повел своих людей против князя Юкси.

О старый Войпель, и ты, великий бог Ен! Или не видят ваши глаза и не слышат ваши уши? Или отвернулись вы от чудского народа? Брат на брата точит нож, чужин на чужина идет войной, а вы не остановите их! Или вам нужна кровь человеческая? Или вы хотите слышать рыдания женщин и видеть осиротевших детей?

Не помешали войне мудрый Войпель и великий бог Ен. Сошлись два войска на Косе-реке, как нож и камень сошлись. Оба войска насмерть стоят. День быются, ночь быются, земля у них под ногами дрожит, стонет парма, ручьями течет кровь в Косу-реку, багрянит чистую воду.

Три дня, три ночи бились, все воины полегли, остались на поле только Кудым-Ош и Юкся. Оба они совсем обессилели, не могут от усталости поднять ни копья, ни меча. Собрал Юкся последние силы, взмахнул мечом, да не удержал его, уронил и сам упал. Падая, протянул он руки к Кудым-Ошу. Кудым-Ош подумал, что старый Юкся предлагает мир. Забыл он тут свои обиды, остудил гнев, успокоил сердце, пожал Юксе руку и сказал:

— Ты погубил много людей и заслуживаешь наказания, но видит Войпель, ты каешься в своих злодеяниях и первый протягиваешь руку. Так будем же жить с тобой в мире, и пусть вся чужь навеки живет в мире и дружбе.

Так оно и стало. Кудым-Ош со всеми поделился, хлебом, дал зерна и Купре и Маю, Кэчу и Палю, Анюшу и Юксе. За это все соседи любили и благословляли Кудым-Оша.

Прожил Кудым-Ош сто лет и еще полста. Наконец пришла за ним смерть.

Собрал Кудым-Ош весь свой увтыр и сказал:

— Когда я умру, положите тело в кедровый гроб, обейте его кованым железом и закройте крепко-накрепко, чтобы ни капли воды туда не просочилось. И буду я там спать, а настанет время, проснусь — и тогда придет к вам счастливая жизнь. Но вы не ждите ее сложа руки, а сами ищите счастья. И никогда не воюйте с соседями, дружите с ними.

Сказал так чудской пам Кудым-Ош и заснул крепким сном.

КАК ВЕСЕЛЫЙ МУЖИК РАДОСТЬ ИСКАЛ

Удмуртская сказка

В ОДНОМ небольшом селении жил веселый Человек. Был он на все руки мастер. И шорник, и плотник, и жнец, и на дуде игрец. Легко ему ремесла давались, как всем веселым людям. А может, веселым он был оттого, что любое дело у него спорилось.

Любил он бортничать, пчел диких обирать и бражку медовую варить. А как заиграет на своей дудке, так гуси и те собирались его послушать.

Жил он не богато: добрый был потому что, не прижимистый. Но все у него было. Кроме счастья. Весельем он его заменял. И пока в деревне рождались, женились, панихиды справляли, был он незаменимый человек.

Так бы и жизнь скоротал. Да только счастье ему захотелось разыскать. И решил веселый Человек по свету побродить, радости новой поискать. Взял он свою неразлучную дудку, сухарей в сумку положил, лапотки крепкие обул и пошел куда глаза ведут.

Шел он, шел, и повстречался ему Волк.

— Далеко ли топать собрался, приятель?

— А вот пока радость новую не сыщу. Надоели мне крестины да панихиды.

— У-у-у! — сказал Волк. — Что же тогда мне говорить? Как мне-то в лесу одиноко и бесприютно! Возьми меня с собой.

Пошли они вдвоем. Навстречу косматый Медведь ломится.

— Далече ли собрались, дружки?

— Радость идем искать, — отвечает Волк.

— Ну, уж у тебя-то, серый, одна радость — овцу задрать.

— Как знать! — отвечает Волк. — Мы своей радости не ведаем. Потому и надо ее искать. Пойдем с нами, втроем смелее.

— А мед будет? Если будет, пойду.

— Будет, — говорит мужик, — я насчет меда ловок.

Дальше втроем побрели. Прошли немного и наткнулись на Койыка¹. Здоровущий зверь, рога страшные, как куст бересклета.

¹ Койык — лось.

— На кого это вы охоту устроили? — покосился на них Койык и, на всякий случай, рога опустил: мол, кто пожелает, могу брюхо пропороть.

— Радость ищем, — говорит Человек. — Если тебе радости не хватает, пошли с нами.

— Конечно, — согласился и Волк. — Вчетвером смелее.

— Только, чур, мой мед не трогать, — вставил Медведь.

— Так вы что же ищете — мед или радость? Если мед, то я мимо.

— У каждого своя радость, — со вздохом сказал Волк.

— Радость у всех одна — причины разные, — рассудил Медведь.

— Это точно, — согласился Койык и присоединился к друзьям.

Долго еще они шли, а потом Человек и говорит:

— Нету нам резона всем вместе идти. Давайте разбредемся по сторонам, а через день-другой встретимся и обсудим, куда лучше податься.

На том и порешили.

Волк на восток двинулся, Медведь на запад, Койык на север, а Человек на юг пошагал.

Собрались они через два дня.

— Наткнулся я на топь непроходимую. Мало в этом радости, — посетовал Волк.

— Брел я, брел, — пожаловался Медведь, — да медом нигде не пахнет.

— На севере-то летом хорошо, — говорит Койык, — а сейчас дело к осени. Скучные там места.

— А я местечко неплохое присмотрел, — говорит мужик. — Пчелы дикие летают, луг зеленый кругом. Жить можно. Надо бы туда двинуться. Глядишь, и радость какая подвернется.

— А овечек там не видать? — беспокоился Волк.

— Нет, овечек не приметил, а зайцы бегают.

— И то ладно, — согласился Волк.

Двинулись они на большую поляну, смастерили себе дом, погреб вырыли, живут припеваючи. Бражку медовую гонят, на зайцев охотятся.

Сварили они однажды целую бочку медовухи, поставили в яму. Все бы хорошо, да вот стали они подмечать, что повадился кто-то их брагу попить да жареных зайцев воровать.

Вздумали они подкараулить нечистого.

В первую ночь выпало Волку стеречь. Забрался он в погреб и поджидает. В полночь слышит: будто галоши скрипят и клюка постукивает. Вдруг явилась старуха горбатая, нечесаная.

— Волк, Волк, давай бражки попьем, — прошамкала она.

— Я тебе дам бражки! Самим мало...

Как тут начала колдунья посохом Волка молотить. Выскочил серый из погреба — шерсть дыбом, от страха дрожит, зуб на зуб не попадает.

— Ты что это, — спрашивают приятели, — иль замерз?

— Э-э-э-замерз!

Наутро видят: бражки чуть на донышке осталось.

Приташил Медведь меду. Новой медовухи наварили и посылают на сей раз Койыка караулить нечистого.

Полез Койык в погреб, еле уместился там здоровенный. В полночь чует: будто галошами новыми кто-то поскрипывает, посохом постукивает.

Явилась горбатая старуха и говорит:

— А, Койык! Давай с тобой бражку пить. Больно у вас бражка хороша.

— Рогами вот как наподдам — будешь знать, как чужое добро воровать!

Осерчала старуха и давай здоровяка посохом лупить. Койык-то чуть погреб не разворотил, когда оттуда выскакивал.

— Никак и ты замерз! — удивились приятели.

— Э-э-эзамерзнешь! — отвечал Койык, потирая побитые бока об угол печки.

На третью ночь от злой старухи досталось Медведю. Да все помалкивают. Совестно им признаться, что их горбатая старуха избила.

На четвертую ночь спустился в погреб веселый мужик. Взял он с собой дудку, сидит наигрывает потихоньку, чтоб скучно не было. В полночь снова старуха заявилась.

— Хороша у тебя медовуха, мужичок! — говорит она. — Давай хлебнем помаленьку!

— Отчего не хлебнуть? — отвечает мужик. — Брага веселья прибавляет. Выпили они по ковшу. Старуха за другим тянется.

— Пей, пей, — похваляет мужик, — еще наварим.

Запьянела старуха и пустилась под дудку плясать.

А мужик все задорней да разудалистей наигрывает.

Измучилась ведьма, стала упрашивать веселого мужика:

— Погоди, погоди, дай передохнуть! Уморил совсем!

— Пляши, пляши, старая. Кто бражку пьет да не пляшет, тот добро переводит.

— Не могу больше, пощади, мужичок. Любую волю исполню...

До того наплясалась, что на пол свалилась и лежит, ногами дрыгает. Связал ее мужик пеньковой веревкой и говорит:

— Отплясала ты свое, старая карга! Била ты моих приятелей, теперь я тебя им на съедение отдам. Койык тебя рогами пропорет. Медведь лапами разорвет, Волк зубищами растерзает.

— Сжался над старухой, мужичок, дам я тебе в жены девушку нежную, послушную. Будешь самым счастливым человеком в округе. Радость узнаешь небывалую.

Насторожился мужик: может, это и есть та радость, которую он разыскивает.

— Обманешь ведь, беззубая!

— И-и нет, что ты! Посох тебе свой в залог дам. Я без него как без рук: ничего не могу. Потому и совладал ты со мной, что посох во время пляски выронила. Ударишь им о землю один раз — явится дева нежная, ударишь в другой — дом тебе будет полная чаша.

— Так и быть, поверю. А теперь убирайся и не колдуй больше.

Вышел наутро мужик из погреба, улыбается довольный. Приятели, увидев мужика, глазам своим не верят: неужто нечистую одолел! А мужичок ступил на землю и грохнул посохом сколь было силы.

Явилась тут дева нежная, кроткая. Волосы словно лен золотятся, глаза, как две голубые звезды, сияют, на щеках румянец алый играет, а сама улыбается ласково, приветливо.

Переглянулись приятели.

— Что же это получается? — почесал Медведь свой квадратный затылок.

— Все у нас общее, — взвыл Волк. — А невеста одному!

— Дайте ее мне, — повелительно сказал Койык и нацелил страшные рога.

— Тебе? — заревел Медведь. — Да я тебя сейчас...

— Стойте, стойте, друзья, — остановил их Человек. — Спор надо разумному решать. Пусть принадлежит невеста тому, кто всех напугает.

— Дело говоришь! — согласились звери.

Стали они друг дружку на свой манер пугать. Волк воет жутко, как над покойником, зубами лязгает. Медведь шибче грома ревет, надрывается, лапами дом раскачивает. Койык рогами в стену бьет, в щепы дом разламывает. А веселый мужик взял посох колдовский, надел галоши старухины: скрип, скрип; стук, стук. Как услышали звери, что колдунья приближается, бросились кто куда. Разбежались в разные стороны на сотни верст и дорогу к зеленой поляне забыли.

Стукнул мужик еще раз посохом оземь. Возник дом крепкий, дубовый, и амбар с зерном, и хлев со скотом. Взял он нежную невесту на руки и внес в свои новые хоромы. Ключу колдуньи они вместе в очаге сожгли. И зажили счастливо.

Оказалось: радость-то больше веселых любит.

АННУШКА

Удмуртская сказка

Был у одной вдовы сын. Очень она им дорожила. Никуда от себя не отпускала. Целый день обучала его да наставляла, да советы давала. Она на базар, и он за ней должен тащиться; она в поле, и он плетется.

Надоела Микалю такая жизнь, и стал он призадумываться. Вдова Египеча, как увидит его в задумчивости, из себя выходит. Понимает она, что все больше парень от нее отдаляется, совсем чужой стал. Вот уж она беснуется, вот его уговаривает, а Микаль будто даже не слышит совсем.

Затосковал парень.

Выпустила тогда Египеча своих черных голубей и шуганула их в ясное небо: летите за леса и горы, за поля и доли, разыщите Микалю невесту-жену, робкую, послушную, чтоб ни в чем не перечила свекрови, чтоб была мне рабою верною, служанкою преданной...

Взвились черные голуби под облака, покружились, покружились и полетели на запад. А когда вернулись, закурлыкали, зашептали старухе непонятные слова.

Насупилась Египеча, потемнела с лица. Дала она голубям горсть пшена и пуще прежнего шуганула их грязной тряпкой.

Улетели голуби прямохонько на запад, а ночью возвратились, принесли на своих крыльях сиротку Аннушку. Где они ее отыскали, у кого украли, неизвестно. Только стала Аннушка с той поры Египечина сноха.

Много было у Аннушки забот, еще больше хлопот. От зари и до зари гоняла ее старуха по разным делам.

Ожил Микаль, разгладились на переносье морщины, посветлели глаза. Смотрит он на свою Аннушку, не насмотрится.

А старуха стала отсылать его из дому по каждому поводу. Приревновала она его к безответной Аннушке. И чем безропотнее была сноха, тем озлобленней свекровь. Сядет она у печки, возьмет в руку трубку с кулак величиной, набьет ее зловонным зельем и попыхивает, черным дымом покашливает. И все смотрит, смотрит на красавицу сноху. Мысли злобные надумывает.

Обманули ее черные голуби. Обещали принести хилую да невзрачную. А эта хоть и бледна лицом, хоть и худа без меры, хоть и запугана до робости, а нет в ней покорности. Выполнит она все как приказано, а будто по-своему поступит.

Вот и на Микаля почти не смотрит, а он уж жить без нее не может.

И ворожила старая, и колдовала, и хитрила. Наконец решила Египеча известить свою кроткую сноху.

— И все-то ты, бабонька, без пользы мельтешишь, — говорит она Аннушке, — поди-ка лучше в дальний лес. Овцы мои там пасутся. Настриги шерсти мешок, пряжи наряди, мужу теплые носки свяжи, а свекрови дукес изготовь.

— Как же я, матушка, тех овец найду? — спрашивает сирота.

— А есть там дуб древний с дуплом. Ты встань под него и об ствол ножницами постучи, они сами сбегутся.

Взяла Аннушка ножницы, мешок для шерсти и пошла в дальний лес овец искать.

Приметил ее издали Микаль и бежит вдогонку.

— Куда это ты, женушка, снарядилась?

— Да вот матушка послала в дальний лес овец стричь.

— Какие же в лесу овцы, простая ты душа! Волки там да медведи. Разорвут они тебя, косточек не оставят. Не ходи ты в лес.

— Как же я могу послушаться? Хуже волка она нас с тобой изведет. Лучше уж я одна погибну.

— Не бывать этому! — крикнул Микаль, и в голосе его прозвучал гнев. — Я с тобой пойду!

Зашли они в дальний дремучий лес. До того он густой оказался, что света дневного не видно: темень стоит, как в сумерки. Стонет кто-то жалобно ухает грозно, крадется, под ногами ветки похрустывают, злые голоса улюлюкают.

Прижалась Аннушка крепче к мужнину плечу, побледнела еще заметней, а молчит. Микаль топорище в руке сжимает, зорко за кустами следит: не покажется ли где кровожадная пасть, не заблестят ли голодные глаза.

Так плечо к плечу дошли они до древнего дуба. Закинул Микаль веревку на высокий сук, забрался по ней на дуб, а потом Аннушку поднял.

Постучала Аннушка ножницами по гулкому стволу, и тотчас сбежались медведи косматые и волки поджарые. Окружили они дуб тесным кольцом. Медведи полезли человечину добывать. Подобрались к Аннушке. Едва один за подол зубами не ухватил. А Микаль его топором по оскаленной морде — хрясь! Медведи кубарем один на другого. И снова лезут. Снова их Микаль топором рубит, жену и себя защищает.

Бесились, бесились звери. Между собой сгоряча подрались. Все бока друг другу ободрали и разбежались.

Слезли Микаль с Аннушкой с дуба, набили полный мешок шерсти и вернулись домой невредимые. Увидела Египеча, что ее сын жизни не жалел ради жены, и пуще прежнего возненавидела сноху.

Прошел день-другой, посылает свекровь Аннушку за бердом.

— За Камой-рекой, за гнилым болотом, за широким полем, стоит в лесу сторожка лесника. Живет в ней моя старшая сестра. Так вот, пойдешь ее навестить, бердо попросишь. Без провожатых пойдешь: Микаля-то я на базар отправила.

Делать нечего. Взяла Аннушка свой пестерь, положила в него кусок мяса, масла коровьего в белую тряпочку завернула, калачей белых, крынку сметаны, табаку нюхательного для старухи. Одеда Аннушка белый платок, взглянула на дорогу, по которой ушел в город ее муж, и пошла разыскивать лесную сторожку.

Подошла Аннушка к широкой Каме-реке, а другой берег еле виден

в тумане. Как туда без лодки перебраться? Села она на берегу, пригорюнилась: назад воротиться — свекровь укорами изведет, а реки ей с пестерем не переплыть. Смотрит: стая гусей к ней летит. Окружили ее гуси, шипят, шеи вытягивают, вот-вот за ноги щипать начнут.

— Гуси, гуси, я вам ситнички припасла, — сказала Аннушка и стала ситники крошить и гусей потчевать.

Наелись гуси и говорят:

— Хотели мы тебя до смерти зашипать, да больно ты добрая. Все ситники нам скормила. Мы тебя отблагодарим. Садись к нам на спину, на тот берег перенесем.

Так они и сделали. Забралась Аннушка на спину самого большого гуся, и поплыли они на другой берег Камы. А пестерь другой гусак в клюве перенес. Вышли они на берег, помахали Аннушке крыльями и улетели.

Подошла Аннушка к болоту, а дороги не знает, стала с кочки на кочку прыгать. Вдруг выскочили из густой осоки голодные псы, окружили они Аннушку, зубами щелкают, к горлу подбираются.

— Собачки, собачки, пощадите меня, я вам мяса принесла, — сказала Аннушка. И бросила собакам телячью ногу. Накинулись голодные псы на телячью ногу, мигом разодрали ее на клочки.

— А ты добрая! — сказали они и помахали хвостами. — Нам никто еще такого вкусного мяса не давал. Пойдем, мы тебя через болото проводим.

Провели собаки Аннушку через гнилое болото, а в лес идти побоялись.

— Мы с волками не в ладах, — сказали они.

За болотом раскинулось широкое поле, на котором, словно часовой, стояла береза. Поднялся тут сильный ветер. Зашумела береза, замахала гибкими ветвями.

— Не пущу, не пущу тебя дальше, ветками исхлещу.

— Березка, березка, я тебе белую косынку в подарок принесла.

— Ишь ты! Косынку? — недоверчиво сказала береза. — А я собралась тебя ветками исхлестать. Ну, проходи тогда, коли такая добрая. А косынка мне пригодится. Давно уж принарядиться хотелось.

Пересекла Аннушка широкое поле и вошла в дремучий лес.

Лесника-то давно и в живых не было, осталась от него лишь ветхая сторожка, в которой поселилась злая старуха. Вот лес и одичал. Стали в нем водиться волчьи стаи, медведи повадились разбойничать, совы гнезда разорять. И пожары здесь случались, и дела темные, непонятные. Сумеречно, сыро было в запущенном лесу.

Замелькали вдруг зеленые огни между деревьев, заметался, аукнулся волчий вой, и Аннушка оказалась в зверином кольце.

— А-а-а! Тебя-то мы и поджидаем, голубушку, — сказал самый матерый волчище. — Есть у нас строгий наказ доставить тебя к хозяйке. Пытать тебя будут.

— За что же меня пытать? — ужаснулась Аннушка. — Что я плохого людям сделала?

— Нам это не ведомо, — рыкнул волчий вожак. — Пошли!

Жадными глазами поглядывали на нее волки, но, видно, не смели

ослушаться строгого приказа колдуньи. Кто же, как не колдунья, может распоряжаться зверями и сама творить зло! Первый раз за все время поникла Аннушка головой. «Почему это так бывает в жизни, что одним достаются только радости, а другим одни печали?» — думала она.

Привели волки пленницу к черной, покосившейся избушке с одним оконцем.

— Дальше одна иди, — сказал вожак, — нам запрещено. Да не вздумай убегать! От хозяйки никто еще не убежал. Беглецов нам позволено в клочья рвать без разбору.

Заглянула Аннушка в оконце — никого, постучала — не стзываются. Толкнула она дверь легонько и шагнула через порог.

— Жжжживой отсюда не воротишься! — проскрипела дверь

— Что это ты так скрипишь, дубовая? Давно, видно, тебя не смазывали! Маслице вот у меня тут есть, дай я тебя смажу.

— Добра-а-а, — еще раз скрипнула дверь и затихла.

Оглядела Аннушка колдовское логово, и жутко ей сделалось: кругом скелеты, чучела, головы зверей и птиц, а посредине избы огромный котел с кипящей смолой.

С печки на нее уставился облезлый черный кот:

— Мя-а-асо пришло, мя-а-асо!

— Что ты говоришь! Какое же я мясо? Я Аннушка.

— Мя-а-асо! Хозяйка сделает из тебя мя-а-асо. Только мне она отдает одни кости. Она сварит из тебя колдовское зелье. Но сначала тебя будут пытаться.

— За что же меня пытаться?

— Как за что? Мя-а-конькая!

— Ну, зачем? По-моему, ты одичал, котик, дай я тебя поглажу.

— Мя-а-асо!

— Покушай вот лучше свежей сметанки. Я всю ее тебе и отдам, нечего ее старухе беречь. Вот так.

— Мур-мур-мур,— сказал кот,— неслыханной вкусноты штука.

— Это не штука, а сметана. Понравилась?

— Мур-мур-мур, старая карга кормит меня объедками.

— А-а-а! Пришла, мое солнышко! — услышала вдруг пленница, и из печки выскочила скрюченная старушонка. — Тебя-то мне и не доставало. Говори! — взвизгнула она. — Чем околдовала моих верных псов? Кто научил тебя ворожить? Сознаться!

— Я не умею колдовать,— ответила Аннушка. — Меня прислала к тебе свекровь, твоя сестра. Как поживаешь, тетушка?

— Хе-хе-хе, «тетушка», говоришь? Отвечай! — снова взвизгнула она.

Чем очаровала злых гусаков, что не тронули тебя. А береза? Что она, с ума спятила на старости лет! Завтра же прикажу ее сжечь!

— Не надо, пожалуйста, она такая славная!

— Ах, ты еще заступаться! В котел ее!

В это время за окном раздался протяжный совиный крик. Колдунья вихрем вылетела из трубы. Что-то неожиданно-негаданно стряслось в ее владениях.

— Что же ты стоишь? Беги! — крикнул кот.

Аннушка кинулась из страшного дома, и дверь бесшумно отворилась, пропуская ее. Кажется, она даже вздохнула. Может, ей тоже захотелось убежать! А кот выпрыгнул в окно и побежал следом за беглянкой. И ему опостытели мрачная изба и скупые объедки.

Легко сказать: беги! А куда? Кругом черной стеной стоял хмурый лес. Ни дорожки, ни тропинки.

— Сюда! Сюда! — поманил кот.

Аннушка бежала изо всех сил, но скоро она услышала волчий вой и звуки погони. Волки настигали ее. Уже слышно было их хриплое дыхание...

«Табак! — подумала Аннушка. — Нужно высыпать нюхательный табак!»

Она выхватила из пестеря пачку и высыпала ее через плечо. К счастью, ветер дул ей в лицо. Она слышала, как взвыли волки, которым табак попал в нос и в глаза. Погоня отстала.

Вот и кончился лес. Только волки снова хрипят за спиной. Еще немного, и начинается болото, а там голодные собаки. Неужели и они кинутся на нее, раз нет больше мяса, чтоб утолить их голод?

Аннушка еле добежала до болота, когда оттуда выскочила стая псов и кинулась навстречу волчьей погоне. Они с визгом сцепились и начали грызться, как заклятые враги, одни за страшную колдунью, другие за добрую Аннушку. «Хорошие собачки, — с благодарностью подумала беглянка, — они ценят добро».

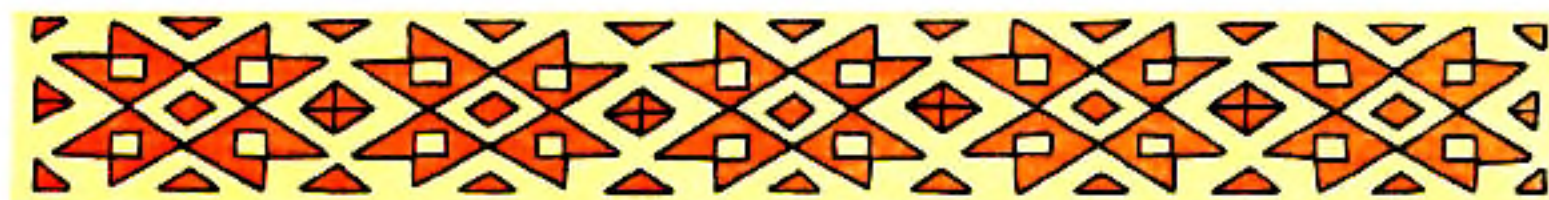
Наконец-то Кама-река! А где же гуси! Как перебраться через поток воды? И вдруг — шум и свист крыльев. Целая туча гусей. Они подхватили измученную беглянку и легко перенесли ее на безопасный берег.

Выскочила колдунья из болота, мечется по берегу, не может сообразить, как через реку перебраться. Вдруг вспомнила: бросила на воду платок, села на него и поплыла. Но на середине реки на нее налетела стая диких гусей и опрокинула злобную старуху в воду. Тут и пришел ей конец.

Прибежала Аннушка домой чуть жива от усталости и страха. Увидела ее Египеча, поняла все и упала перед ней на колени:

— Прости меня, сношенька Аннушка, — взмолилась она, — думала я тебя извести-уморить. Но, вижу, победила ты мою злобу. Доброта твоя чуть было не сгубила тебя, она же тебя и спасла. Будешь теперь ты жить долго и счастливо. Я вам мешать не стану, уйду куда глаза ведут...

Тут и Микаль с базара воротился, увидел он жену целой и невредимой и едва не расплакался от радости. «Никогда больше не оставляю тебя одну», — поклялся он. И, говорят, сдержал свое слово.

СКАЗАНИЕ О КОКШЕ-ПАТЫРЕ

Марийская сказка

— А РАССКАЖУ я вам, дети, почему эту речку нашу Кокшагой зовут... Было это в давние времена. На этой самой реке жил злой-презлой владыка Вараш, а послал его сюда сам царь:

— Иди, Вараш, на берега лесной реки и ставь крепость. Леса там неоглядные, зверем пушным богатые, а люди вокруг живут своевольные. Ты призови их ко смирению.

Поехал Вараш на берега лесной реки, срубил крепость, поставил на ее башнях пушки и отдал приказ всем местным людям промыслять белку, лису, горностая и привозить ему драгоценную пушнину. А тех, кто воле его не подчинялся, слуги Вараши хватали, пороли розгами, а особенно строптивых бросали в колодезь сорока саженьей глубины.

Застонали лесные люди под пятой Вараши, но никто не мог воспротивиться жестокой силе.

Долго ли, коротко ли жили так, но вот в одном лесном илеме у бедных родителей появился на свет мальчик. Назвали его Кокша. Отец сплел ему лыковую колыбельку и повесил в правом углу избушки, поближе к очагу.

В первую же ночь около колыбельки появился богатырь Кугурак. Он склонился над ребенком и сказал:

— Возьми, Кокша, мою силу, а смелости научит тебя отец.

На вторую ночь к люльке склонился богатырь Чоткар:

— Бери, Кокша, мою ловкость, а доброту ты получишь от своей матери.

На третью ночь к зыбке явился богатырь Акпатыр:

— Я отдаю тебе свою мудрость, Кокша, а любить нашу землю тебя научит народ.

С этой поры Кокша стал расти не по дням, а по часам. За двенадцать суток он превратился в высокого, широкоплечего парня — в настоящего богатыря. Отец дал ему лук и стрелы, велел идти на охоту. Кокша натянул тетиву и пустил стрелу вверх. Со звоном лопнула тетива, а стрела улетела выше облаков и не вернулась на землю.

Пошел Кокша в кузницу и отковал наконечник для стрелы весом в полтора пуда. На обратном пути он вырвал молодой дубок и сделал из него лук. А из жил убитого им лося свил тетиву. Приладив наконечник к стреле, Кокша решил испытать лук. Он натянул тетиву и выстрелил в вековое дерево. Стрела прошла дерево насквозь, и оно раскололось.

Не прошло и недели, как слуги донесли Варашу о чудо-богатыре. Понял владыка, что Кокша не простит ему и поднимет народ.

— Надо отнять у него силу богатырей, — сказал он слугам и научил их, как это сделать.

Однажды Кокша ушел на охоту далеко от илема. Подручные Вараша в том месте, где Кокша переходил лесную реку, сделали прорубь, а когда мороз затянул ее тонким ледком, засыпали снегом. Возвращаясь с охоты, Кокша провалился в прорубь. Тяжелые стрелы потянули его на дно...

Но вдруг он услышал голос:

— Вспомни о силе Кугурака. Встань на дно и оттолкнись.

И вдруг подручные воеводы в страхе увидели, как вспучился лед, раскололся на несколько льдин, и Кокша вышел на берег.

«Все равно ему конец, — подумали подручные, — Кокше негде обшиться, и сильный мороз доконает его».

Понял и Кокша, что конец приходит ему. Одежда сразу обледенела. Но тут он снова услышал голос:

— Вспомни о ловкости Чоткара. Вставай на лыжи и беги.

Кокша надел лыжи и во весь дух помчался к дому. На бегу он вспомнил предание о том, как Чоткар, пока жена кипятила воду для ухи, успевал на лыжах сбегать на озеро в сорока верстах от дому, наловить рыбы и вернуться обратно. Кокша бежал так быстро, что добыча сварилась и пригодилась на ужин.

Разгневался Кокша, когда узнал о коварном замысле Вараша.

Он пришел к крепости и крикнул:

— Если ты, Вараш, не трус, выходи биться со мной один на один!

— Если ты не трус, то заходи в крепость, — ответил Вараш. — Мы сразимся здесь.

Кокша зашел в крепость. Он не знал, что силу Кугурака он израсходовал подо льдом, а ловкость Чоткара — в беге на лыжах.

Как только закрылись ворота крепости, на Кокшу накинута стража. Схватка была долгой и яростной, но врагов было много, и Кокшу заковали в цепи, на ноги надели кандалы.

— Бросьте его в сорокасаженный колодец! — приказал Вараш...

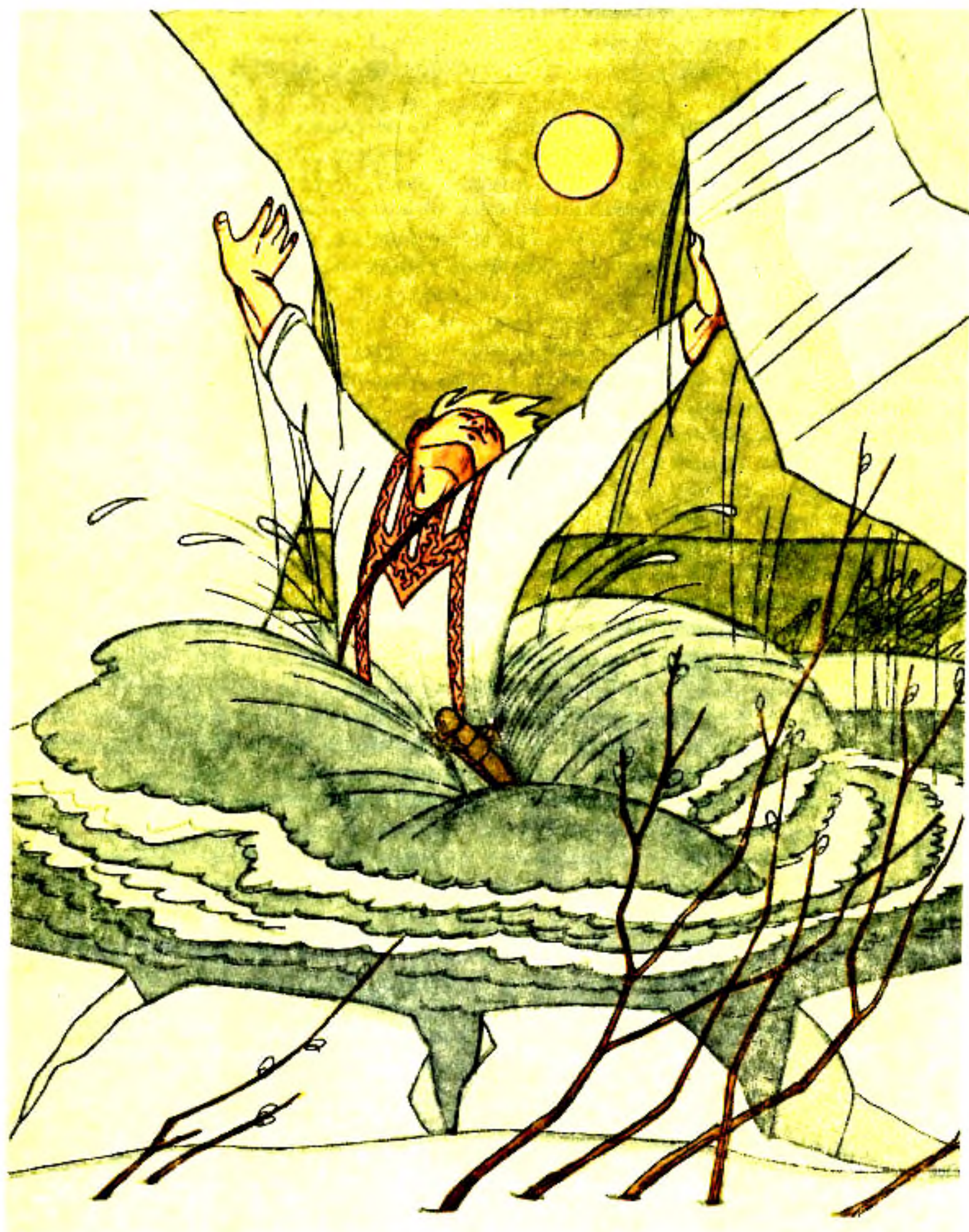
Долго ли, коротко ли просидел Кокша, но однажды на край сруба села Сорока-белобока. Обрадовался Кокша, просит сороку:

— Сорока-белобока! Передай моим родным, что я у Вараша в колодце. Пусть они выручат меня.

— Глупых я не выручаю, — ответила легкомысленная Сорока. — Ты сам зашел в логово зверя.

И улетела.

Много ли, мало ли прошло дней, сел на край сруба Коршун.

— Коршун! Коршун! Передай отцу-матери, что я в цепях и брошен в колодезь.

— С какой стати?— ответил Коршун. — Я дружу с Варахом и кормлюсь теми, кто брошен в колодезь. Скоро придет и твой черед.

И тоже улетел.

А время идет и идет. Все больше и больше слабеет Кокша. И уж когда казалось, что нет надежды на спасение, сел на сруб белый Гусь.

— Друг, выручи меня,— простонал Кокша. — Передай...

— Знаю, чего ты хочешь, Кокша. Глупая тараторка Сорока всем болтает, что ты у Вараха в яме, но ты же знаешь, что ей никто и никогда не верил. Не поверили и твои родители. Разве ты не знаешь, что прошло больше пяти лет?

— Все равно скажи, тебе поверят.

Гусь спустился в колодезь, вырвал из своего крыла перо и подал Кокше. Тот смочил перо в кровавой ране от кандалов и написал на белоснежном крыле птицы свое имя.

И тогда о страданиях богатыря узнали во всех лесных илемах. Самые старые и самые мудрые собрались на совет и стали думать, как помочь Кокше-патыру...

Однажды у Вараха был какой-то праздник. Вдруг перед воротами крепости появилось стадо быков.

— Прими наш праздничный дар, владыка,— сказали старейшины. — Мы хотим заколоть этих быков и угостить твоих храбрых воинов.

— Ладно,— сказал жадный Варах,— половину быков заколите и сварите в котлах на дворе, а остальных загоните в мои хлева.

Старейшины разожгли костры, забили быков, сняли шкуры и положили около колодца. Подручные воеводы до отвала наелись вареного мяса и завалились спать. Ночью, когда все в крепости спали, старейшины разрезали бычьи шкуры, связали их в один длинный прочный ремень и спустили в колодезь. Кокша обвязался концом сыромятного ремня, и его вытащили.

Под покровом ночи старейшины вывели Кокшу из крепости. Пока богатырь поправлялся и набирался сил, кузнецы сковали из цепей и кандалов мечи и наконечники для стрел. Собрались воины со всех илемов, а во главе ратного войска встал Кокша.

Вскоре злой Варах и его приспешники были изгнаны, и народ объявил Кокшу своим вождем...

С тех пор эта лесная речка и зовется Кокшагой.

СЕРЕБРОЗУБАЯ ПАМПАЛЧЕ

Марийская сказка

КОГДА-ТО давным-давно жил в марийском лесном краю бедный старик-охотник.

Старуха его умерла, старшая дочь вышла замуж и уехала за дальние леса, на высокую гору, а при нем осталась одна младшая дочка, светлая, как звезда, и прекрасная, как луна, Сереброзубая Пампалче.

Очень любил старик свою меньшую дочь, души в ней не чаял.

Так и жили они: старик охотился, ловил рыбу, а Пампалче собирала в лесу грибы и ягоды.

Однажды утром старик пошел на лесное озеро ловить рыбу, а Сереброзубая Пампалче отправилась в лес.

Набрела Пампалче на полянку, красную от спелой земляники, и принялась собирать ягоды в лукошко.

Рвет она ягодку за ягодкой, складывает в лукошко и поет:

Там, где ясное солнце восходит,
Разгорается алая зорька.
Разгорается зорька,

Солнце восходит,
Согревает зеленую землю.

Подняла Пампалче голову, посмотрела вокруг, увидела на дереве серую кукушку, улыбнулась ей и снова запела:

Ловит в озере рыбу отец,
А я на полянке
Среди белых цветов

Собираю землянику в лукошко,
Каждый день
Собираю в лесу землянику.

Наполнилось лукошко доверху ягодами, и пошла Пампалче домой. Идет по лесной дороге и видит: растет у дороги темная ель, а на ели сидит черный коршун, машет черными крыльями, кивает девушке головой. Плохая примета — встретить коршуна, не к добру эта встреча.

Остановилась Пампалче, спросила тихим голосом:

— К чему повстречался ты мне, черный коршун? Что киваешь мне?

Ничего не ответил ей коршун.

Не знала Пампалче, не ведала, что в это самое время с ее отцом случилась беда.

Захотелось старику пить, наклонился он над озером и коснулся воды губами. Вдруг пошли по озеру черные волны, забурлила вода, и высунулась из темной глубины черная ручища, схватила старика за бороду и потянула в озеро.

Испугался старик, стал молить грозного Водяного владыку:

— О, великий, грозный Водяной владыка! Не губи ты меня,пусти домой!

Отвечает старику Водяной владыка:

— Я отпущу тебя домой и позволю тебе ловить рыбу во всех моих озерах, если отдашь за меня замуж свою дочь Сереброзубую Пампалче!

Заплакал старик и согласился отдать Пампалче замуж за Водяного владыку.

— Отдам, отдам! — говорит. — Привози двенадцать пайданов¹ браги, двенадцать пайданов пива, и отпразднуем свадьбу.

Отпустил Водяной владыка старикову бороду и сказал:

— Иди домой да смотри не забудь своего обещания! Завтра жди меня в гости.

¹ Пайдан — деревянное ведро.

Поплелся старик домой. Идет, спотыкается и думает горькую думу. Тяжело ему расставаться с дочерью, не знает, как сказать Пампалче про то, что обещал отдать ее в жены Водяному владыке.

Спрашивает отца Пампалче:

— Отчего ты невесел, батюшка?

Старик вздохнул и отвечает:

— Обвалились ступеньки у нашего крыльца. Чем их чинить — не знаю...

— Не горюй, отец, завтра починим крыльцо, я уже и доски припасла.

А отец и головы не поднимает, еще ниже клонится. Снова спрашивает его дочь:

— Почему ты, батюшка, стал еще грустнее?

— Да вот сгнила крыша...

— Это не беда! — отвечает Пампалче. — И крышу перекроем...

Тут старик заплакал и открылся ей:

— Обещал я, дорогая моя доченька, отдать тебя замуж за Водяного

владыку. Завтра придет он сюда и заберет тебя в свое подводное царство.

Плачет старик, а дочь его утешает:

— Не горюй, отец! Уйду я от Водяного владыки к моей старшей сестре, что живет за дальними лесами на высокой горе.

Чтобы никто не узнал ее, надела Пампалче самый старый и рваный кафтан, залепила свои серебряные зубы еловой смолой.

— Дочь моя, — сказал ей на прощанье отец, — пусть беда обойдет тебя стороной!

Поклонилась Пампалче отцу, обняла его и тронулась в далекий путь — за дальние леса, к старшей сестре своей.

Идет Пампалче по темному лесу, идет по топкому болоту, днем просит солнышко указать ей прямую дорогу, темной ночью просит ясный месяц осветить ей путь.

Красное солнышко ей дорогу указывает, месяц ночью путь освещает.

На другой день вдруг слышит Пампалче впереди на дороге конский топот, слышит — рога трубят.

Спряталась она в частых кустах, легла на мягкий мох.

Видит Пампалче: по дороге едет Водяной владыка.

Едет он на черном жеребце, по обеим сторонам идут юноши в белых кафтанах и несут зеленые березовые ветви.

Ту-у, ту-у! — громко трубят Водяной владыка в золотой рог, так громко, что деревья дрожат и птицы замолкают.

Зарылась Пампалче в мох. Водяной владыка не заметил ее, проехал мимо.

Поднялась Пампалче, побежала дальше.

Повстречались ей девушки в зеленых свадебных кафтанах, в обшитых блестками свадебных платках.

— Куда идете, сестрицы? — спрашивает их Пампалче.

А девушки отвечают ей песней:

Идем за невестой,

За красивой невестой с серебряными зубами,

Светлой, как звезда,

Красивой, как луна,

Идем за Сереброзубой Пампалче,

Чтобы увести ее к Водяному владыке.

— Идите, идите, она вас давно поджидает, — сказала им Пампалче и побежала дальше.

Повстречались ей мужчины в свадебных вышитых рубахах.

— Куда идете, дядюшки? — спрашивает их Пампалче.

А мужчины отвечают ей песней:

Идем за невестой,

За Сереброзубой Пампалче,

Красивой, как луна,

Светлой, как звезда.

Несем с собой двенадцать пайданов браги,

Несем с собой двенадцать пайданов пива.

— Идите, идите, — говорит им Пампалче, — невеста вас ждет не дождется.

Повстречались ей женщины — на головах лисьи шапки, на груди серебряные ожерелья.

— Куда идете, тетушки? — спросила их Пампалче.

А женщины отвечают ей песней:

Идем за невестой.

За Сереброзубой Пампалче,

Светлой, как луна,

Прекрасной, как солнце.

Есть у нас двенадцать пайданов меду,

Есть у нас двенадцать пайданов масла.

— Идите, идите, — говорит им Пампалче, — она совсем заждалась.

Бежит Пампалче по лесу, а навстречу ей плетется, ковыляет старуха, такая дряхлая, что от старости вся мохом обросла.

— Куда идешь, бабушка? — спросила Пампалче старуху.

Старуха прошамкала глухим голосом:

Иду за невестой,

За красивой невестой с серебряными зубами,

Румяной, как спелая клубника,

Светлой, как солнце.

Иду на свадьбу гулять,

Буду петь и плясать.

Засмеялась Пампалче, отвалилась еловая смола, заблестели серебряные зубы.

— Я узнала тебя! Ты Сереброзубая Пампалче! — закричала старуха и вцепилась в Пампалче костлявыми пальцами. — Из моих рук не уйдешь, я сама отведу тебя к Водяному владыке.

Вырвалась Пампалче и побежала.

Бежит Пампалче, летит, словно птица, а старуха не отстает от нее ни на шаг, потому что это была не просто старуха, а злая ведьма Вувер-кува.

Добежала Пампалче до дальнего леса, до высокой горы, нет у нее уже сил бежать дальше, а Вувер-кува вот-вот догонит и схватит ее.

Влезла Пампалче на высокую сосну и запела:

Ой, сестрица, сестрица,

Спусти мне шелковую лестницу!

Не то поймает меня Вувер-кува

Отдаст в жены Водяному владыке!

Подбежала Вувер-кува к сосне, отломила свой костлявый палец, выдернула свой кривой зуб, сделала топор и стала рубить под корень сосну, на которой сидела Пампалче.

Ой, сестрица, сестрица! —

поет Пампалче.

А сестра отвечает ей с горы:

— Подожди, сестрица, я шелковый клубок разматываю.

В это время вышел из лесу медведь. Жалко ему стало Пампалче, подошел он к Вувер-куве и говорит ей:

— Дай порублю сосну, а ты отдохни.

Отдала Вувер-кува топор медведю, а сама легла под куст и заснула.

Медведь взял топор и забросил его в озеро.

Проснулась Вувер-кува — нет ни медведя, ни топора, только круги по озеру идут.

Рассердилась старуха, одним глотком выпила всю воду из озера, достала со дна топор и опять принялась рубить сосну.

Пошел по лесу страшный шум и стук, задрожала высокая сосна, а Пампалче запела еще громче:

Ой, сестрица, сестрица,
Спусти шелковую лестницу!

Не то поймает меня Вувер-кува,
Отдаст в жены Водяному владыке.

А сестрица снова отвечает ей с высокой горы:

— Подожди, сестрица, я шелковую лестницу плету.

Услыхала песню Пампалче рыжая лиса, прибежала под сосну и говорит Вувер-куве:

— Ты устала, бабушка! Дай-ка мне топор, я помогу тебе, сосну порублю.

Дала Вувер-кува рыжей лисе топор. А той только этого и нужно было: схватила она топор, стукнула один раз по сосне, а в другой раз размахнулась и закинула топор в озеро.

Снова Вувер-кува выпила всю воду из озера, достала топор со дна и принялась сама рубить сосну.

И опять запела Пампалче:

Ой, сестрица, сестрица,
Спусти мне шелковую лестницу!

Не то поймает меня Вувер-кува,
Отдаст в жены Водяному владыке.

Ничего не ответила ей сестра.

Затрещала сосна, стала валиться, но тут опустилась сверху шелковая лестница. И поднялась по ней Сереброзубая Пампалче на высокую гору, к старшей сестре своей.

Как увидели звери лесные, что Сереброзубая Пампалче спаслась, обрадовались, пустились в пляс. Запели в зеленых ветвях голосистые птицы, а на высокой горе весело запела Пампалче:

По блестящей шелковой лестнице
Поднялась я на высокую гору —

Не поймает меня Вувер-кува,
Не достанет Водяной владыка.

ДУБОЛГО ПИЧАЙ

Мордовская сказка

У МУЖИКА с женой были два сына и дочь. Звали дочку Дуболго Пичай. Была она такая красавица, что другой такой не сыщешь. Когда умерли отец с матерью, осталась Дуболго Пичай с двумя братьями. Оба брата ее очень любили. Собирается, бывало, старший брат на охоту, она выходит провожать его, и брат говорит ей:

— Если на твое счастье попадутся мне звери и птицы, я тебе, сестрица Дуболго Пичай, куплю браслеты и кольца!

Выходит Дуболго Пичай провожать младшего брата, и он ей подарки сулит. На ее счастье охота всегда у них бывала удачная.

Вскоре братья поженились. Жены им попались нехорошие, сварливые: каждый день ругаются со своими мужьями и между собой живут как кошка с собакой. С самых первых дней невзлюбили они Дуболго Пичай: завидовали они тому, что была она первой красавицей в деревне, что все, за что она ни бралась, ей удавалось, что братья души в ней не чаяли. Злые бабы готовы были сжить ее со свету и постоянно наговаривали на нее своим мужьям. Особенно злились они на то, что братья, когда собирались на охоту, всегда сулили что-нибудь своей сестре. Вначале они и женам своим сулили, да только тогда им ничего не попадалось.

Однажды братья уехали на охоту. Злые жены их и задумали погубить Дуболго Пичай.

— Вот что, — говорят, — мы сделаем: изведем лучшего вороного жеребца. Приедут мужья домой, а мы им скажем: «Ваша любимая сестра Дуболго Пичай хорошее дело сделала: это она вашего доброго вороного жеребца извела».

Как задумали, так и сделали: убили вороного жеребца.

Братья Дуболго Пичай едут с охоты домой, везут с собой всяких зверей и птицу, а сестре своей везут много гостинцев. Жены вышли им навстречу, плачут в голос, каждая своему мужу жалуются:

— Ах, миленький муженек, что сделала ваша любимая сестра! Уморила она вашего любимого вороного жеребца... Она не любит ни нас, ни вас: вы ей покупаете всякие подарки, а она только и помышляет, чтобы зло какое-нибудь вам сделать.

Братья говорят:

— Невелика беда, что пропал наш вороной жеребец: мы найдем другого такого же доброго коня, но второй такой умной и доброй сестры нам нигде не найти.

Не рассердились братья на Дуболго Пичай: отдали ей все гостинцы. Жены их еще больше озлобились. Зубами скрипят, думают про себя: «Как-нибудь да погубим мы тебя, ненавистная Дуболго Пичай! Перестанут любить тебя братья, привяжут тебя к хвосту жеребца!»

Чего только они ни придумывали, как ни наговаривали на Дуболго Пичай, только ничего добиться не могли.

Как-то раз братья поехали на охоту. Дуболго Пичай вышла их провожать, а у самой слезы так и катятся, как крупный горох. Старший брат говорит:

— Если на твое счастье убью дорогого зверя или птицу, сестрица, куплю тебе хороший подарок!

И другой брат обещает ей гостинцев.

В этот раз братья еще удачнее охотились: попадалось им много всякого зверя и всякой птицы. Остались они ночевать в лесу. Младший брат и говорит:

— Скажи-ка мне, старший братец, отчего это у меня сердце сегодня так ноет?

— У меня у самого, братец, сердце не на месте. Как бы чего дурного не случилось с нашей Дуболго Пичай! Сестра у нас добрая, кроткая, как голубь, жены наши зря ненавидят ее.

А пока братья на охоте были, жены их задумали злое дело.

Старшая говорит:

— Давай изведем Дуболго Пичай хитростью. Ты пойди поскорее баню истопи, в большом котле воск растопи. Когда истопится баня и воск станет жидким, как вода, ты мне скажи.

Жена младшего брата так и сделала.

Притворились они добрыми и ласковыми, говорят Дуболго Пичай:

— Пойдем с нами в баню, помоемся да попаримся.

Дуболго Пичай худа не ждала, пошла с ними в баню.

В бане невестки одна ласковее другой: моют Дуболго Пичай, голову ей окатывают.

— Голубушка Дуболго Пичай, стой хорошенько: мы сами уж тебя и вымоем-оботрем, и голову тебе промоем-окатим!

Младшая невестка говорит:

— Ну вот, ты вымылась, и волосы твои промылись, теперь в последний раз окатить тебя нужно. Давай, сестрица, окатим Дуболго Пичай теплой водичкой!

Старшая невестка принесла большой котел с растопленным воском и вылила его на Дуболго Пичай. Девушка тут же упала на лавку, как

подкошенная. Воск покрыл тоненьким, как листок, слоем все тело Дуболго Пичай и залил ей и горло, и уши. Обрадовались злодейки-невестки, что избавились наконец от ненавистой Дуболго Пичай.

Принесли они ее из бани домой, убрали, обрядили, положили на лавку в передний угол. Стали они мужей своих дожидаться.

С восходом солнца братья вернулись.

— Почему, — говорят, — не встречает нас сегодня наша любимая сестрица Дуболго Пичай?

Жены выбежали им навстречу с громким плачем:

— Любимая ваша сестрица умерла! Мы вас весь вечер и всю ночь ждали и не могли дожидаться. Уж мы ее без вас вымыли и одели, чтобы в гроб положить. Пойдите на милую сестрицу взгляните да гроб ей приготовьте. — Говорят они это мужьям, а сами во весь голос режут.

Вошли братья в избу. Смотрят — сестрица их Дуболго Пичай лежит на передней лавке под белым холстом. Открыли они ее лицо. И кажется братьям, что она им говорит:

— Милые мои братцы, защитники мои! За что погубили меня злые невестки?

Градом покатались у братьев слезы. Сделали они гроб из негниющего дерева. Положили в него любимую сестрицу свою Дуболго Пичай и отвезли в большой лес, на перекресток трех дорог. Построили помост и поставили на него гроб. А на помост возле гроба поставили корзины с пшеницей.

Вернулись братья в печали домой, а женам своим не сказали, куда поставили гроб Дуболго Пичай, хоть те и допытывались.

А по ту сторону большого леса, за рекой, жила старуха-вдова. У нее был единственный сын, Виртяном его звали. Был Виртян большой, сильный, красивый парень, работать любил, да только за какое дело ни примется Виртян — счастья у него ни в чем нет! Только в одном ему везло: лучше его гусей не было ни у кого во всей деревне. Стал Виртян примечать, что гуси его возвращаются домой постоянно с одной и той же стороны. В какую сторону он ни проводит гусей — домой они возвращаются все с одной стороны. Думает-гадает Виртян:

— Куда это мои гуси ходят? Куда это они повадились? Дай-ка я за ними слежу!

На другой день выпустил он гусей, но никуда их не погнал.

Пошли гуси опять в ту же сторону, откуда возвращались каждый день. Идут гуси, а Виртян не отстает от них. Дошли гуси до большой реки, переплыли на другую сторону, и Виртян тоже плывет за ними. Чуть не утонул: река-то очень быстрая была. Дошли гуси до леса недалеко от реки и остановились на поляне. Смотрит Виртян — на той полянке три дороги сходятся, а на перекрестке высокий помост, а на помосте стоит гроб. По обе стороны гроба поставлены корзины, а из них пшеница сыплется. Гуси под помост пришли, стали пшеницу подбирать. Недолго думая, поднял Виртян гроб на плечи и понес домой. Дошел опять до большой реки и говорит:

— Если переплыву реку — принесу гроб к матери, пусть она скажет, что с ним делать.

Вошел Виртян в реку, а вода ему только по щиколотку. Дошел Виртян до середины, взглянул вверх по реке — вода остановилась и стоит стеной, взглянул вниз по реке — вода уже высыхает. Только он успел выйти из реки, опять с ревом понеслась бурная река.

Принес Виртян гроб домой, показал его матери. Мать велела ему открыть гроб. Когда открыли гроб — оттуда запахло душистыми цветами. В гробу что-то было покрыто холстом. Откинули холст — смотрят: лежит красавица-девушка. Смотрит мать Виртяна на девушку и думает: «Эта красавица не похожа на мертвую, она словно уснула.»

Раскрыла старуха девушке рот, видит — горло чем-то залито по язычок, смотрит — уши залиты. Догадалась старушка, что это воск, и говорит: — Поди-ка, сынок Виртян, истопи пожарче баню.

Баня истопилась. Мать сказала Виртяну:

— Отнеси девушку в баню, положи на полок и уйди. Я ее попарю.

Виртян так и сделал. У девушки в тепле размякли руки и ноги. Старушка скинула с нее верхнюю вышитую рубашку, потом и нижнюю рубаш, положила ее ничком и стала парить березовым веником. Смотрит — из ушей закапал жидкий воск. Девушка застонала, а потом начала дышать. Старушка сняла ее с полка, положила на лавку, покрыла ее белым холстом и позвала сына.

Виртян вошел, глянул и обрадовался: девушка дышит, точно во сне. Сел он с матерью около нее. В полночь девушка стала дышать глубже, стала ворочаться. Потом она повернулась вверх лицом.

Как увидел Виртян лицо ее — и сам не знает, бедный, что ему делать, что говорить: такой красавицы он никогда и нигде не видывал. А девушка открыла глаза, взглянула перед собой и промолвила:

— Милый братец!..

Она приняла было Виртяна за брата, да увидела, что это не брат. Стоит Виртян перед девушкой, смотрит на нее, не может глаз отвести.

Одела вдова девушку, нарядила, в избу пригласила. Стали они с сыном расспрашивать ее, но Дуболго Пичай о себе им ничего не рассказала.

— Ничего я не помню, — говорит.

После того, как Дуболго Пичай у них поселилась, за что Виртян ни возьмется — всякое дело у него спорится. И назвал он девушку Уцяской, что значит «Счастье». А когда он женился на ней, еще лучше стали они жить.

Однажды Дуболго Пичай сидит под окнами и видит — подходят к их избе два человека. Она их сразу узнала: это были ее родные братья, только не такие, как прежде, — измученные, оборванные, на одежде заплатка на заплатке, дыра на дыре. Как увидела их Дуболго Пичай, слезы у нее закапали, губы задергались.

Подшли братья под окно, поклонились ей в землю и просят:

— Пожалей ты нас, хозяйка! Накорми, напои бедных людей.

— Войдите, войдите! Расскажите мне, где вы были, куда ходили, что видели, — говорит Дуболго Пичай.

Вошли братья, говорит один другому:

— Смотри, как хозяйка на сестру нашу Дуболго Пичай похожа! Если бы

не знали мы, что сестрица наша умерла, подумали бы, что это она.

А Дуболго Пичай накормила, напоила их, истопила для них горячую баню. Пришли братья из бани, поблагодарили добрую хозяйку за привет, за ласку и собрались было уходить, а Дуболго Пичай не отпускает их:

— Куда, — говорит, — вы на ночь глядя пойдете? Ночуйте лучше у нас. И муж мой скоро с охоты вернется. Он вам обрадуется: он любит послушать рассказы прохожих людей.

Братья и остались у нее ночевать.

Скоро с большой добычей вернулся с охоты Виртян и говорит Дуболго Пичай:

— Смотри, сколько я дичи настрелял! Все на твое счастье попало.

Поздоровался он с прохожими и стал с ними разговаривать. Старший брат вздохнул тяжело и начал рассказывать:

— И мы, почтенный хозяин, были так же счастливы и богаты, как ты. Хорошо мы жили, была у нас сестра — Дуболго Пичай ее звали. Мы оба ее любили больше всего на свете. Мы не видели девушек красивее ее, а ум у сестры был еще краше лица... Она, почтенный хозяин, похожа была лицом на твою жену. Погубили, погубили ее наши злодейки-жены! Как извели они нашу любимую сестрицу, мы до сих пор не знаем. После ее смерти за что мы ни примемся, ни в чем у нас удачи нет. Так мы и обнищали, разорились совсем и ходим по миру...

Не окончил своего рассказа брат Дуболго Пичай — заплакал, и у другого брата слезы рекой полились.

А Дуболго Пичай не выдержала, глядя на горе своих братьев, и тоже горько заплакала. Глядит на них Виртян — не знает, что делать, и тоже во весь голос зарыдал.

Поплакали они, потом успокоились немного, тут Дуболго Пичай и сказала им:

— Братцы мои милые, ведь я сестра ваша родная — Дуболго Пичай! Виртян меня спас, вернул снова к жизни. Оставайтесь жить с нами.

Обрадовались братья, что нашли свою любимую сестру, и стали они жить все вместе дружно и счастливо.

КУЙГОРОЖ

Мордовская сказка

В ОДНОМ мокшанском селе жил-был старик Пятань со старухой Акулей. Старик трубку курил, бабка Акуля табак нюхала. Детей у них не было. Жили бедно, хуже некуда. В хозяйстве лошадь старая, больше ничего нет. Уж так плохо жили, даже Юртава¹ покинула подворье: нечего ей у Пятаня делать — хозяин гол, и в избе пусто.

Наступила весна. Люди пахать-сеять стали, а у Пятаня лошадь соху не тянет, совсем немощная стала. Ударит ее старик хвостотинкой, а она ни с места. Только хвостом махнет вверх-вниз, вправо-влево, словно перекрестится.

Вернулся с поля Пятань и говорит старухе:

— Зимой пропадем мы с тобой, Акуля, с голоду.

— Не горюй, старик, — отвечает бабка Акуля. — Ты найди в лесу совиное гнездо и возьми из него яичко. Бери, которое ближе к краю лежит. Из этого яичка я Куйгорожа выведу, он нам поможет.

Запряг старик лошадь и поехал в лес. Когда к лесу подъезжал, перекрестился. Весь день ходил-бродил он по лесу, но совиного гнезда не нашел. Вернулся домой, Акуля спрашивает:

— Ты крестился по дороге?

— Крестился.

— Вот поэтому и не нашел совиного гнезда. Куйгорож крестного знамения не любит.

На следующий день поехал Пятань в лес и руки кнутом связал, чтобы нечаянно не перекреститься. Лошадь бредет-бредет, остановится. Махнет хвостом вверх-вниз, вправо-влево, дальше плетется. И в этот день совиного гнезда Пятань не нашел. Вернулся домой, Акуля спрашивает:

— Наверно, крестился по дороге?

— Нет.

— А лошадь хвостом крестилась?

— Чего-чего, а это она умсет, — отвечает Пятань.

— Поэтому ты и не нашел совиного гнезда, — говорит старуха.

На третий день привязал старик хвост к ноге лошади, себе руки кнутом связал и поехал в лес. Видит: на опушке большой дуб, а в нем дупло. Заглянул Пятань — в дупле гнездо, и посередине два яичка лежат, третье к самому краю скатилось, вот-вот вывалится. Едва успел старик руки развязать и ладонь подставить, как яичко само к нему в руку упало. И вроде бы голос такой слышится:

¹ Юртава — хранительница дома, хозяйка; домовая.

— Возьми меня! Отнеси бабке Акуле!

Положил Пятань яичко в шапку и привез домой.

— Ну а теперь,— говорит бабка Акуля,— я три недели на печи буду сидеть, Куйгорожа высиживать.

Забралась Акуля на печь, сиднем сидит, а старик есть-пить подает.

Минуло три недели. Однажды ночью старик слышит, кто-то в избе пищит:

— Кик-кик! Давайте мне работу. А не дадите, я избу по бревнышкам разбросаю.

— Кто это?— спрашивает старик.

Бабка Акуля с печки отвечает:

— Это Куйгорож из яйца вылупился. Скорей придумай для него работу. Он не может без работы жить. Не дашь ему занятия, так он все кругом разрушит и нас с тобой убьет.

— Дел у нас не впрокорот и в поле, и во дворе,— говорит Пятань. — Вот тебе задание, Куйгорож: поле вспаши, рожью засей, и пусть она к утру поспеет!

— Кик-кик!— пискнул Куйгорож.— Не боятся руки муки, а ноги дороги — будет сделано.

Утром пошел старик на поле и удивился: не сеял, не пахал, а с урожаем! Обрадовался Пятань. Рысцой прибежал к старухе и говорит:

— Теперь, Акуля, мы не пропадем. Вот если бы еще новую избу сделал нам Куйгорож, тогда и вовсе зажили бы на славу...

— А ты прикажи ему,— говорит старуха.

Ночью Куйгорож пищит:

— Кик-кик! Что делать? Давайте работу!

— Новую избу сделай к утру,— приказывает Пятань. — И чтоб лавки новые были и печка новая.

— Не боятся руки муки, а ноги дороги — будет сделано,— говорит Куйгорож.

Легли спать старик со старухой, утром просыпаются и глазам своим не верят: стены в избе новые — еловые, лавки новые — дубовые, столешница березовая, печка узорами расписана, а в сенях кадки липовые для меда и масла. Весь день Пятань с Акулей любовались новой избой, насмотреться на нее не могли. Вечером старик говорит:

— Не хуже людей теперь мы с тобой живем, Акуля. Вот только хлев у нас старый, а в хлеву, кроме одра, никакой скотины нет. Прикажу-ка я нынешней ночью Куйгорожу сделать новый хлев и чтоб в нем было всякой скотины.

Наступила ночь. Как только запищал Куйгорож, старик ему дал новую работу. Утром хлев был готов, а в нем и лошади, и коровы, и свиньи, и овцы...

— Добра в избе не хватает,— говорит старуха. Попроси у Куйгорожа шубу для меня и платьев разных, красивых. И себе попроси одежды и обуви крепкой.

Так Пятань и поступил. Ночью дал Куйгорожу задание — утром в избе

было что душе угодно: и одежда, и обувь, и посуда. Старик со старухой примеривают обновы, рады-радешеньки.

— Ну, что еще у Куйгорожа попросим? — спрашивает Пятань.

— Все у нас есть.

— Давай гостей созовем, пир устроим. А Куйгорожу велим, чтобы на столе были такие кушанья, какие бояре едят на пасху. Чтоб жареного-пареного вдоволь да каждому штоф казенного вина.

— Ладно, Акуля, — говорит старик. — Так и сделаем.

Всю ночь работал Куйгорож — утром столы ломились от кушаний мордовских, русских, заморских. Созвал Пятань гостей. Пир пошел такой, какого никогда в деревне не было. День пировали, ночь пировали. О Куйгороже старик забыл, и старуха забыла — работы ему не дали.

Под утро гости притомились — кто домой ушел, кто тут уснул, и Пятань с Акулей на печке заснули.

— Кик-кик, — пищит Куйгорож. — Давайте мне работу, а то я разрушу все, что сделал.

Не слышит Пятань, не слышит старуха.

— Кик-кик! Не дадите работы — разрушу избу.

Спят старик со старухой, не просыпаются. И гости спят. Куйгорож разрушил новую избу, и стало все как прежде: окошки косые, углы гнилые, крыша дырявая.

— Кик-кик! Не дадите работы — нового хлева со скотиной не будет.

Опять никто не ответил Куйгорожу, и вместо нового хлева старый оказался. Все, что сделал, уничтожил Куйгорож. Пропищал в последний раз «кик-кик!» и улетел в лес.

А Пятань с Акулей живут как жили, с хлеба на квас перебиваются.

ЧЕРНАЯ УТОЧКА

Карельская сказка

ЖИЛИ когда-то на берегу моря старик и старуха. Были у них сын и дочь. Перед смертью старики дали детям наказ:

— Живите дружно, всегда друг другу помогайте, друг друга выручайте.

Остались брат и сестра вдвоем. Брат ходит в лес на охоту, сестра дома управляется. А были они такие красивые, что на всей нашей земле никто не смог бы с ними сравниться. Однажды на охоте брат встретил самого царевича. Царевич засмотрелся на парня, об охоте забыл, а потом говорит:

— Скажи мне, парень: нет ли у тебя сестры? Наверное, она такая же красивая, как ты?

— Нет, — отвечает брат, — она куда красивей меня.

— Тогда отдай ее мне в жены, — просит царевич. — Отдашь — я тебя по-царски награжу. А захочешь — поселишься вместе с нами в царском доме.

Брат пришел домой, говорит сестре:

— Встретил я в лесу царевича. Он тебя сватает.

Сестра говорит:

— Не пойду замуж, пока не изотру ручной жернов, которым мололи зерно отец с матерью.

На другой день брат опять встретил в лесу царевича.

— Что твоя сестра, пойдет за меня? — спрашивает царевич.

— Говорит, не пойдет замуж, пока не изотрет ручной жернов, которым мололи зерно отец с матерью.

Царевич задумался. Вечером брат говорит сестре:

— Опять о тебе царевич спрашивал.

— Не пойду замуж, пока не истолку ступку, которую сделал отец для матери, — отвечает сестра.

На третий день брат опять встретил царевича, а вечером сестра сказала:

— Не пойду замуж, пока не сотру подолом юбки деревянный порог, который смастерил мой добрый отец.

Брат рассказал все это царевичу. Тот говорит:

— Когда сестра уйдет по воду, ты изруби на куски жернов, ступку и порог, а потом легонько склей.

Брат все сделал, как сказал царевич. Сестра вернулась — ничего не заметила. Утром пошла зерно молоть, повернула жернов — он развалился. Пошла в сарай в ступке толочь — ступка раскололась. Пошла домой, на порог ступила — порог развалился.

— Видно, пора замуж идти, — сказала она.

Собрались они, взяли с собой собаку Пятнашку, сели в лодку и поплыли вдоль берега в город. Гребут они, гребут... Вдруг на берегу появилась лесная ведьма, старуха Сюэтар.

— Возьмите меня в лодку! — кричит старуха. — Я так устала, сил нет идти!

— Не надо брать, — говорит сестра, — ведь это Сюэтар. А где она — там беда. От зла не жди добра.

Они плывут дальше. Старуха Сюэтар бежит по берегу и кричит:

— Возьмите меня в лодку, добрые люди! Ноги мои совсем устали, ветками они исцарапаны, муравьями искусаны!

— Не надо брать, — говорит сестра. — Сюэтар погубит нас, только зло у нее на уме.

Дальше они плывут, и вот на повороте у мыса лодка подошла близко к берегу, старуха изловчилась и прыгнула в лодку. Села рядом с девушкой, слух у нее отняла.

Вот брат говорит:

— Царский город показался. Готовься, сестра, надень свое лучшее платье.

А сестра не слышит его слов. — Что ты говоришь, мой милый братец?

— Он говорит: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань черной уткой!» — кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

Погрустнела девушка, задумалась. А брат вскоре говорит:

— Городская стена виднеется. Готовься, сестра, повяжи свой красивый платок.

Сестра не слышит. — Что ты говоришь, мой милый братец?

— Он говорит: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань черной уткой!» — кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

«За что мой братец на меня так сердится?» — думает девушка. А брат вскоре говорит:

— Царский дворец сияет. Готовься, сестра, надень свое дорогое ожерелье.

Сестра не слышит.

— Что опять сказал мой милый братец?

— Он сказал: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань черной уткой!» — кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

Что делать? Заплакала сестра. Но нельзя брата послушаться. Ведь отец с матерью перед смертью наказ дали: брата всегда слушаться. Плюнула девушка в воду, закрыла глаза и прыгнула в море. Тут старуха Сюэтар и превратила ее в черную утку. А сама надела ее лучшее платье, повязала красивый платок, надела дорогое ожерелье. Сама невестой стала. Причалили

к берегу, к цареву городу. А у царевича дома все к свадьбе готово. Он с гостями встречает невесту, радуется. Но когда невесту вблизи увидел, — всю радость его как водой смыло. Стоит бедный царевич, что делать — не знает. Что за ведьма из лодки вышла? А он-то хвастался: «Моя невеста — красавица!»

— Ах, парень, как ты меня обманул! — говорит царевич.

А гости свадьбы ждут. Значит, быть свадьбе. Женился царевич на ведьме Сюэтар. Бедного парня за обман приказал запереть в конюшне с девятью дикими жеребцами. «Пусть они его там затопчут, будет знать, как обманывать!»

Ночь настала. Все спят. Подплыла черная уточка к берегу, принесла с собой серебристую рубашку для царевича и запела:

Приди, собачка, мой дружок,
Приди ко мне на бережок.

Ах, как мне горько нынче петь!
Где братец милый мой, ответь?

Прибежала собака Пятнашка и говорит:

— Твоего милого братца заперли в конюшне с девятью дикими жеребцами, заперли на погибель.

Сестра запела:

Иди скорей, моя собачка,
Иди скорей, моя Пятнашка,
Иди к царевичу, собачка,
И отнеси ему рубашку.

Пройди, чтоб петли не запели,
Чтоб двери вдруг не заскрипели,
Пройди, чтоб двери не стучали,
Чтоб слуги вдруг не закричали.

Отдала она собаке серебристую рубашку и подумала: «Пусть царевич поглядит на эту рубашку и смилуется над моим братом».

Собака Пятнашка тихо вошла в царский дом, так прошла, что петли не запели, двери не заскрипели. Никто в доме не проснулся. Положила собака рубашку в изголовье царевича и убежала. Утром царевич проснулся, увидел серебристую рубашку и спрашивает:

— Кто это сшил?

Жена его, старуха Сюэтар, говорит:

— Это я ночью сшила. Глаза у меня по ночам спят, а руки — работают.

Царевич удивился, задумался, не поверил и вспомнил о бедном парне, которого приказал запереть в конюшне с жеребцами.

— Эй, слуги, — сказал он, — если тот парень еще жив, переведите его в хлев, запрягите вместе с коровами.

А сам взял рубашку и пошел к матери. Царица-мать говорит:

— Рубашка твоя серебристая будто из чешуи мелких рыбок сделана. Где ты ее взял?

Царевич не знает, что ответить, ушел, еще больше задумался.

Ночь настала. Все спят. Снова подплыла черная уточка к берегу, принесла с собой серебристую скатерть для царевича и запела:

Приди, собачка, мой дружок,
Приди ко мне на бережок.

Как горько жить! Как горько петь!
Где нынче братец мой, ответь?

Прибежала собака Пятнашка и говорит:

— Твой братец жив, его перевели к коровам. Там ему легче.

Сестра отдала собаке серебристую скатерть и сказала:

— Отнеси царевичу, пусть он посмотрит на нее и помилует моего брата.

Собака Пятнашка тихо вошла в царский дом, осторожно положила скатерть в изголовье царевича. Никто не проснулся. Даже ведьма Сюэтар ничего не почувствовала. Утром царевич увидел серебристую скатерть и спрашивает:

— Что это? Откуда?

Жена отвечает:

— Я всю ночь работала, для тебя старалась. Глаза мои ночью спят, а руки без усталости работают.

Царевич снова не поверил, задумался и опять вспомнил о бедном парне. Он приказал перевести его к овцам. А сам долго рассматривал скатерть. Казалось, она была сделана из чешуи серебристых рыбок. Царевич взял рубашку и скатерть и пошел к древней старушке, которая жила в маленькой избушке на берегу моря и слыла самой мудрой в их земле.

— Не знаешь ли ты, бабушка, откуда у меня взялись эти вещи?— спрашивает царевич.

— Как не знать, — отвечает старушка. — Это работа твоей невесты, красавицы, сестры того парня, которого ты мучал ни за что. Обманула тебя ведьма Сюэтар, стала вместо красавицы твоей женой, а девушку превратила в черную уточку. Две ночи подряд уточка на берег выходила, подарки тебе выносила, через собаку Пятнашку тебе их передавала, чтобы ты ее дорогого брата помиловал. Сегодня уточка выйдет на берег в последний раз — попрощаться с собакой. А завтра улетит на юг, в далекие края.

— Ах, бабушка, — говорит царевич, — что же делать? Как расколдовать мою невесту, черную уточку?

Старушка говорит:

— Сейчас иди домой, освободи бедного парня да спрячь его подальше от глаз ведьмы Сюэтар. Вечером приходи на берег, встань за моей избушкой и жди, когда приплывет черная уточка. Как только споет она свою песню, тут ее и лови. А потом бросай за спину через левое плечо. Расколдовать ее нелегко, она будет превращаться в разных животных, но ты не бойся, всех смело бросай через левое плечо.

— Спасибо, бабушка, — сказал царевич и пошел домой.

Дома он приказал слугам освободить парня и увести его в дальнюю комнату дворца. Вечером царевич пришел на берег и спрятался за избушкой.

Ночь настала. Приплыла черная уточка, выбралась на берег и запела:

Приди, Пятнашка, мой дружок,
В последний раз на бережок...

В последний раз так горько петь!
Где нынче братец мой, ответь?

Царевич выскочил из-за избушки, схватил черную уточку и перекинул через левое плечо. Оглянулся — там змея. Он схватил змею и перекинул через левое плечо. Оглянулся — там огромная ящерица. Он перекинул и ящерицу. Оглянулся — там жаба. Он перекинул жабу. Оглянулся, а там стоит красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Вот моя невеста! — закричал царевич. А потом тихо сказал: — Выходи за меня замуж.

— Не пойду, — отвечает девушка. — Ведьма Сюэтар снова меня погубит.

Царевич говорит:

— Я оставляю тебя здесь, на берегу, в этой избушке, у этой доброй старушки. Вернись за тобой, когда ведьмы Сюэтар в моем городе не будет.

Он вернулся домой, приказал слугам схватить ведьму, связать, отвести в темный лес и бросить. Старуха Сюэтар взмолилась:

— Пощади меня, царевич, я не буду больше зла творить, оставь мне жизнь, я никогда не выйду из лесу.

Царевич приказал развязать ведьму. Слуги отвели ее в лес.

Царевич пошел на берег, взял за руку красавицу невесту и привел ее домой. Древнюю старушку он по-царски наградил. А на завтра устроил пир на весь мир. Такой свадьбы никто не видывал. Жил царевич с красавицей долго и счастливо.

БЕДНЯК И СУДЬЯ

Карельская сказка

ЖИЛИ-БЫЛИ старик и старуха. Однажды пришла такая пора, что ничего у них не осталось: ни хлеба, ни скотины. Все крохи доели, совсем худо стало. Старуха говорит:

— Добудь, старик, муки. Где хочешь, а добудь. Иначе помрем.

Что делать старику? Отправился в соседнее село. Идет и думает: «Придется на хитрость пойти, хитрого купца обмануть.» Зашел он в лавку и говорит:

— Купец, продай мешок муки.

Купец говорит:

— Покупай. Давай деньги.

Старик говорит:

— Денег у меня нет, зато есть огромный жирный бык. Могу расплатиться мясом.

— Говоришь, огромный жирный бык? Хорошо! Бери не один мешок, бери два! А как зарежешь быка, принеси мне заднюю ногу.

Старик нанял подводу, положил два мешка муки и поехал в другую лавку.

— Купец, продай мешок муки.

— Покупай, — говорит купец. — Чем будешь платить?

— У меня есть огромный жирный бык, пора его резать.

— О, тогда возьми три мешка! А как зарежешь быка, принеси мне заднюю часть.

Старик взвалил на телегу три мешка и поехал в третью лавку. Третий купец дал ему пять мешков муки.

— Когда зарежешь своего огромного быка, половину мяса отдашь мне.

Старик привез домой целый воз муки.

— Вот, старуха, пеки хлеба, пеки пироги.

Наелся старик пирогов и думает: «Как теперь быть? Ведь купцы придут долг требовать». И пошел к судье. Пришел и говорит:

— Взял я у купцов муки в долг, обещал расплатиться мясом, когда зарежу своего огромного жирного быка. А теперь передумал мясо отдавать. Лучше сами мясо съедим. Так что постарайся, судья, выгороди меня перед купцами, когда они с жалобой придут.

Судья думает: «Верно, лучше сами мясо съедим». И говорит:

— Трудно тебя выгородить, но можно... Ведь у тебя есть огромный жирный бык... Ты притворись-ка дураком, на все вопросы тверди одно: «Хэй, вэй, хотивэй!».

Вскоре приходит к судье первый купец, подает жалобу. Судья зовет старика.

— Ты брал у купца муку в долг? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты обещал ему отдать мясо за муку? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Да ведь он — дурак! — говорит судья купцу. — Кто ж тебя заставлял давать в долг этому полоумному? Сам виноват. Иди домой.

Купец ни с чем ушел домой. Приходит второй купец. Судья зовет старика.

— Ты брал у этого купца в долг? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты заплатил ему за муку?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— О, да ведь он совсем дурак, — говорит судья купцу. — Зачем ты давал в долг этому полоумному? Сам виноват, иди домой, ничего от него не добьешься.

И второй купец ушел ни с чем. Приходит третий купец. Судья в третий раз зовет старика.

— Ты знаешь этого купца? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты брал у него муку в долг?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты зарезал своего быка?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты видишь, купец, с кем ты связался? Он — круглый дурак! — говорит судья. — Незачем было давать в долг полоумному.

— Я дал ему пять мешков муки! — кричит купец. — Взыщи с него долг, на то ты и судья!

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик.

— Ты же видишь, — говорит судья, — он не в своем уме. А таких не судят. Ничего с него не возьмешь. Иди домой.

И третий купец ушел ни с чем. Судья говорит:

— Вот как ловко я провел всех купцов! Теперь иди, режь своего жирного быка и принеси мне заднюю часть.

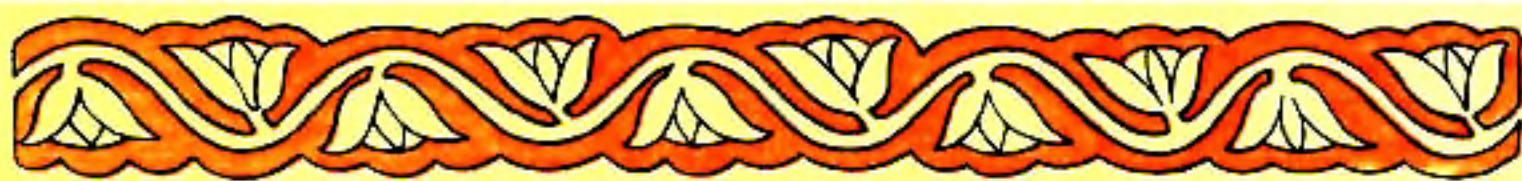
— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик.

— Хватит прикидываться дураком, купцов тут нет, — говорит судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик. — Купцов тут нет, и дураков тут нет, и быка у меня никогда в жизни не было!

Вот такая сказка.

ЗЛАТОПРЯХИ

Эстонская сказка

ЖИЛА в темном дремучем лесу, в одинокой избушке, хромая старуха с тремя красавицами-дочерьми. Дочки подле старухи цвели, точно яркие цветочки вокруг сухого пня; особенно пригожей и милой была младшая сестра. Но в лесной глуши красотой девушек могли любоваться только солнце днем да месяц и звезды ночью.

Словно юноша влюбленный,
Солнышко на них глядело,

То играло в пестрых лентах,
То румянило узоры.

Старуха не давала дочерям лентяйничать и терять время попусту — они должны были работать с утра до вечера. Девушки весь день проводили за прялками — они пряли пряжу из золотого льна. Ни в будний день, ни в субботу вечером не было у бедняжек времени, чтобы запасти себе приданое. Если в сумерки или ночью, когда всходила луна, им не удавалось тайком взяться за спицы, то к приданому ничего и не прибавлялось. Спряденную кудель старуха тотчас заменяла новой и к тому же требовала, чтобы нить, которую пряли девушки, была одинаково ровной, в меру крученой и тонкой. Готовую пряжу она держала под замком, в тайнике, куда девушки не смели и ногой ступить.

Откуда появлялся в доме золотой лен и на какую ткань шла спряденная нитка, пряжи не знали; старуха никогда им об этом не говорила. Каждое лето она два или три раза куда-то уходила и пропадала иногда больше недели, домой же всегда возвращалась ночью, и сестры никогда не видели, что она приносила с собой. Перед уходом старуха оставляла дочерям пряжи на столько дней, сколько думала пробыть в отлучке.

Вот и сейчас снова стала собираться в путь. Разделив между дочерьми прядево на шесть дней, она по обыкновению начала поучать их:

— Дочки, работайте усердно, не зевайте по сторонам, чтоб нитка на веретене не оборвалась, не то золотая пряжа потускнеет, и тогда конец вашей счастливой жизни!

Но девушки только посмеялись над наставлением старухи, и не успела она отойти от дому и на десять шагов, как сестры наперебой стали издеваться над ней.

— Ни к чему нам эти глупые поучения, — сказала младшая. — Золотую нитку рви сколько хочешь — она не порвется, а уж когда прядешь, тем более.

— Да и золото потускнеть не может, — добавила вторая сестра.

Так смеялись девушки по своему легкомыслию, пока смех их в конце не обернулся слезами.

На третий день после ухода старухи неожиданно случилось событие, принесшее сестрам сперва испуг и слезы, а впоследствии — счастье и благополучие.

Королевич из рода Калева, охотясь с друзьями на диких зверей, заблудился в густом лесу. Он заехал так далеко, что уже не слышал ни лая собак, ни звуков охотничьего рога, которые помогли бы ему выбраться из чащи. Выбившись из сил, юноша слез с коня и прилег отдохнуть в тени кустов, а лошадь пустил пастись на траве.

Когда королевич проснулся, солнце уже клонилось к закату. Он стал искать дорогу и наконец набрел на маленькую тропинку, которая вела к избушке хромой старухи.

Девушки очень испугались, увидев незнакомого юношу — им до сей поры не приходилось видеть чужих людей. Но уже вечером, закончив работу, положенную им на день, сестры так подружились с пришельцем, что забыли и об отдыхе. Когда, наконец, старшие сестры пошли спать, младшая осталась с юношей. Они сидели на пороге избушки, и ни тому, ни другому в эту ночь спать не хотелось.

Пока они при свете луны и звезд нашептывают друг другу сладкие речи, посмотрим, что делают охотники, потерявшие в лесу своего старшего. Они без устали искали юношу, ездили по лесу и вдоль и поперек, пока совсем не стемнело. Отчаявшись они отправили к королю двух гонцов с печальной вестью, а сами улеглись на ночь под ветвистой елью, решив на другое утро вновь начать поиски.

Король тотчас же приказал выслать отряд конных и пеших воинов на розыски пропавшего сына. Но лес был такой большой, что людям лишь на третий день к полудню удалось напасть на след, который вел к избушке.

Королевич не скучал в обществе сестер и не вспоминал о доме. Уезжая, он тайно поклялся младшей сестре скоро вернуться и либо добром, либо силой увезти ее с собой. И хотя старшие сестры даже не подозревали об этомговоре, тайна вскоре неожиданно-негаданно открылась.

Не на шутку испугалась младшая из сестер, когда, сев после отъезда королевича за прялку, заметила, что золотая нить на веретене порвана. Девушка проворно связала концы нити узелком и стала быстро вертеть колесо прялки, чтобы наверстать время, которое потеряла, милуясь со своим суженым. Но вдруг сердце у девушки сжалось: она заметила, что золотая пряжа утратила свой блеск. Не помогали ни вздохи, ни слезы — дело не шло на лад.

Ночью старуха вернулась домой. Войдя в горницу, она мигом почуяла —

что-то здесь неладно. Гнев закипел в ее сердце. Она подозвала к себе дочерей и потребовала от них ответа. Как девушки ни таились, как ни оправдывались — ничто не помогло: ложь на глиняных ногах ходит. Хитрая старуха сразу же поняла, какие песни напевал ее младшей дочери залетный петушок. Она разразилась страшными проклятиями, осыпая ими небо и землю. В конце концов пригрозила свернуть юноше голову и бросить его на съедение диким зверям, если он вздумает вернуться.

Младшая дочь, красная, как вареный рак, весь день не находила себе покоя и ночью не сомкнула глаз. Особенно мучила ее мысль о том, что королевичу, если он вернется, не миновать смерти. Рано утром, когда старуха и сестры еще крепко спали, девушка потихоньку вышла из избы во двор, надеясь, что утренняя прохлада развеет ее тяжкие думы.

К счастью, она еще в детстве научилась у старухи понимать язык птиц, и теперь это ей пригодилось. На верхушке ели сидел ворон и приглаживал клювом перья. Увидев его, девушка воскликнула:

— Милый ворон, мудрейшая из птиц! Можешь ли ты помочь мне?

— Какая помощь тебе нужна? — спросил ворон.

— Полети над лесами и равнинами, лети до тех пор, пока не увидишь прекрасный город, где живет король, — ответила девушка. — Разущи там королевича и поведай ему про мою беду.

И она рассказала ворону о том, как порвалась у нее золотая нить и какие страшные угрозы сыпались из уст старухи. Девушка попросила передать королевичу, чтобы он больше не возвращался. Ворон пообещал выполнить ее просьбу, если найдется в городе кто-нибудь, кто знает язык птиц, и тотчас же отправился в путь.

Под вечер с верхушки ели послышалось карканье ворона: «Кра, кра!» И измученная девушка выбежала во двор послушать, какие вести принесла ей птица. Ворону посчастливилось встретить в королевском саду сына некоего мудреца, повелевавшего ветрами. Юноша этот хорошо знал язык птиц. Ворон передал ему слова девушки и попросил все рассказать королевичу. Узнав о случившемся, королевский сын сильно опечалился и стал втайне советоваться со своими друзьями, как спасти девушку.

— Скажи ворону, — наказывал королевич сыну мудреца, — чтоб он поскорее летел к девушке и передал ей вот что: «На девятую ночь будь наготове — придет избавитель и вырвет голубку из когтей ястреба».

Ворону, чтобы вознаградить его за хлопоты и подкрепить его силы, дали кусок мяса и отправили посланца в обратный путь.

Девушка поблагодарила мудрую птицу за добрые вести и все услышанное сохранила в тайне, так что ни сестры, ни старуха ни о чем не догадались. Но чем ближе подходил девятый день, тем тяжелее становилось на сердце у девушки: она боялась, как бы нежданная беда не испортила все дело.

На девятую ночь, когда старуха и сестры пошли спать, девушка на цыпочках вышла из избы и села под деревом на траву поджидать суженого. Страх и надежда переполняли ее сердце. Уже и вторые петухи пропели, а в лесу не слышно было ни голосов, ни шагов. Между вторым и третьим пением петухов до нее донесся отдаленный топот конских копыт. Чтобы

топот и голоса приближающихся людей не разбудили сестер и старуху, девушка побежала в ту сторону, откуда слышался шум, и вскоре увидела отряд воинов. Впереди ехал королевич. Увидев девушку, юноша соскочил с коня, помог ей сесть в седло, потом сел сам, и они помчались. Месяц, выглядывая из-за деревьев, освещал им путь.

Едва занялась заря, как лес наполнился птичьими голосами. Если бы девушка прислушалась к ним и последовала советам птиц, это избавило бы ее и королевича от многих бед. Но юноша нашептывал ей на ухо сладкие речи, и девушка не слышала и не видела никого, кроме своего суженого, а тот просил ее отбросить всякий страх и смело положиться на защиту воинов. Когда отряд достиг равнины, солнце стояло уже высоко.

Старуха, встав поутру, не сразухватила дочь. Лишь немного погодя, увидев, что за мотовилом никого нет, она спросила у дочек, где их младшая сестра. Но те не знали. По некоторым приметам старуха поняла, что дочь убежала, и задумала наказать беглянку, послав за ней погоню. Старуха принесла с чердака горсть девяти волшебных трав, высушенных и перемешанных, прибавила к ним колдовской соли, завязала все в тряпочку, обмотала шерстяной ниткой и, бормоча заклинания, послала волшебный клубок с попутным ветром вдогонку дочери, приговаривая:

Мать ветров, махни полою,
Пусть расправят крылья вихри!
Пусть клубочек мой помчится,

Словно ветер, словно птица,
Пусть несется, смертоносный,
И заставит пасть беглянку!

К полудню королевич со своим отрядом достиг берега широкой реки. Через нее был переброшен мостик, такой узенький, что проехать по нему можно было только поодиночке. Когда королевич достиг середины моста, посланец ветра — волшебный клубочек на лету слегка коснулся коня. Испуганный конь с храпом взвился на дыбы, и не успели люди броситься на помощь, как девушка соскользнула с луки седла в реку. Королевич хотел было прыгнуть вслед за ней, но воины удержали его: река была такой глубокой, что ни один смертный не мог бы помочь беде.

От ужаса и горя королевич чуть не лишился рассудка. Воины силой отвезли его в замок, где он провел много недель в уединенной комнате, оплакивая свою невесту. В первые дни юноша не принимал ни пищи, ни питья. Опечаленный король велел созвать всех мудрецов своей страны, но никто не мог сказать, чем болен королевич, и никто не знал, как его вылечить. Тогда сын волшебника, служивший у короля садовником, дал ему такой совет:

— Пошлите гонцов в страну финнов, к старому мудрецу, он знает дело лучше, чем здешние мудрецы.

Король поспешил послать гонцов к финскому мудрецу, и спустя неделю старик прилетел в королевство на крыльях ветра.

— Добрый король! — сказал мудрец. — Этот недуг на королевича наслал ветер. Злой волшебный клубок поразил юношу в сердце, поэтому он и грустит. Тут не помогут ни уговоры, ни лекарства — только время залечит рану. Пусть чаще бывает на ветру, чтобы ветер развеял его тоску.

И правда — королевич стал поправляться, начал есть и спать. В конце концов он рассказал родителям о своей горе.

Старый король желал бы, чтобы сын нашел себе новую невесту и поскорее привел в дом молодую жену, но королевич и слышать об этом не хотел.

Так в скорби и печали прошел почти год. И вот однажды юноша случайно оказался у реки, где погибла его любимая. Вспомнив об этом, он горько заплакал. Вдруг ему послышался нежный, красивый голос, хотя никого поблизости не было. Голосок пел:

По заклатью злой старухи
Взяли волны слабенькую,

Скрыли волны бедненькую,
Обнял Ахти миленькую.

Соскочив с коня, королевич осмотрелся вокруг, заглянул под мост, не спрятался ли там кто-нибудь. Но насколько хватал глаз, нигде таинственной певуньи не было видно. На поверхности воды, меж широких листьев, тихо покачивался цветок кувшинки. Это было единственное, что бросилось в глаза юноше. Но цветок не мог петь, тут, конечно, крылось какое-то волшебство. Королевич привязал коня к пню у берега, уселся на мосту и стал ждать, не послышится ли голос снова. Долго все кругом было тихо, потом голосок снова запел:

По заклатью злой старухи
Взяли волны слабенькую,

Скрыли волны бедненькую,
Обнял Ахти миленькую.

Иной раз хорошая мысль осеняет человека совсем случайно. Так было и на этот раз. «Если я сейчас поеду в лесную избушку,— подумал королевич,— кто знает, может быть, золотопряжи помогут мне разгадать эту тайну». С этой мыслью юноша вскочил на коня и поехал по направлению к лесу. Он надеялся найти дорогу по знакам, которые оставил на стволах деревьев, но лес разросся, и королевич проплутал больше суток, прежде чем отыскал тропинку. Он остановился в лесу поодаль от избушки и стал подстергать, не покажется ли кто из девушек.

Рано утром старшая дочь вышла к ручью умыться. Подойдя к ней, юноша рассказал о своем несчастье и о таинственной песне, которую он услышал у моста. Старухи, к счастью, не было дома, и девушка позвала юношу в горницу. Из рассказа королевича сестры сразу поняли, что виной несчастья был старухин волшебный клубок и что сестра их не умерла, а только опутана нитями колдовства.

— Не заметили ли вы в речных волнах чего-нибудь такого, что могло бы петь?— спросила старшая сестра.

— Нет,— ответил королевич,— Насколько хватал глаз, на воде не было ничего, кроме желтого цветка кувшинки с широкими листьями. Но ведь ни цветок, ни листья не могли петь.

Девушки сразу же решили, что кувшинка и была их сестра, утонувшая в реке и превращенная силой волшебства в цветок. Они знали, что заколдованный клубок, который старуха послала вдогонку их сестре, мог превратить ее во что угодно, но отнять у нее жизнь он не мог. Однако королевичу сестры не сказали; они не хотели внушать ему напрасные надежды, пока

¹ Ахти — водяной.

не придумают, как спасти сестру. Старуха должна была вернуться только через несколько дней, поэтому у них было время подумать и посоветоваться.

Вечером старшая сестра принесла с чердака горсть волшебных трав, мелко растерла их, смешала с мукой, замесила тесто, испекла лепешку и угостила ею юношу перед сном. Ночью королевич увидел странный сон, будто живет он в лесу среди птиц и понимает их язык.

Когда он утром рассказал девушкам свой сон, старшая сестра молвила: — В добрый час пришли вы к нам, в добрый час приснился вам такой сон. Когда вы поедете домой, он сбудется. В лепешку, которую я вчера испекла для вас, были подмешаны волшебные травы мудрости. Они помогут вам понять все, о чем говорят между собой птицы. Этим маленьким крылатым существам известна мудрость, неведомая людям; поэтому внимательно прислушивайтесь к щебетанию пернатых.

Королевич поблагодарил девушек за добрые советы и поклялся вызволить их из рабства, хоть ценой выкупа, хоть силой, затем попрощался и пустился в путь.

Когда он ехал по лесу, ему казалось, будто он окружен множеством людей: пение птиц, их крик и щебет отдавались у него в ушах, как внятная и разумная речь. Юноша дивился тому, сколько мудрости остается неведомой человеку из-за того, что он не знает языка пернатых. Правда, вначале путник не понимал многого из щебетания птиц, хотя они и говорили о людях. Но эти люди и их тайные дела были королевичу неизвестны. Вдруг на вершине высокой сосны он увидел сороку и пестрого дрозда. Они вели между собой беседу, которая, как показалось королевичу, касалась его.

— Люди ужасно глупы! — сказал дрозд. — В самом пустячном деле — и то не умеют правильно поступить. Там в реке, около моста, уже целый год томится дочка хромой старухи, превращенная в кувшинку. Она поет, жалуюсь прохожим на свое горе, но никто и не подумает ее спасти. Вот только несколько дней тому назад проезжал через мост ее бывший женишок, слышал жалобы девушки, но и он оказался не умнее других.

— А ведь бедняжка по его вине несет на себе проклятие старухи, — ответила сорока. — Если он не наберется иной мудрости, кроме человеческой, то девушка так и останется цветком на веки вечные.

— Спасти ее было бы нетрудно, — сказал дрозд, — если бы рассказать все старому финскому мудрецу. Он легко освободил бы пленницу из водной темницы.

Этот разговор заставил юношу задуматься. Едучи дальше, он размышлял о том, кого бы послать гонцом в страну финнов.

Вдруг он услышал, как одна ласточка прошептала другой:

— Давай полетим в страну финнов, там есть получше места для гнезд, чем здесь.

— Пойдите, друзья! — закричал королевич на языке птиц. — Передайте от меня привет старому финскому мудрецу и спросите у него совета — как вернуть человеческий облик девушке, превращенной в кувшинку!

Ласточки пообещали выполнить его просьбу и полетели своей дорогой. Добравшись до берега реки, юноша пустил коня пастись, а сам остался

на мосту, прислушиваясь, не зазвучит ли снова песня. Но ничего не было слышно, только волны шумели да ветер свистел над рекой. Опечаленный, сел королевич на коня и поехал домой. О том, что случилось с ним во время поездки, он никому не сказал ни слова.

Прошло несколько дней. Однажды королевич сидел в саду и размышлял о том, что ласточки, улетевшие в страну финнов, наверное, забыли о его просьбе. Вдруг увидел большого орла, кружившего высоко в воздухе над его головой. Орел опускался все ниже и ниже и, наконец, уселся на ветку липы, поблизости от королевича.

— Старый финский мудрец шлет тебе привет, — сказал орел, — и просит не сердиться, что он задержался с ответом: трудно было найти кого-либо, кто направлялся бы в вашу страну. Чтобы вызволить девушку из плена и вернуть ей облик человека, ты должен сделать вот что: пойди к реке, сбрось с себя одежду и вымажь все тело грязью, чтобы нигде не осталось ни единого белого пятнышка. Потом зажми нос двумя пальцами и крикни: «Пусть на месте юноши черный рак появится!» И в тот же миг ты превратишься в рака. Смело ныряй на дно реки, не бойся утонуть. Заберись под корни кувшинки, высвободи их из песка и ила, потом зацепись клешней за кончик корня, и вода сама поднимет тебя вместе с цветком на поверхность. Плывайте вниз по течению, пока на левом берегу не покажется раскидистая рябина. Поодаль от нее будет стоять камень вышиной с маленькую избушку. Поравнявшись с ним, ты должен сказать: «Кувшинка, стань девушкой, рак превратись в юношу!» И твое желание тотчас же сбудется.

Сказав это, орел поднялся в воздух и полетел своей дорогой. Юноша долго смотрел ему вслед, не зная, что и думать.

Больше недели размышлял королевич: у него не хватало решимости поступить так, как велел мудрец. Но однажды юноша услышал голос ворона, говорившего ему:

— Что же ты медлишь? Финский мудрец никогда не давал неправильных советов, да и язык птицы никогда еще никого не обманывал. Поспеш к реке, спаси девушку и осуши ее слезы.

Слова ворона придали юноше смелости. «Пусть я погибну, — подумал он, — но лучше смерть, чем вечная печаль».

Сев на коня, он поскакал знакомой дорогой к берегу реки. Подъехав к мосту, королевич снова услышал песню:

По заклятью злой старухи
В полусне я здесь качаюсь.
У речной волны в объятьях

Цвет весенний увядает,
В глубине холодной, темной
Скрыта милая твоя.

Королевич стреножил коня, чтоб тот не мог далеко уйти, потом сбросил с себя одежду, вымазал тело грязью, не оставив нигде ни одного белого пятнышка, зажал себе нос и, воскликнув: «Пусть на месте юноши черный рак появится!» — бросился в реку. Вода с шумом взметнулась кверху, и снова все стихло.

Юноша, превратившийся в рака, стал освобождать от песка и ила корни цветка, глубоко ушедшие в речное дно. Эта работа отняла у него много времени. Корни крепко вросли в землю, и раку пришлось трудиться целых

семь дней, пока он, наконец, не справился с делом. Распутав корни, он зацепился клешнями за один из них, и вода подняла его вместе с цветком на поверхность. Волны несли их все дальше и дальше, и хотя по берегам росло много кустов и деревьев, однако рябины и большого камня все еще не было видно.

Наконец на левом берегу они увидели ветвистую рябину, покрытую гроздьями красных ягод, а чуть поодаль стоял камень величиной с избушку. Поравнявшись с ним, пловец воскликнул: «Кувшинка стань девушкой, рак превратись в юношу!» — и тотчас же на поверхности воды показались две головы — юноши и девушки. Волна прибила пловцов к берегу, но выйти они не могли, так как оба были нагие.

— Милый юноша, у меня нет никакой одежды, поэтому я не решаюсь выйти из воды, — смущенно сказала девушка.

— Я закрою глаза, а ты выйди на берег и спрячься в тени рябины, — ответил юноша. — Я побегу к мосту, где оставил коня и одежду перед тем, как броситься в реку.

Когда девушка укрылась под рябиной, королевич поспешил к тому месту, где оставил коня и одежду, но не нашел ни того, ни другого. Юноша не знал, что пробыл в облике рака семь дней, ему казалось, что он провел на дне реки каких-нибудь несколько часов.

Вдруг к берегу подъехала великолепная карета, запряженная шестеркой лошадей. В карете королевич нашел одежду для себя и спасенной им девушки. Вместе с каретой прибыли также слуга и служанка. Оставив слугу подле себя, юноша послал карету со служанкой и с одеждой туда, где пряталась под рябиной его любимая.

Через час с лишним девушка, наряженная в красивое свадебное платье, приехала к королевичу, поджидавшему ее у реки. Юноша, тоже одетый в богатый свадебный наряд, сел в карету рядом с невестой, и они поехали в город, прямо к церкви.

В это время король и королева в траурных одеждах сидели в церкви: оплакивая своего любимого сына. Все считали, что он утонул, так как его конь и платье были найдены на берегу реки. Велика же была радость родителей, когда сын предстал перед ними живой и невредимый, и с ним рядом — милая девушка, оба в ослепительных одеждах. Король сам повел жениха и невесту к алтарю, где их и обвенчали. Затем начались пышные и шумные свадебные празднества, длившиеся шесть недель.

Время движется, не зная ни остановок, ни отдыха, и все же дни радости летят как будто быстрее, чем часы скорби. Вскоре после свадьбы наступила осень, потом пришла зима с морозами и снегом, и у наших молодых не было охоты даже за порог ступить.

Но когда снова пришла весна во всей своей красе, королевич с молодой женой вышли погулять в сад. Тут сорока, сидевшая на верхушке дерева, закричала ему:

— Ох ты, неблагодарное создание! Как только для тебя наступили счастливые времена, ты и забыл о тех, кто помогал тебе в беде! По-твоему, несчастные девушки до конца дней своих должны пряхть золотую пряжу?

Хромая старуха не мать им, а колдунья! Она украла их в дальней стороне, когда они были еще малыми детьми.

Тут королевич вспомнил, как поклялся девушкам выволить их из неволи. Жена, обливаясь слезами, стала умолять мужа поспешить на помощь ее сестрам. На другое утро, проснувшись, она сказала королевичу:

— Мне снился вещий сон, будто старуха ушла из дому и сестры остались одни. Сейчас самое время отправиться к ним на помощь.

Не медля ни минуты, королевич велел снарядить большой отряд воинов и вместе с ними двинулся в путь. На другой день они достигли лесной избушки. Девушки, как и предвещал сон, оказались одни и радостным криком бросились навстречу своему избавителю. Королевич тотчас же приказал одному из воинов набрать ядовитых корней и приготовить старухе такое блюдо, чтоб ей, когда она вернется домой и поест, уже никогда больше есть не захотелось.

Когда королевич спустя неделю послал своего военачальника посмотреть, что делается в лесной избушке, тот нашел старуху мертвой. В тайнике же оказалось пятьдесят возов золотой пряжи. После того, как добро было увезено, королевский военачальник велел пустить под крышу избушки красного петуха. Пламя уже вырывалось из слухового окна, как вдруг по стене скользнула на землю большая кошка с горящими глазами. Воины поймали ее.

— Смилуйтесь надо мной, люди! — сказала кошка. — Я такой же человек, как и вы, хотя силой волшебства превращена в кошку. Я жила в дальней стране, в замке короля, владевшего несметными богатствами, и вела там хозяйство, а колдунья была первой служанкой у королевы. Нас одолела алчность, мы постепенно вынесли из замка всю драгоценную утварь, которую старуха превращала в золотой лен, а затем унесли и трех его дочерей. Старшей из них было три года, а младшей — пять месяцев. Старуха боялась, как бы я, раскаявшись, не выдала ее, и превратила меня в кошку.

Когда кошка кончила свой рассказ, королевский военачальник молвил:

— Отправляйся и ты вслед за колдуньей, лучшей смерти ты не заслужила! — и велел бросить ее в огонь.

А королевские дочери, как и их младшая сестра, вышли впоследствии замуж за королевичей. Золотая пряжа, найденная в лесной избушке, составила им богатое приданое.

КАК СОВЫ УЧИЛИСЬ ПЕТЬ

Эстонская сказка

БЫЛО время, когда все птицы пели одинаково. От этого получалась большая путаница. Бывало, услышит голубь красивую песенку, подумает, что голубка его поет-разливается. Полетит на голос да прямо в когти коршуну попадается. Станет красногрудый снегирь сзывать своих птенцов, а на зов его слетаются серые воробьишки... Наконец надоела такая жизнь птицам, и решили они так: сложим все песни в большой сундук и будем тянуть по очереди, кто какую песню вытащит, ту и станет петь весь его род.

Назначили птицы день, час и место и слетелись со всех концов леса делить песни.

Одни совы опоздали. Были они большими лентяйками и очень любили поспать. Птицы, пролетая к назначенному месту, позвали двух сов, дремавших на ветке, но те только приоткрыли свои круглые глаза и сказали друг другу:

— К чему спешить? Самые хорошие песни — подлиннее да потяжелее, они, верно, завалились на дно сундука. Вот и достанутся нам.

Только к вечеру собрались совы получить свою долю. Заглянули в сундук, а там пусто. Все песни разобрали другие птицы. Так совам ничего и не досталось.

А разве можно прожить без песен? Друг другу и то не знаешь, как голос подать. Горевали, горевали совы и, наконец, сказали:

— Давайте сами придумаем для себя какую-нибудь песенку.

А это было не так-то легко. То затянут такое, что у самих уши заболят, то зальются трелью и уже обрадуются — вот-то хорошо! — да вдруг услышат: то же коленце, но гораздо складнее выводит какой-нибудь жалкий зяблик.

Совсем приуныли совы. А птицы кругом так и щебечут с утра до вечера им на зависть.

Однажды вечером встретились две подружки-совы в рощице за деревней. Поболтали о том, о сем, заговорили и о своей печальной судьбе. И тут одна из них сказала:

— Не поучиться ли нам у людей?

— Вот это дело, — ответила вторая. — Я как раз слыхала, что сегодня на хуторе справляют свадьбу. А на свадьбах, уж это я верно знаю, поют самые лучшие песни.

Сказано — сделано.

Полетели совы в деревню, прямо на тот двор, где играли свадьбу.

Пристроились на яблоне, что росла поближе к избе, и наострили уши. Да, на их беду, никто из гостей не затягивал песню.

Надоело совам сидеть на ветке.

— Видно, и от людей не дожидаться нам помощи! — сказали они друг другу и уже собрались было лететь восвояси.

Но тут скрипнула дверь, распахнулась с шумом, выбежал какой-то весельчак на улицу и крикнул во весь голос:

— Уу-ух-уу!

— Чур, моя песня; чур моя! — воскликнула первая сова.

— Ладно, — ответила ее подруга. — Ну и повезло ж тебе!

В это время в конюшне проснулась лошадь. Проснулась и громко зафыркала:

— Фррр...

— А вот это моя, моя песня! — тотчас закричала вторая сова.

И обе улетели веселые, чтобы поскорее добраться до леса и похвастаться своими чудесными песнями перед другими птицами.

Кому случалось в ночную пору забрести в сосняк или березняк, или в ельник, тот, верно, слышал перекличку двух птиц.

Одна кричит:

— Уу-ух-уу!

Другая отвечает:

— Фррр... фррр... фрр-рр-рр!

Это и есть те самые совы, которые в старину летали на свадьбу учиться песням.

ОКНО

Финская сказка

ФИНСКИЙ крестьянин ничего сгоряча делать не любит. Прежде чем поле от камней расчистить, он каждый камень три раза обойдет да прикинет, да обмерит. Потом сядет и подумает, потом уж за работу примется. И так дело сделает, что больше переделывать не придется.

И в деревне Хэльмэле — есть такая деревня в Финляндии — тоже, не подумав, за дело не возьмутся. Думают так крепко, будто жернова ворочают. Год думают, в час сделают. А сделают — и сами только руками разведут. О жителях Хэльмэле рассказывают в Финляндии много смешных историй. Вот одна из них.

Собрался как-то крестьянин из Хэльмэле строить дом. Пришли соседи ему помогать. Строить так строить! Бревна выбрали — великан к великану, толщиной в обхват, длиной в пятнадцать шагов. Венец на венец — растут стены с каждым часом. Вот уже и дверь прорубили, вот потолочные балки укладывают, вот уже стропила возвели.

Остановились отдохнуть, глянули на свою работу и залюбовались. Триста лет такой дом простоит! Уж никак не меньше!

Вошел хозяин в дом, а там темно, словно в середине гранитного валуна.

Вышел хозяин из дому и говорит:

— Всем дом хорош, только солнечного света в нем нет.

Тут соседи задумались. Думали день, думали два, думали три. На четвертый день сам хозяин придумал: а что, если солнечный свет в мешке в дом принести?

— Зачем в мешке? Можно в трех мешках, — обрадовались соседи.

Взяли самые большие мешки, растянули горловину так, чтобы солнечные лучи до самого дна достали. Потом осторожно завязали и понесли мешки в дом. Внесли мешки, развязали — темно. Еще подождали — темно. Что тут делать?

Попробовали солнечный свет в сундук собрать. Опять не получается.

Сели они перед самым домом, снова думают. И неизвестно, что бы они придумали, если бы не Матти. Матти был не из Хэльмэле, а из соседней деревни. И такой этот Матти хитрый, что в Хэльмэле только удивлялись, сколько в нем хитрости помещается.

Как раз в то время, когда жители Хэльмэле размышляли, как бы изловить солнечный свет, Матти проходил мимо. Пока они собирались спросить у Матти совета, Матти сам все уже смекнул и сказал:

— Дадите сто марок, будет светло в доме.

Покряхтел хозяин, однако вытасил сто марок и заплатил Матти.

Тут хитрый Матти взял топор и принялся за работу. Только щепки кругом летят. Прорубил окно, и — смотри-ка! — в доме сразу стало светло. Сделав дело, Матти попрощался и пошел своей дорогой.

«Вот оно, оказывается, что! — подумали жители Хэльмэле. — От такой маленькой дыры сразу в доме стало светло! Ну, а если вместо всех четырех стен дыру сделать? Верно, и ночью в таком доме светло будет».

Схватили они топоры и давай махать. Мигом вырубили все стены. Светло в доме, как на дворе! Только вот беда — самого-то дома нет!

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Финская сказка

В БОЛЬШОМ дремучем лесу, далеко на севере Финляндии, росли рядом две огромные сосны.

Они были такие старые, такие старые, что никто, даже седой мох, не мог припомнить, были ли они когда-нибудь молодыми, тонкими сосенками. Ото всюду были видны их темные вершины, высоко поднимавшиеся над чащей леса. Весной в густых ветвях старых сосен пел веселые песенки дрозд, а маленькие розовые цветы вереска поднимали свои головки и смотрели снизу вверх так робко, будто хотели сказать: «Ах, неужели и мы будем такими же большими и такими же старыми?»

Зимой, когда метель закутывала всю землю белым одеялом и цветы вереска спали под пушистыми снежными сугробами, две сосны, словно два великана, сторожили лес.

Зимняя буря с шумом проносилась по чаще, сметала с веток снег, обламывала вершины деревьев, валила наземь крепкие стволы. И только сосны-великаны всегда стояли твердо и прямо, и никакой ураган не мог заставить их склонить головы.

А ведь если ты такой сильный и стойкий — это что-нибудь да значит!

У опушки леса, где росли старые сосны, на небольшом пригорке ютилась хижина, крытая дерном, и двумя маленькими оконцами глядела в лес. В этой хижине жил бедный крестьянин со своей женой. У них был клочок земли, на котором они сеяли хлеб, и небольшой огород. Вот и все их богатство. А зимой крестьянин работал в лесу — рубил деревья и возил бревна на лесопильню, чтобы скопить несколько монет на молоко и масло.

У крестьянина и его жены было двое детей — мальчик и девочка. Мальчика звали Сильвестр, а девочку — Сильвия.

И где только нашли для них такие имена! Наверно, в лесу. Ведь слово «сильва» на древнем, латинском языке значит «лес».

Однажды — это было зимой — брат и сестра, Сильвестр и Сильвия, пошли в лес, чтобы посмотреть, не попался ли в силки, которые они расставили, какой-нибудь лесной зверек или птица.

И верно, в один силок попался белый заяц, а в другой — белая куропатка. И заяц и куропатка были живы, они только запутались лапками в силках и жалобно пищали.

— Отпусти меня! — пролопотал заяц, когда Сильвестр подошел к нему.

— Отпусти меня! — пропищала куропатка, когда Сильвия наклонилась над ней.

Сильвестр и Сильвия очень удивились. Никогда еще они не слышали, чтобы лесные звери и птицы говорили по-человечьи.

— Давай-ка и вправду отпустим их! — сказала Сильвия.

И вместе с братом она принялась осторожно распутывать силки.

Едва только заяц почувал свободу, как со всех ног поскакал в глубь леса. А куропатка полетела прочь так быстро, как могли нести ее крылья.

— Подопринебо!.. Подопринебо все сделает, о чем вы ни попросите! — крикнул заяц на скаку.

— Просите Зацепитучу!.. Просите Зацепитучу!.. И все у вас будет, чего только не захотите! — прокричала куропатка на лету.

И снова в лесу стало совсем тихо.

— Что это они говорили? — сказал наконец Сильвестр. — Про каких это Подопринебо и Зацепитучу?

— И я никогда не слыхала таких странных имен, — сказала Сильвия. — Кто бы это мог быть?

В это время сильный порыв ветра пронесся по лесу. Вершины старых сосен зашумели, и в их шуме Сильвестр и Сильвия ясно расслышали слова.

— Ну что, дружище, стоишь все? — спросила одна сосна у другой. — Еще держишь небо? Недаром ведь лесные звери прозвали тебя — Подопринебо!

— Стою! Держу! — загудела другая сосна. — А ты как, старина? Все воюешь с тучами? Ведь и про тебя не зря говорят — Зацепитучу!

— Что-то слабею я, — прошелестело в ответ. — Нынче вот ветер обломил у меня верхнюю ветку. Видно, и вправду старость приходит!

— Грешно тебе жаловаться! Тебе ведь всего только триста пятьдесят лет. Ты еще дитя! Совсем дитя! А вот мне уже триста восемьдесят восемь стукнуло!

И старая сосна тяжело вздохнула.

— Смотри, вон возвращается ветер, — прошептала сосна — та, что была помоложе. — Под его свист так хорошо петь песни! Давай-ка споем с тобой про далекую старину, про нашу молодость. Ведь нам с тобой есть о чем вспомнить!

И под шум лесной бури сосны, качаясь, запели свою песню:

Мы скованы стужей, мы в снежном плену!
Бушует и буйствует вьюга.
Под шум ее клонит нас, древних, ко сну,
И давнюю видим во сне старину —
То время, когда мы, два друга,
Две юных сосны, поднялись в вышину
Над зыбкою зеленью луга.

Фиалки у наших подножий цвели,
Белили нам хвоею метели,
И тучи летели из мгlistой дали,
И бурю рушило ели.
Мы к небу тянулись из мерзлой земли,
Нас даже столетья согнуть не могли
И вихри сломить не посмели...

— Да, нам с тобой есть о чем вспомнить, есть о чем порассказать, — сказала сосна — та, что была постарше, — и тихонько заскрипела. — Давай-ка поговорим с этими детьми. — И одна ее ветка качнулась, как будто показывая на Сильвестра и Сильвию.

— О чем это они хотят с нами поговорить? — сказал Сильвестр.

— Лучше пойдем домой, — шепнула Сильвия брату. — Я боюсь этих деревьев.

— Подожди,— сказал Сильвестр. — Чего их бояться! Да вон и отец идет!

И верно, по лесной тропинке пробирался их отец с топором на плече.

— Вот это деревья так деревья! Как раз то, что мне нужно! — сказал крестьянин, останавливаясь около старых сосен.

Он уже поднял топор, чтобы подрубить сосну — ту, что была постарше,— но Сильвестр и Сильвия вдруг с плачем бросились к отцу.

— Батюшка,— стал просить Сильвестр,— не тронь эту сосну! Это Подопринебо!..

— Батюшка, и эту не тронь! — просила Сильвия. — Ее зовут Зацепитучу. Они обе такие старые! А сейчас они пели нам песенку...

— Чего только ребята не выдумают! — засмеялся крестьянин. — Где же это слыхано, чтобы деревья пели! Ну да ладно, пусть себе стоят, раз уж вы за них так просите. Я найду себе и другие.

И он пошел дальше, в глубь леса, а Сильвестр и Сильвия остались возле старых сосен, чтобы услышать, что скажут им эти лесные великаны.

Ждать им пришлось недолго. В вершинах деревьев снова зашумел ветер. Он только что был на мельнице и так яростно крутил мельничные крылья, что искры от жерновов дождем сыпались во все стороны. А теперь ветер налетел на сосны и принялся бушевать в их ветвях.

Старые ветви загудели, зашумели, заговорили.

— Вы спасли нам жизнь! — говорили сосны Сильвестру и Сильвии. — Просите же теперь у нас все, что хотите.

Но, оказывается, не всегда легко сказать, чего ты больше всего хочешь. Сколько ни думали Сильвестр и Сильвия, а ничего не придумали, словно им и желать было нечего.

Наконец Сильвестр сказал:

— Я бы хотел, чтобы хоть ненадолго выглянуло солнце, а то в лесу совсем не видно тропинок.

— Да-да, и я бы хотела, чтобы поскорее пришла весна и растаял снег! — сказала Сильвия. — Тогда и птицы снова запоют в лесу...

— Ах, что за безрассудные дети! — зашелестели сосны. — Ведь вы могли пожелать столько прекрасных вещей! И богатство, и почести, и славы — все было бы у вас!.. А вы просите то, что случится и без вашей просьбы. Но ничего не поделаешь, надо выполнить ваши желания. Только мы сделаем это по-своему... Слушай же, Сильвестр: куда бы ни пошел ты, на что бы ни взглянул, повсюду тебе будет светить солнце. И твое желание, Сильвия, исполнится: куда бы ты ни пошла, о чем бы ни заговорила, всегда вокруг тебя будет цвести весна и таять холодный снег.

— Ах, это больше, чем мы хотели! — воскликнули Сильвестр и Сильвия. — Спасибо вам, милые сосны, за ваши чудесные подарки. А теперь прощайте! — И они весело побежали домой.

— Прощайте! Прощайте! — зашумели вслед им старые сосны.

По дороге Сильвестр то и дело оглядывался, высматривая куропаток, и — странное дело! — в какую бы сторону он ни поворачивался, всюду мелькал перед ним луч солнца, сверкая на ветках, словно золото.

— Смотри! Смотри! Солнце выглянуло! — крикнула Сильвия брату.

Но едва успела она открыть рот, как снег кругом начал таять, по обе стороны тропинки зазеленела трава, деревья покрылись свежей листвой, а высоко в синеве неба послышалась первая песня жаворонка.

— Ах, как весело! — воскликнули в один голос Сильвестр и Сильвия.

И чем дальше они бежали, тем теплее светило солнце, тем ярче зеленели трава и деревья.

— Мне светит солнце! — закричал Сильвестр, вбегая в дом.

— Солнце всем светит, — сказала мать.

— А я могу растопить снег! — закричала Сильвия.

— Ну, это каждый может, — сказала мать и засмеялась.

Но прошло немного времени, и она увидела, что в доме что-то неладно. На дворе уже совсем стемнело, наступил вечер, а в избушке у них все блестело от яркого солнца. И так было до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза у него не закрылись. Но это еще не все! Зиме конца не было видно, а в маленькой хижине вдруг повеяло весной. Даже старый, засохший веник в углу и тот начал зеленеть, а петух на своем насесте принялся петь во все горло. И он пел до тех пор, пока Сильвии не надоело болтать и она не заснула крепким сном.

Поздно вечером вернулся домой крестьянин.

— Послушай, отец, — сказала жена, — боюсь я, не околдовал ли кто наших детей. Что-то чудное делается у нас в доме!

— Вот еще что придумала! — сказал крестьянин. — Ты лучше послушай, мать, какую новость я принес. Ни за что тебе не догадаться! Завтра в наш город придут собственными персонами король и королева. Они едут по всей стране и осматривают свои владения. Как ты думаешь, не отправиться ли нам с детьми посмотреть на королевскую чету?

— Что ж, я не прочь, — сказала жена. — Ведь не каждый день в наши места приезжают такие важные гости.

На другой день чуть свет крестьянин с женой и детьми собрались в путь. По дороге только и было разговоров, что про короля и королеву, и никто не заметил, что всю дорогу солнечный луч бежал перед санями (хотя все небо было обложено низкими тучами), а березки кругом покрывались почками и зеленели (хотя мороз был такой, что птицы замерзали на лету).

Когда они въехали на городскую площадь, народу там было уже видимо-невидимо. Все с опаской посматривало на дорогу и тихонько перешептывались. Говорили, что король и королева остались недовольны своей страной: куда ни приедешь — повсюду снег, холод, пустынные и дикие места.

Король, как ему и полагается, был очень строг. Он сразу решил, что во всем виноват его народ, и собирался как следует всех наказать.

Про королеву рассказывали, что она очень замерзла и, чтобы согреться, все время топает ногами.

И вот наконец вдалеке показались королевские сани. Народ замер.

На площади король приказал кучеру остановиться, чтобы переменить лошадей. Король сидел, сердито нахмутив брови, а королева горько плакала.

И вдруг король поднял голову, посмотрел по сторонам — туда-сюда — и весело рассмеялся, совсем так, как смеются все люди.

— Взгляните-ка, ваше величество, — обратился он к королеве, — как приветливо светит солнце! Право, здесь не так уж плохо... Мне почему-то даже стало весело.

— Это, наверно, потому, что вы изволили хорошо позавтракать, — сказала королева. — Впрочем, мне тоже стало как будто веселее.

— Это, вероятно, потому, что ваше величество хорошо выспались, — сказал король. — Но, однако, эта пустынная страна очень красива!

Положительно, это прелестное место! Я прикажу построить здесь дворец.

— Да-да, непременно надо построить здесь дворец, — согласилась королева и даже на минуту перестала топать ногами. — Вообще здесь совсем не плохо. Повсюду снег, а деревья и кусты покрываются зелеными листьями, как в мае. Это прямо невероятно!

Но ничего невероятного в этом не было. Просто Сильвестр и Сильвия взобрались на изгородь, чтобы лучше разглядеть короля и королеву. Сильвестр вертелся во все стороны — поэтому солнце так и сверкало вокруг, а Сильвия болтала, ни на минуту не закрывая рта, — поэтому даже сухие жерди старой изгороди покрылись свежей листвой.

— Что это за милые дети? — спросила королева, взглянув на Сильвестра и Сильвию. — Пусть они подойдут ко мне.

Сильвестр и Сильвия никогда раньше не имели дела с коронованными особами, поэтому они смело подошли к королю и королеве.

— Послушайте,— сказала королева,— вы мне очень нравитесь. Когда я смотрю на вас, мне становится веселее и даже как будто теплее. Хотите жить у меня во дворце? Я прикажу нарядить вас в бархат и золото, вы будете есть на хрустальных тарелках и пить из серебряных стаканов. Ну что, согласны?

— Благодарим вас, ваше величество,— сказала Сильвия,— но мы лучше останемся дома.

— Кроме того, во дворце мы будем скучать без наших друзей,— сказал Сильвестр.

— А нельзя ли их тоже взять во дворец?— спросила королева. Она была в отличном расположении духа и нисколько не сердилась, что ей возражают.

— Нет, это невозможно,— ответили Сильвестр и Сильвия. — Они растут в лесу. Их зовут Подопринебо и Зацепитучу...

— Что только не придет в голову детям! — воскликнули в один голос король и королева и при этом так дружно рассмеялись, что даже королевские сани запрыгали на месте.

Король приказал распрягать лошадей, а каменщики и плотники принялись тотчас строить новый дворец.

Как ни странно, на этот раз король и королева были ко всем добры и милостивы. Они никого не наказали и даже распорядились, чтобы их казначей дал всем по золотой монете. А Сильвестр и Сильвия получили вдобавок крендель, который испек сам королевский булочник! Крендель был такой большой, что четверка королевских коней везла его на отдельных санях.

Сильвестр и Сильвия угостили кренделем всех детей, которые были на площади, и все-таки остался еще такой большой кусок, что он едва поместился на санях. На обратном пути жена крестьянина шепнула мужу:

— А ты знаешь, почему король и королева были сегодня так милостивы? Потому что Сильвестр и Сильвия смотрели на них и разговаривали с ними. Вспомни-ка, что я тебе вчера говорила!

— Это про колдовство-то?— сказал крестьянин. — Пустое!

— Да посуди сам,— не унималась жена,— где это видано, чтобы зимой распускались деревья и чтобы король и королева никого не наказали? Уж поверь мне, тут не обошлось без колдовства!

— Все это бабьи выдумки! — сказал крестьянин. — Просто дети у нас хорошие — вот все и радуются, на них глядя!

И верно, куда бы Сильвестр и Сильвия ни пришли, с кем бы ни заговорили, у всех на душе сразу делалось теплее и светлее. А так как Сильвестр и Сильвия всегда были веселы и приветливы, то никто и не удивлялся, что они доставляют всем радость. Все вокруг них цвело и зеленело, пело и смеялось.

Пустынные земли возле избушки, где жили Сильвестр и Сильвия, превратились в богатые пашни и луга, и в лесу даже зимой пели птицы.

Вскоре Сильвестр был назначен королевским лесничим, а Сильвия — королевской садовницей.

Ни у одного короля ни в одном королевстве не было никогда такого чудесного сада. Да и не мудрено! Ведь ни один король не мог заставить солнце слушаться его приказаний. А Сильвестру и Сильвии солнце светило всегда, когда они хотели. Поэтому в саду у них все цвело так, что любо было смотреть!

Прошло несколько лет.

Однажды глухой зимней порой Сильвестр и Сильвия пошли в лес, чтобы навестить своих друзей.

В лесу бушевала буря, в темных вершинах сосен гудел ветер, и под его шум сосны пели свою песню:

Стоим, как бывало, крепки и стройны.
То выпадет снег, то растает...
И смотрим два друга, две старых сосны,
Как снова сменяется зелень весны
Снегами белей горноста,я,
Как тучи проходят, дождями полны,
И птички проносятся стаи.
Сосновая хвоя свежа и густа —

Завидуйте, вязы и клены!
Зима не оставит на вас ни листа —
Развеет наряд ваш зеленый!
Но вечная соснам дана красота,
В подземные недра ушла их пята,
А в небо — высокая крона.
Пускай непогода бушует кругом —
Сосну не повалит ни буря, ни...

Но не успели они допеть свою песню, как внутри стволов что-то затрещало, закрипело, и обе сосны повалились на землю. Как раз в этот день младшей исполнилось триста пятьдесят пять лет, а старшей — триста девяносто три года. Что же тут удивительного, что ветры наконец их осилили!

Сильвестр и Сильвия ласково потрепали седые, поросшие мхом стволы мертвых сосен и такими добрыми словами помянули своих друзей, что снег кругом начал таять и розовые цветы вереска выглянули из-под земли. И так много их было, что скоро они закрыли старые сосны от самых корней до самых вершин.

Давно уже я ничего не слышал о Сильвестре и Сильвии. Наверно, теперь они сами состарились и поседели, а короля и королевы, которых все так боялись, и вовсе нет на свете.

Но каждый раз, когда я вижу детей, мне кажется, что это Сильвестр и Сильвия.

А может быть, старые сосны одарили своими чудесными дарами всех детей, что живут на свете? Может быть, и так.

Недавно, в пасмурный, ненастный день, мне встретились мальчик и девочка. И сразу в сером, тусклом небе словно замелькал луч солнца, все кругом посветлело, на хмурых лицах прохожих появилась улыбка...

Вот тогда среди зимы и наступает весна. Тогда и лед начинает таять — на окнах и в сердцах людей. Тогда даже старый веник в углах покрывается свежими листьями, на сухой изгороди расцветают розы, а под высоким сводом неба поют веселые жаворонки.

НЕДОПАРУШЕК

Саамская сказка

ДЕВУШКА жила на одном конце озера, а парень на другом его конце. Девушку звали Уточкой, а парня Пейвальке — Солнца Сын.

Он был рыболов, часто ездил по озеру, ставил сети тут и там, а удил очень далеко, где «дома рыб» бывают. Однажды он заехал за три далеких острова и вдруг увидел: на угорышке мыса вежа стоит. Привернул он лодку к берегу, поднялся на гору и увидел девушку Уточку.

Он сразу полюбил ее.

Сказал ей:

— Ты одна живешь здесь, а я один живу там — давай жить вместе.

Уточка ответила, что согласна жить вместе, но в лодку к нему она не сядет, пока он не даст ей обещание:

— Когда мы будем ехать по озеру, что бы ты ни увидел — не удивляйся, не смотри, не замечай, даже виду не показывай, что ты что-нибудь видишь!

Парень, конечно, согласился.

Тогда она сказала:

— Вот тебе три яичка. Береги их, храни пуще глаза, держи их у сердца своего. Пусть будут теплые, не застуди!

Пейвальке яички припрятал. Он положил их за пазуху, — холодно вато тут, но больше девать их было некуда.

— Согревай яички те, — сказала девушка. — А если случится беда, бросай их в меня. Не бойся, смело в меня бросай!

Сказала так и села в лодку. И вот поехали они в дом Пейвальке. Едут по озеру, смотрят, берегами любуются, острова мимо них проплывают, словно они над водой летят, вокруг рыбы играют и плещутся, круги так и ходят по воде — это рыбы играют, тут «дома рыб» находятся. Хорошо. Однако Пейвальке ни на что не глядит, он Уточкой любит, на Уточку смотрит, Уточку только и видит.

Вдруг с неба на остров тень упала. Свет брызнул. Засияло все, свет от

воды отражается, а откуда все исходит, неведомо. Пейвальке внимания не обращает, едет себе и едет, веслом весело поигрывает да Уточкой любит. Остров обогнули, и тут-то воссиял из воды камень. Камень не простой, тот камень был медный камень. И лицо девицы Уточки, и берег дальний, и остров ближний — все осветилось светом этого медного камня.

Тут и закричал Пейвальке Уточке:

— Смотри, смотри, краса какая перед нами открылась — медный камень явился, как огонь горит! Привернем, посмотрим, что за камень такой?

Отвечает ему Уточка:

— Ты мне обещал, что бы ни случилось, мы не видим, не слышим, не смотрим, мимо плывем.

Пейвальке смолчал, дальше поехали. Ехали, ехали, долго ехали, и опять тень мелькнула и за островом спряталась. И опять сияла земля: остров ближе — сильнее свет. Обогнули они и этот остров, а за ним камень лежит — серебром так и блистает, лучи летят в небо, небо серебром переливается, и берег и острова серебряными лучами играют, а и лес-то на острове сере-

бряный, небывалый, так и хочется между тех серебряных елей и березок прогуливаться и веточки ломать, серебряные листья собирать.

Опять Пейвальке просит Уточку:

— Смотри, как хорошо, тут бы нам и жить! Давай привернем!

Девушка молчит, только смотрит с укором.

— Что тут делается? Что творится? Ехал я себе, ничего такого не видел, а еду с тобой — погляди, дивные камни из земли поднимаются, светятся, нам дорогу освещают.

Девушка ему говорит:

— Что бы ни случилось — мы не видим, не слышим, не смотрим, незачем нам ехать к этим камням!

И на этот раз послушался Пейвальке. И этот камень они миновали, остались позади камень медный и камень серебряный.

Дальше поехали.

Ехали, ехали, опять тень на остров упала. Долго плыли они, уже виден стал дом Пейвальке. Уже миновали его лучший «рыбный дом», как опять увидели: впереди свет лучами вверх летит, в небо стремится. И опять из воды камень растет, словно солнце сверкает этот камень. А камень-то не простой — чисто золотой, и свет от него идет золотистый. Все светится золотом — и берег дальний, и ближний остров, и лесок над ним, и даже вода золотится от этого света. А рыбы-то! Рыбы в озере плавают и тоже золотистые.

— Ну, уж этого камня я не миную! — воскликнул Пейвальке. — Около самого дома моего такое диво дивное живет, камень чистого золота лежит, а я буду мимо ехать и даже глазом не моргну. Не бывать тому!

А сам уж не на Уточку смотрит, а на камень глядит золотой, как на свой.

И он направил лодку к этому камню. Очень не хотелось Уточке привораживать, но Пейвальке круто свернул лодку в сторону от прямого пути. Встрепенулась Уточка. Встала. Руки подняла, словно собираясь взлететь...

Только причалила лодка к золотому камню, как стало ясно, что не камень это, а сама Выгахке злая, сама подземная хозяйка перед ними. Это она прикинулась сначала медным, потом серебряным, а теперь золотым камнем, это она распустила по ветру свои волосы так, что страшно на небо смотреть.. А Пейвальке-то видел их золотыми лучами.

Выгахке выскочила из воды, выхватила из лодки Уточку и в озеро швырнула, на ее же место свою дочку — Выгахкенийду ткнула.

Но Уточка была не проста, она еще и воды не коснулась, как превратилась в птицу летучую — в настоящую птицу. Не растерялся и Пейвальке — метнул он яички, одно за другим, прямо в Уточку. Уточка склонила одно яйцо и проглотила его. И другое глотнула, а третье-то не смогла, подхватила его на лету, удержала в клюве, а заглотнуть не смогла. Так и полетела с яйцом в клюве, домой.

Остался Пейвальке один. И поехал он домой не с Уточкой милой, а с дочерью страшной Выгахке. Это она, Выгахке злая, заставила его жить вместо Уточки с дочкой своей — Выгахкенийдой.

Ну и стали жить.

Уточка прилетела домой. Превратилась она в простую девушку человечью и зажила по-старому — одна. Два яичка она носила в себе, а третье-то так и не могла проглотить, осталось оно снаружи, она его держала за щекой. Двум яичкам было тепло — они хорошо согрелись в животе-то у матери, а третьему за щекой было холодно. Пришло время, и Уточка поняла: скоро у нее будут детки. И правда, родила она трех сыновей — двое родились обликом человеческим, а третий-то не согрелся, не допарился за щекой у матери, так и остался яичком. Старшего сына она назвала Левушкой, второго Правушкой, а третьему имя положила — Недопарушек.

Уточка очень любила Недопарушка. Она берегла его и все боялась, что упадет и разобьется, пропадет ее болезный сынок. Дети жили дружно, росли хорошо, — крепкие выдались ребятки. И Недопарушек вырос — из маленького пестрого яичка он превратился в простое яйцо, только лицо у него стало в крапинку. Возмужали ребята и начали сами, без матери, ездить на озеро и ловить рыбу — ставили сети тут и там. С каждым годом они заезжали на лодке в глубину озера, забирались в такие места, где никогда еще не бывали. Заезжали даже за три острова, что издали видны были, словно летят они по-над гладью воды. Мимо «рыбного дома» не раз они плавали, где рыбы играют и плещутся. Так-то вот они ездили-ездили, а однажды заехали в далекий залив. Пристали к берегу, хотели рыбу поудить да ухи сварить, а тут-то на другом берегу домик увидели. Дом не простой, а вернее сказать, настоящие хоромы — и сени большие, и горницы по сторонам просторные.

В хоромах жил человек с женою, с той самой дочкой Выгахкиной. Сыновья не догадались, к кому они попали, не поняли, что в этом доме отец их живет. А отец не знал, что его дети к нему в гости пожаловали. Догадалась обо всем одна только Выгахкенийда.

— Ага! Это сынки моего мужа из яиц повылупились! — сказала она и губами причмокнула от удовольствия, она задумала их съесть.

Выгахкенийда зазвала братьев в дом, напоила и накормила их. В горнице с печкой она сама им постелила постели. Спать их уложила и мехами сверху укрыла: «Спите, детки!»

А Недопарушку жарко стало. Он из мехов на волю выбрался. Братья его положили на печку, на шесток у печки, на ветерок, а сами смотрели — не свалился бы он, не разбился бы: они его берегли, они любили братца своего Недопарушку.

Уложили Недопарушка на шесток, а сами крепко уснули. Один Недопарушек не спит: он братьев своих стережет. Заприметил он, что дочка Выгахки недоброе затеяла.

Учуяла Выгахкенийда, что ребята уснули, — она к двери легонечко подкралась и тихонько стукнула, а сама-то спрашивает:

— Спят ли гости? Отдыхают ли гости?

Недопарушек — он не спит, не дремлет, все видит, все слышит — отвечает ей:

— Не спят гости, не отдыхают гости, готовят тебе калену стрелу, тебя убить собираются.

Выгахкенийда от двери ушла, — не спят гости, так и делать тут нечего.

Два раза так-то вот приходила Выгахкенийда и оба раза спрашивала через двери:

— Спят ли гости, отдыхают ли гости?

Недопарушек так же ей отвечал:

— Не спят гости, не отдыхают гости, готовят калену стрелу, тебя, Выгахке злую, убить хотят.

Утром встали братья рано, Выгахкенийда их в дорогу снарядила. Уехали они домой к матери и рассказали Уточке, что нашли они дом неведомый какой, а в горнице там меха и таково-то сладко спится. Недопарушек о том промолчал. Мать сразу догадалась, что это за дом такой, где тепло и сладко спится, и какой там старик с женою живет. Она им объяснила, какой это дом и что за хозяйка в том доме поселилась. Уточка сказала, что жена отца — женщина не простая, она дочь подземной хозяйки Выгахки злой, она Выгахкенийда, может их со свету сжить и загубить — не след им ездить в дом отца, к Выгахке злой. Захочет отец — он сам вернется к своим детям.

Настала осень, ночи пришли темные, холодные, дожди начались. А ребята рыбную ловлю не бросали, ездили на озеро, не ленились, рыбачили. Однажды пала непогода сильная, да еще мороз ударил трескучий. Довелось братьям повернуть к дому отца — отдохнуть в нем, обогреться, свежей ухи отведать, ночь скоротать.

И опять Выгахкенийда встретила их как добрая хозяйка, она и печку истопила в горнице, чтобы спать им было сладко.

И повалились братья в постели пуховые, мехом укрытые, а Недопарушка-то на шесток уложили. Пусть его лежит на покое, в ямочке, пусть его ветром проносит. А печка-то сильно истоплена. Жарко на печке. Братья уснули, а Недопарушку-то очень уж тепло, чересчур уж жарко бедняжке. Недопарушек начал угорать. Недопарушек начал слабеть, Недопарушек болезненный стал. А Выгахкенийда уже тут. Тут у двери стоит: стук, стук... и спрашивает:

— Спят ли гости, отдыхают ли гости?

Еле-еле мог ответить ей Недопарушек тоненьким голосом, едва-едва слышным:

— Не спят гости, не отдыхают гости, калену стрелу готовят — тебя, Выгахкину дочку, убить хотят.

Однако Выгахкенийда услышала, что там Недопарушек ответ дает. Ушла она.

Мало-мало обождала — снова явилась и опять спрашивает:

— Спят ли гости, отдыхают ли гости?

Недопарушек услышал, жарко ему, задыхается он, но сипленьким голосом, совсем даже чуть-чуть только слышным, он прошептал:

— Не спят гости, не отдыхают гости, калену стрелу готовят, — тебя, Выгахкину дочку убить хотят!

Однако Выгахкенийда услышала шепот Недопарушка, отошла она от дверей. Обождала немного и опять к двери подкралась — тук, тук:

— Спят ли гости, отдыхают ли гости?

Теперь Недопарушек ничего не услышал. Он уже ничего не мог отве-

тить... распарило его на горячей печке, обессилел он, занемог бедненький... ничего он не слышал, ничего уже не мог сказать, слов лишился. Недопарушек лежит, хочет сказать, хочет крикнуть, а даже вздохнуть он не может.

Тут-то Выгахкенийда в горницу вошла. Недопарушка проглотила, а двух ребят на мороз выбросила,— пусть про запас там лежат. Чуть не замерзли братцы Недопарушкины, однако не вовсе умерли.

Материнское сердце чуяло, что детям беда грозит, что Недопарушек задыхается, что плохо ему, что слова сказать он не может. Встрепенулась она, превратилась в утку и полетела в дом Выгахкенийды, в дом отца ее детей. Знала уже, куда ей лететь! Вошла потихоньку. Увидела постели, мехом покрытые,— подумала:

— Там дети спят! А Недопарушек где?

Стала искать Недопарушка. Нет ее сыночка любимого. Нет нигде яичка серенького в крапинку! Не нашла. Бросилась к детям: не тут ли он, среди братьев спит. А детей-то нет под мехами! Она на улицу выбежала, а сынки ее на крыше лежат — совсем замерзшие. Она их давай тормошить, разогревать своим дыханием. Ничто не помогало. Тут-то поняла она, что не живые они, замороженные. Пала Уточка на тела своих детей и начала плакать и рыдать, голосом причитать:

Убиты Левушка и Правушка!

А где же мой Недопарушка?

Сколько я учила, просила я, говорила —

Придет он, отец, придет, сам он приседет!

Не ездите вы в дом отцовский, неродимый.

В дом отца Выгахке вошла!

Выгахкенийда злая в доме том живет!

Не послушали мать, вы ослушались,

Сами себя загубили,

Загубили себя понапрасну!

Через все озеро услышал голос Уточки муж ее нареченный. Вернулся с охоты, прибежал домой и признал жену свою любимую.

А Уточка его укоряла:

Что же ты, муж мой дорогой,

Выгахкенийде злой послушный,

Послушный мужик, рыбак и охотник!

Что же ты не любил, не берег трех

яичек моих,

Детей своих, сироток моих дорогих?!

Двое лежат в снегу неподвижные,

А Недопарушек милый! Где ты?

Недопарушка родного и вовсе-то

нету в живых!

Отец нашел Выгахкенийду, она в амбарах спряталась, привел ее и сказал:

— Сумела ты детей моих заморозить, теперь сумей же их оживить, а нет,— не можешь жизнь им вернуть,— я тебя самую сделаю такою, как они здесь лежат.

Выгахкенийда очень испугалась,— она дунула, она плюнула,— и старший, Левушка, ожил, встал, к отцу подошел с левой руки.

Дунула, плюнула Выгахкенийда еще раз, и второй сын, Правушка, ожил, с правой руки отца он встал.

А Недопарушек где? Где Недопарушек? Нет нигде Недопарушка! Проглотила его Выгахкенийда злая.

Братья прогнали дочку Выгахке. Отца они взяли с собою и поехали к себе домой, в дом матери Уточки.

ТО ЛИ БЫЛО, ТО ЛИ НЕ БЫЛО

Саамская сказка

РАССКАЗЫВАЛ один саам у костра то ли было, то ли небылицу, то ли сказку, то ли байку. Говорил, что все это с ним самим приключилось. И вы послушайте, если время есть, если других дел нету.

Вот с чего все началось: запоздала как-то весна в северных краях. Давно бы ей пора прийти, а что ни день — ветер дует, снег с неба валит. Вот наш саам и думает: непорядок какой-то на небе, надо бы туда забраться, посмотреть, что там такое. А как туда залезть? Земля низко, небо высоко!

Однако наш саам не дурак был, придумал. Взял топор да рубанок, пошел в лес. Свалил большую сосну и начал ее рубанком строгать. До тех пор трудился, пока всю не выстругал. Гора стружек выше леса поднялась. Постелил саам наверх мокрую рогожу, встал на нее и поджег стружки. Вспыхнул огонь, начала рогожа сохнуть, пошел от нее густой пар. Подхватил пар саама, покачал-покачал и вверх понес.

Несло его торчком, несло его кувырком и донесло до облаков. Там саам ухватился за край тучи, да и влез на нее.

Ходит по небу, смотрит. Скучно ему там показалось: пусто, бело кругом, живой души нет, только облака под ногами, как сугробы, лежат...

Поглядел — вдали одно облако выше других вздымается, точь-в-точь круглый снежный дом.

«Значит, живет все-таки кто-то на небе!» — обрадовался саам и побежал к тому облачному дому.

Вошел в дом, а там Гром сидит. По рукам, по ногам связан.

— Хорошо, что ты пришел, человек, — говорит Гром. — Развяжи меня поскорее!

Саам отвечает:

— Развяжи тебя — ты греметь начнешь! Я боюсь. Пусть тебя тот развязывает, который связал.

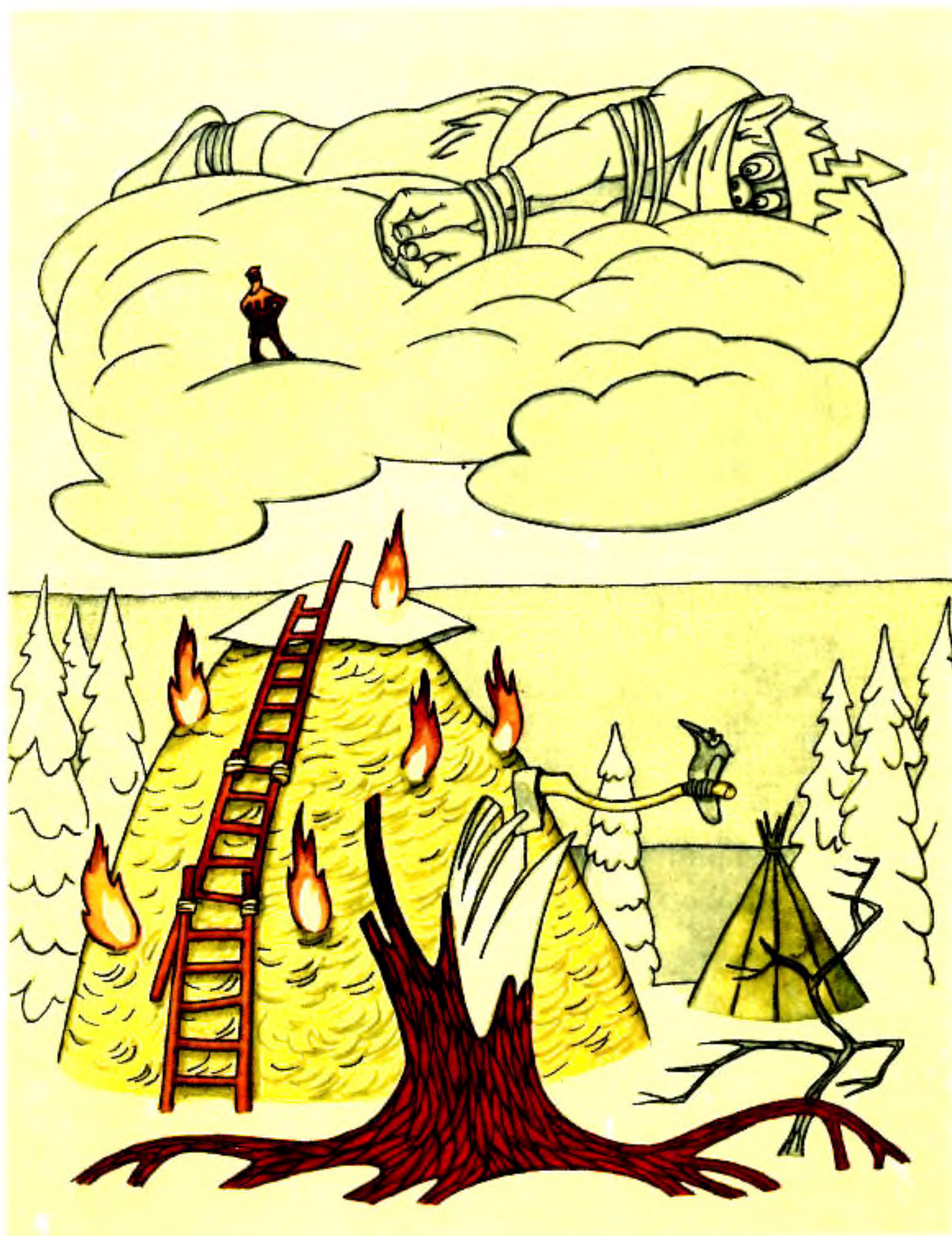
— Глупый ты человек, — рассердился Гром. — Да ведь меня Мороз связал. Зачем ему меня развязывать? Пока я не загремел, он на земле хозяин. Весна в тундре не начнется.

«Вот оно что!» — подумал саам. — Раз так, надо развязывать».

Распутал узлы на руках — Гром рукавами взмахнул. Загремело кругом, так саама в сторону и отшвырнуло. Хорошо, что туча мягкая: упал — не ушибся.

А Гром его торопит:

— Скорей ноги развязывай!

Как быть? Начал дело — кончать надо. Зажмурился саам от страха и развязал Грому ноги.

Ох, что тут поднялось! Гром ногами топчет — грохот такой, что оглохнуть можно. Руками молнии на землю мечет — блеск такой, что ослепнуть можно.

Совсем перепугался наш саам. Одно только у него в голове: как бы поскорей с этого неба убраться! Прыгнуть бы вниз, да очень уж высоко. Тут как раз мимо него молния стрелой пролетала. Саам схватился за нее. Моргнуть не успел, как пала молния на землю. И саам с ней.

Угодил он прямо в болото. Ушел по самые плечи, только голова над трясиной поднимается. Попробовал саам выбраться, да куда там! Еще глубже увяз.

А кругом весна, морошка белым цветом расцветает, птицы хлопчут...

Прилетела на болото пара лебедей. Смотрит лебедиха — торчит что-то из трясины. Пень не пень, кочка не кочка, а для гнезда годится. Свила лебедиха гнездо на голове у саама. Положила три яйца, села насиживать.

Саам все терпит. Если уж в болоте увяз, так оно, может, и лучше. Солнце печет — гнездо ему макушку прикрывает. Дождь зарядит — он не мокнет.

Как-то отлучилась лебедиха ненадолго. Тут и пожаловал гость. Давно волк гнездо учуял, а теперь по кочкам к нему подобрался. Полакомился лебедиными яйцами, да, видно, мало ему показалось. Стал искать еще, ворошить гнездо лапами. Дерет твердыми когтями голову саама, а тот крикнуть боится, только глазами моргает, кряхтит. Наконец повернулся волк, чтобы назад идти. А саам изловчился и схватил зубами волка за хвост. Крепко стиснул зубы, хоть умри — не выпустит.

Теперь уже волк перепугался. Рванулся вперед, саама из болота выдернул. Еще три прыжка — саама на сухое место выволок.

Тут разжал зубы саам. Волк наутек в лес пустился, а наш саам домой побежал.

Не раз и не два саам у костра рассказывал, что с ним приключилось. Кто верил, кто не верил. Кто говорил: сказка, кто говорил: небылица. А саам все свое твердит: «Быль это, чистая правда! Разве такое выдумаешь?!»

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

Венгерская сказка

ЖИЛ на свете бедный человек. Не было у него ничего, кроме белой лошади. Зарабатывал он на хлеб тем, что гонял свою лошадь на мельницу, впрягал ее там в привод, и она послушно ходила по кругу. День-деньской молола мельница зерно, день-деньской работал бедняк на своей лошади. Очень это надоело бедной лошадке. И она сказала хозяину:

— Хозяин ты мой хороший, почему это другие люди двух лошадей запрягают в привод и только меня ты запрягаешь не в пару? Маюсь я на этой мельнице одна. Целый день хожу по кругу, верчу и верчу тяжелые жернова.

— Лошадушка моя, — ответил ей бедняк, — причина тут простая. Ведь у меня не то что коня или мелкой скотинки, букашки даже — и той нет, чтобы припрячь к тебе.

Тогда белая лошадь сказала своему хозяину:

— Коли беда только в этом, дай ты мне волю, и я сама найду себе подмогу.

Бедняк тут же распряг свою лошадь, и побрела она куда глаза глядят.

Пошла бедная в путь-дорогу. Шла, шла, вдруг видит — лисья нора. Раскинула умом белая лошадь и вот что решила: «Лягу возле самой лисьей норы и прикинусь мертвой».

А в лисьей норе жила старая лисица с тремя лисятами. Одна лисичка, что поменьше, захотела вылезть из норы. Подошла к выходу, увидела белую лошадь и решила, что на дворе снег.

Вернулась лисичка к матери:

— Ой, маменька, нельзя сейчас выходить из норы, снег ведь на дворе!

— Какой там снег? — подивилась старая лисица. — Ведь на дворе лето стоит. Пойди, сыночек, — сказала она лисенку, что был постарше. — Ты постарше, погляди-ка, что там такое.

Пошел средний сын. Но и он увидел, что у выхода из норы лежит белая лошадь. Вернулся средний лис к матери и сказал:

— Ой, маменька, и вправду нельзя вылезть: на дворе снег.

— Какой же снег, когда середина лета! — сказала сердито лиса. — Поди ты, мой старший сын. Ты уже видывал виды, не чета младшим! Посмотри, что там такое.

Старший сын вышел, однако и он вернулся с тем же самым.

Тогда лиса сама направилась к выходу. Подошла и видит, что это не снег, а белая лошадь лежит.

Задумалась лиса: как бы оттащить ее подальше? Кликнула детей; взялись они вчетвером, а лошадь ни с места.

Тогда старая лиса решила пойти к своему куму волку.

Пришла и говорит:

— Милый мой куманек. И какой же я раздобыла лакомый кусок! Деноры уже было дотащила, а он никак не влезает в нее. Вот я и надумала: давай-ка перетащим его в твоё логово; может быть, в него он и влезет. А есть его будем пополам.

Обрадовался волк славному угощению, а про себя подумал:

«Было бы мясо в моем логове, а там уж лиса ни кусочка не получит».

Они подошли к месту, где лежала белая лошадь. Волк даже усомнился:

— Скажи, кумушка, а как же дотащить ее до моего логова?

— Да очень просто, — ответила лиса. — Так же, как я тащила ее сюда: привязала за хвост к моему хвосту и волокла ее по рытвинам и ухабам. И до чего же легко мне было! А теперь давай привяжем ее к твоему хвосту; тебе дотащить куда легче.

— Вот это будет здорово, — решил волк и тут же согласился.

И лисица крепко-накрепко привязала волчий хвост к хвосту белой лошади.

— Давай, кум, тащи!

Потянул волк, чуть не лопнул от натуги, а лошадь ни с места. Еще пуще напрягся, и вдруг белая лошадь вскочила на ноги и понеслась. Тащила она волка за хвост через рытвины и ухабы до тех пор, покуда не приволокла его к бедняку.

— Получай, хозяин, — нашла я себе подмогу.

Бедняк тут же прикончил волка, шкуру его продал за большие деньги и купил на них вторую лошадь.

С тех пор белая лошадь не вертела больше жернова одна.

ДВА ВОЛА С ГОРОШИНУ

Венгерская сказка

ЭТО было там, где и в помине не было. За океаном было большое море, посреди острова — высокая гора, на вершине горы — большое, тысячетное дерево. У этого дерева было девяносто девять ветвей; на девяносто девятой ветви висела сума с девяносто девятью тайниками, а в девяносто девятом тайнике лежала книга о девяносто девяти страницах; на девяносто девятой странице этой книги были написаны такие слова: «Тот, кто эту сказку слушать не станет, никогда счастливым не будет». Вот так-то.

Жил однажды один бедный-пребедный человек. По соседству с ним жил человек еще беднее его. У одного был сын, у другого — дочь, и порешили два бедняка поженить своих детей. Пусть уж будет одна нищенская сума, а не две! Порешили — и поженили своих детей.

Как-то раз муж сказал своей молодой жене:

— Послушай, жена! Напеки мне лепешек на дорогу — хочу до бога дойти и узнать, почему он беднякам не помогает.

Напекла жена мужу лепешек; простился он с ней и отправился в путь.

К полудню он пришел в Херецкий лес. Там он встретил седого старца, который пахал целину на волах, да не на простых, а на крохотных-крохотных, величиной с горошину. Парень отвесил старику поклон, тот тоже поклонился в ответ и спросил, куда он держит путь.

— Иду искать бога, — сказал бедняк. — Хочу узнать, почему он ничего не дает беднякам.

— Напрасный труд! — ответил седой старец. — Вот лучше я тебе помогу: подарю этих волов с горошину, и ты заживешь на славу. Только ты, смотри, их никому не продавай, сколько бы тебе за них ни сулили.

Погнал человек домой дареную животину и на следующее утро поехал с волами в лес. Телегу он со всего мира собрал: кто ему колесо дал, кто дышло, кто что — так он ее и сколотил.

Приехал бедняк в лес, срубил дерево, распилил, разрубил. Но больше двух полешек не рискнул положить на телегу, не надеялся он на своих маленьких волов.

А они-то, даром что крохотные, были волшебными волами. И когда бедняк хотел уже тронуться в обратный путь, один из них заговорил:

— Что же ты, хозяин, всего два полешка положил? Нагрузи-ка телегу доверху, чтобы она прогибалась под тяжестью. А то налегке стыдно в деревню въезжать.

Бедняк только головой замотал. А вол опять говорит:

— Не бойся, грузи, как положено.

Бедняк собрался с духом, нагрузил телегу доверху, как только мог. Волы и повезли воз. Сами идут впереди крохотные, а воз за собой везут огромный. Только они выехали из лесу, как повстречали графа и судью. Те даже опешили от удивления, увидев, что крошечные волы везут целый воз с дровами. Граф спросил:

— За сколько ты, бедняк, отдашь мне эту пару волов?

— Непродажные они, сударь, — ответил бедняк.

Граф рассердился и сказал бедняку, что если он за день не выкорчует, не вспашет, не заборонит и не засеет Херецкий лес, то не видать ему больше своих волов.

Опечалился бедняк: что ж теперь ему делать?

— Не горюй, хозяин! — промолвил один из крошечных волов. — Ты только раздобудь плуг и все, что нужно, а за нами дело не станет.

Бедняк достал все, что нужно: со всей деревни собрал сколько было плугов, борон, сеялок и поехал на волах в Херецкий лес. Когда они доехали туда, один из волов обратился к своему хозяину:

— Ты, хозяин, ложись да поспи, а мы сами со всем управимся.

Бедняк послушался, лег, заснул, а как проснулся, видит — всю пашню заборонили, засеяли. Тогда он поехал домой и доложил графу, что всю работу закончил. Поскакали граф и судья к лесу. Осмотрели все и никакого, даже самого малого изъяна не нашли в посеве.

— Ну, бедняк, — сказал граф, — если ты за один день не уберешь у меня всю траву с полей и лугов, то так и знай, что останешься без волов!

Пригорюнился бедняк, а вол с горошину опять его утешает:

— Не кручинься, хозяин! Ты только ляг в борозду и поспи, а мы уж сами управимся.

За день они все убрали. Все взвалили на одну телегу, да так высоко ее нагрузили, что бедняк, сколько голову ни задира, верха не увидел. Вот как высоко было!

Когда волы подъехали к замку, бедняк зашел к графу и сказал:

— Сиятельный граф! Привез я тебе травы. Но ты уж изволь сдвинуть с места свой замок, а то мне с моими волами никак не въехать во двор.

Граф не стал слушать бедняка и вместо благодарности так ему дал по шее, что тот чуть с ног не слетел. Увидели это волы с горошину, потянули телегу, наехали на замок, колесом зацепили, дернули — замок и перевернулся. А граф от злости чуть не лопнул.

— Слышь, бедняк! — закричал разъяренный граф. — Если ты не све- зешь меня вместе с судьей на самый край света, то у тебя и волов не будет и самому тебе не сдобровать. Я хочу увидеть, что там делается!

Эх, тут уж бедняк совсем пригорюнился! Да как же он довезет туда графа, ежели никогда и не видали и слыхом не слыхали, где он есть, этот край света! Но тут один вол заговорил:

— Да не горюй ты, хозяин, туда им и дорога! А как их довезти, мы знаем.

Тогда бедняк запряг волов, граф и судья взобрались на телегу, и волы с горошину повезли их на самый край света. Волы-крошки с разбегу

подкатали туда и стали как вкопанные на самом краешке. А граф и судья кувырком полетели вниз, только их и видели.

— Ну, теперь, хозяин, поворачивай обратно! — сказали волы.
Бедняк так и сделал.

С тех пор граф и судья никогда больше на земле не показывались.
А бедняк со своими волами с горошину живет счастливо и поныне.

СОДЕРЖАНИЕ

Как Ими-Хиты на санках катался. Хантыйская сказка. Из сб. «Журавлиное перо». Л. Дет. лит. 1968	3
Мальчик Идэ. Хантыйская сказка. Из сб. «Сказки Севера». Л. Дет. лит. 1981	10
Сказание про богатыря Виш-Отыра. Мансийская сказка. Из сб. «Журавлиное перо»	13
Умная сова. Мансийская сказка. Из сб. «Журавлиное перо»	22
Лесной человек Яг-морт. Коми сказка. Из сб. «В тридевятом царстве, в тридевятом государстве». Л. Дет. лит. 1982	25
Пера-богатырь. Коми сказка. Из сб. «Коми народные сказки». Сыктывкар. 1975	32
Пера и Зарань. Коми-пермяцкая сказка. Из сб. «У нас на Иньве». М. Дет. лит. 1961	37
Богатырь Кудым-Ош. Коми-пермяцкая сказка. Из сб. «У нас на Иньве».	41
Как веселый мужик радость искал. Удмуртская сказка. Из сб. «Удмуртские сказки». Изд-во «Удмуртия». 1967	49
Аннушка. Удмуртская сказка. Из сб. «Удмуртские сказки»	54
Сказание о Кокше-Патыре. Марийская сказка. Из сб. «Сказки лесов». Йошкар-Ола. 1972	61
Сереброзубая Пампалче. Марийская сказка. Из сб. «Марийские народные сказки». М. Дет. лит. 1979	65
Дуболго Пичай. Мордовская сказка. Из сб. «Мордовские народные сказки». Саранск. 1972	71
Куйгорож. Мордовская сказка. Из сб. «Мордовские народные сказки»	77
Черная уточка. Карельская сказка. Из сб. «Сказки России». Л. Дет. лит. 1983	81
Бедняк и судья. Карельская сказка. Из сб. «Сказки России»	87
Златопряхи. Эстонская сказка. Из сб. «Старинные эстонские народные сказки». Таллин. 1969	89
Как совы учились петь. Эстонская сказка. Из сб. «Веселые сказки разных народов». Л. 1959	99
Окно. Финская сказка. Из сб. «Веселые сказки разных народов»	101
Зимняя сказка. Ц. Топелиус. Из сб. «По дорогам сказки». М. Дет. лит. 1979	103
Недопарушек. Саамская сказка. Из сб. «Саамские сказки». Мурманск. 1980	111
То ли было, то ли не было. Саамская сказка. Из сб. «Журавлиное перо»	118
Белая лошадь. Венгерская сказка. Из сб. «Веселые сказки разных народов»	121
Два вола с горошину. Венгерская сказка. Из сб. «Три розы». Барнаул. 1962	123

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ПЕРА-БОГАТЫРЬ

Сказки финно-угорских народов

Редактор Т. Н. Чукичева. Художественные редакторы В. Б. Осипов, Л. С. Грибова. Технический редактор А. Н. Вишнева. Корректоры Э. С. Грегер, М. М. Дейнега. Ретушер В. А. Власенков. Печатники С. С. Бугаев, А. Я. Перлов.

ИБ № 871

Сдано в набор 06.11.84. Подписано в печать 12.04.85. Формат 84 × 108¹/₁₆. Бумага мелованная. Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44; усл. кр.-отт. 54,6; уч.-изд л. 10,15. Тираж 50000 экз. Заказ № 6530. Цена 1 руб. 10 коп. Ком. книжное издательство. 167610. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229.

Республиканская типография Государственного комитета Коми АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 167610. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 70.